

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ИНСТИТУТ СЕРВАНТЕСА В МОСКВЕ

**INSTITUTO DE LATINOAMÉRICA
ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA**

INSTITUTO CERVANTES EN MOSCÚ

**Instituto de Latinoamérica
Academia de Ciencias de Rusia**

Instituto Cervantes en Moscú

**EL IDIOMA COMO FACTOR ECONÓMICO Y
POLÍTICO EN LAS RELACIONES
INTERNACIONALES**

**Simposio internacional
(26-27 de mayo de 2014)**

Compendio de ponencias

Moscú

2014

**Институт Латинской Америки
Российской академии наук**

Институт Сервантеса в Москве

**ЯЗЫК КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**Международный симпозиум
(26-27 мая 2014 г.)**

Сборник докладов

Москва

2014

УДК Я41

ББК Ш1

81

Редакционный совет: Т.А. Медведева, Т.И. Пигарёва,
В.М. Тайар.

Язык как экономический и политический фактор международных отношений. Международный симпозиум (26-27 мая 2014 г.). Сборник докладов. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 280 с.

ISBN 978-5-9905542-8-3

Данный сборник подготовлен при финансовой поддержке Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и компании "AgencyVCom" (ООО «Ориент Консалт»). В сборнике представлены доклады участников международного симпозиума, прошедшего в Москве 26-27 мая 2014 года. Симпозиум организован ИЛА РАН совместно с Институтом Сервантеса в Москве, при финансовой поддержке Фонда «Русский мир».

Рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся места и роли языка в современном мире, в развитии политических и экономических связей между странами. В центре внимания докладчиков: проблемы сохранения и распространения русского и испанского языков, особенности системы преподавания иностранных языков, факторы, определяющие распространённость языков, проблемы лингвистической идеологии и национального экономического менталитета и др. Тексты печатаются на языке представления докладов (русский, испанский).

El presente compendio fue preparado con apoyo financiero de la Agencia Federal sobre asuntos de la Comunidad de Estados Independientes, de los compatriotas, que viven en el extranjero, y de la cooperación humanitaria internacional (Rossotrudnichestvo) con participación de la compañía "AgencyVCom" (SA "Orient Konsalt"). Dicho compendio ofrece las ponencias presentadas durante el Simposio Internacional, que tuvo lugar en Moscú los días 26 y 27 de mayo de 2014. El evento fue organizado por el Instituto de Latinoamérica junto con el Instituto Cervantes en Moscú con respaldo financiero del Fondo "Russkiy mir".

Fue discutido un amplio círculo de cuestiones relacionadas con el lugar y papel que juega el idioma en el mundo contemporáneo, en el desarrollo de las relaciones políticas y económicas entre los estados. Los ponentes enfocaron problemas de preservación, desarrollo y expansión de las lenguas rusa y española, peculiaridades del sistema de enseñanza de lenguas extranjeras, factores que determinan la divulgación de idiomas, problemas de ideología lingüística, de la mentalidad económica nacional y otros. Los textos se publican en el idioma original en que fueron presentados por los autores (ruso o español).

ISBN 978-5-9905542-8-3

© Институт Латинской Америки РАН, 2014.

© Коллектив авторов, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

В.М. Давыдов. Приветственное слово	9
Ж.М. де Сагара Анхель, Х.Э.Солер Эррерос. Испанский язык в Российской Федерации как определяющий фактор отношений с испаноговорящими странами	11
В.М. Никонов. Приветственное слово	31
К.И. Косачев. Российская политика «мягкой силы» и опыт Россотрудничества	38
Н.Н. Михайлов. О судьбах культур и цивилизаций ...	43
Д.Ю. Петров. Языки мира – факторы престижа и популярности	67
Д.Е. Сорокин. Язык и национальный экономический менталитет	72
А.А. Громько. Многосоставная культура в мире XXI века	78
Е.В. Новикова. Технология международного издательского проекта «Russia Beyond the Headlines» (на примере Испании и Латинской Америки)	88
П.П. Яковлев. Экономическая дипломатия Испании: роль «мягкой силы»	92
С.С. Пайович. Рост значения языка в качестве нового фактора международных отношений в XXI веке	97
Н.Ф. Михеева. Экономический и политический факторы, способствующие укреплению позиций испанского языка в мире	111
В.А. Иовенко. Латиноамериканское мировидение в переводческой деятельности	120

Ю.Л. Оболенская. Единое языковое пространство испанского языка и проблемы национально-культурной идентичности в эпоху глобализации	135
М.М. Раевская. Лингвистическая идеология как реалия современной жизни	147
Э. Пандис Павлакис. Язык-литература и его социальная проекция в творчестве Онелио Хорхе Кардосо	156
Г.С. Чередов. Переплетение русско-испанской культуры в изданиях «Центра книги Рудомино»	163
З.В. Ивановский. Роль социальных и политических факторов в развитии колумбийского варианта испанского языка	168
Л.В. Моисеенко. Испанский язык как инструмент интернационализации образования и создания образовательного пространства	180
Н.Ю. Кудеярова. Экспансия испанского языка в Западном полушарии: миграционный механизм и потенциал интеграции	191
Я.Г. Шемякин. О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта в различных типах цивилизаций	208
Р.Д. Флорес. Демографический рост в латиноамериканских столицах, распространение информационно-коммуникационных технологий и упрочение международного пространства испанского языка в странах Латинской Америки в первом десятилетии XXI века	237
В.М. Тайар. Испания и процессы интернационализации производства в ЕС: роль языкового фактора	250
В.М. Давыдов. Заключительное слово	264
Сведения об авторах	267

CONTENIDO

V. Davydov. Discurso de apertura	9
J.M. de Sagarra Ángel, L.J. Soler Herreros. El español en la Federación de Rusia: factor determinante en las relaciones con los países hispanohablantes	11
V. Nikonov. Palabras de bienvenida	31
K. Kosachev. Política rusa del “poder blando” y la experiencia de Rossotrudnichestvo	38
N. Mikhaylov. Sobre destinos de culturas y civilizaciones	43
D. Petrov. Idiomas del mundo: factor del prestigio y de la popularidad	67
D. Sorokin. Lengua y mentalidad económica nacional	72
A. Gromiko. Cultura multicomponente en el mundo del siglo XXI	78
E. Nóvikova. Tecnología del proyecto internacional de ediciones “Russia Beyond the Headlines” (el caso de España y América Latina)	88
P. Yákovlev. Diplomacia económica de España: el rol del “poder blando”	92
S. Pajovic. El aumento del significado de idioma como nuevo factor de las relaciones internacionales en el siglo XXI	97
N. Mikheeva. Factores económico y político que favorecen al fortalecimiento de la posición del idioma español en el mundo	111
V. Iovénko. Visión del mundo latinoamericana en las actividades traduccionales	120

Yu. Obolénskaya. Espacio lingüístico integral del español y los problemas de identidad nacional y cultural en la época de globalización	135
E. Pandís Pavlakis. Lengua-literatura y su proyección social en las obras de Onelio Jorge Cardoso	147
M. Rayevskaya. Ideología lingüística como realidad de la vida contemporánea	156
G. Chéredov. Interpenetración de las culturas rusa y española en las ediciones del Centro del Libro “Rudomino”	163
Z. Iwanowsky. Papel de los factores sociales y políticos en el desarrollo de la versión colombiana del idioma español	168
L. Moiseyenko. Lengua española como instrumento de internacionalización de la enseñanza y la creación de un espacio educativo	180
N. Kudeyarova. Expansión del idioma español en el Hemisferio Occidental: mecanismo migratorio y potencial de la integración	191
Ya. Shemiakin. Sobre el carácter de correlación del Idioma, Texto y Letra en varios tipos de civilizaciones	208
R.D. Flórez. Crecimiento demográfico de las capitales latinoamericanas, la expansión de las nuevas tecnologías de comunicación e información y el fortalecimiento del espacio internacional del idioma español en la primera década del siglo XXI en los países de América Latina	237
V. Tayar. España y los procesos de internacionalización productiva en la UE: el papel de la lengua	250
V. Davydov. Discurso de clausura	264
Información sobre los autores	267

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Добрый день, Ваше Превосходительство, посол Испании, Хосе Игнасио Карбахаль! Уважаемые господа послы латиноамериканских стран, члены дипломатического корпуса! Уважаемые представители очень уважаемых нами организаций, Вячеслав Алексеевич Никонов, председатель Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации, уважаемые коллеги и друзья!

Мы сегодня начинаем, на мой взгляд, очень серьезную работу совместно с Институтом Сервантеса. Мне кажется, значение языка, казалось бы, – совершенно очевидная вещь. Тем не менее я думаю, что ни с точки зрения науки, теоретической части науки, ни с точки зрения практики мы в должной мере не могли оценить огромную роль, роль цивилизационную, роль практическую, экономическую и политическую распространения языка на международной арене. Думаю, что сегодня нам удастся серьезно продвинуться в этом направлении. Я рад участию Института экономики в лице двух заместителей директора этого уважаемого учреждения, я рад участию представителей общественности лингвистической, лингвистической науки, которая представлена заведующими кафедрами целого ряда ведущих российских университетов.

Думаю, что и испанский язык, и русский язык играют особую роль для своих стран. Считаю, что сама история этих стран говорит нам о том, что, помимо, скажем, политического влияния и экономического, языковая составляющая имиджа государства, его престижа, его «мягкой силы», если говорить о современном языке, огромна. В случае Испании и России значение языка очень важно для того, чтобы поддерживать русский мир и испаноязычный мир, чтобы повысить их значение в современном мироустройстве.

Я не берусь за то, чтобы ответить фундаментально на какие-то вопросы всей нашей общей темы. Думаю, что моя роль

закключается в том, чтобы солидаризироваться с приветствием, которое прозвучало в устах Жозепа Мариа де Сагарра, пожелать плодотворной работы на этом симпозиуме и передать слово самому Жозепу Мариа де Сагарра, который выступит со вступительным докладом.

**EL ESPAÑOL EN LA FEDERACIÓN DE RUSIA:
FACTOR DETERMINANTE EN LAS RELACIONES CON
LOS PAÍSES HISPANOHABLANTES**

1. España y Latinoamérica desde la perspectiva rusa

Más allá del referente histórico y cultural que España, en estrecha vinculación con Latinoamérica, ha significado y continúa significando para las élites rusas a lo largo de siglos de relaciones¹, el «descubrimiento» de España por parte de capas cada vez más amplias de la sociedad rusa se produce en los años 2000, coincidiendo con una mayor apertura de la Federación de Rusia al exterior, así como con la aparición en el país de una clase media con un creciente poder adquisitivo y capacidad para viajar.

Así, pues, en el último decenio, el interés de los ciudadanos rusos por España ha experimentado una progresión que, en determinadas áreas, puede calificarse de exponencial: sectores como el turístico y, más recientemente, la inversión inmobiliaria (adquisición de segundas residencias)² han visto multiplicarse sus resultados. Otros sectores o subsectores (el turismo con fines específicos –como el idiomático o el cultural; también el llamado «turismo de salud»—, así como el interés del público ruso por una amplia gama de bienes de consumo) se benefician de esta coyuntura.

La relación bilateral restablecida en 1977 y desarrollada satisfactoriamente durante más de tres décadas ha alcanzado, en el último lustro, el grado de consolidación que ha permitido replantearla, en toda su amplitud, en términos más ambiciosos y más dinámicos. La celebración, en 2011, del «Año Dual de España en Rusia y de Rusia en España» contribuyó a implementar la relación comercial, diversificando el patrón de las exportaciones españolas hacia la FR, así como la inversión directa española en sectores como el energético o la alta velocidad ferroviaria³. La visibilidad de los productos españoles en la oferta de los establecimientos comerciales

rusos (alimentación, moda, lujo, cultura /cine y literatura) se ha visto también incrementada en calidad y diversidad.

España y la Federación de Rusia se perfilan, pues, como dos países de dimensiones y características muy distintas, pero que, no obstante, guardan ciertas similitudes, según apuntan los analistas del Instituto de Latinoamérica (ILA) de la Academia de Ciencias de Rusia (con el que el Instituto Cervantes /IC/ suscribió en 2010 un acuerdo de cooperación institucional)⁴: destacan los expertos rusos, entre otras coincidencias, la vocación global y los intereses suprarregionales de ambos países, así como la necesidad de modernizar y desarrollar sus respectivos tejidos productivos, y adaptarlos a los nuevos retos globales⁵.

A su vez, la Federación de Rusia mantiene con diversos países latinoamericanos relaciones especiales y privilegiadas, con una importante apuesta por las inversiones, a menudo de alcance continental: en el sector energético, en infraestructuras, comunicaciones terrestres o defensa, con posibilidad de ampliación a muy diversos sectores del ámbito científico-técnico. Las perspectivas de negocio, generadas por dichos proyectos⁶, favorecen los programas de intercambio y de formación de profesionales.

Al mismo tiempo, los cambios tecnológicos en la comunicación social, así como en la difusión de la información económica, política y cultural, están transformando la dinámica de las relaciones entre la Federación de Rusia y Latinoamérica. La FR está mejorando y extendiendo su posición en la región, especialmente en buscadores (Yandex = Яндекс), redes sociales (VKontakte = ВКонтакте), mensajería instantánea (Telegram Messenger) y aplicaciones móviles, con un gran potencial de desarrollo del comercio electrónico global (sector que lideran los productos y servicios culturales).

Asimismo, es de destacar el desarrollo que, en los años 2011-2013, ha experimentado en la FR el sector del libro electrónico, con dispositivos de lectura de producción local y un mercado dominado por «agregadores» igualmente locales⁷.

Así, pues, la percepción que en la Federación de Rusia se tiene de la comunidad hispanohablante, y de las culturas que le son afines,

reviste este doble componente: hispánico y americano. Si España atrae la atención de los ciudadanos rusos por su oferta turística, educativa e inmobiliaria, Latinoamérica atrae la atención de los grandes inversores y de las personas jurídicas. Ambos destinos tienen en común el idioma.

2. La cultura en español en la Federación de Rusia

La cultura española y latinoamericana se encuentran bien representadas en la oferta de las dos grandes ciudades de la FR (Moscú y San Petersburgo) y, aunque con una presencia más irregular o esporádica, en la oferta de las siguientes trece ciudades más importantes (con una población superior al millón de habitantes)⁸, donde existe un mercado receptivo a los productos de los creadores y las industrias culturales españolas e hispano-americanas, un hábito de consumo arraigado y un conocimiento más que aceptable de la realidad y la diversidad del patrimonio cultural y lingüístico de la comunidad hispanohablante, por parte de un público culto y bien predispuesto hacia lo español y lo latinoamericano. En buena medida, dicha presencia se debe a la acción combinada del centro del Instituto Cervantes en Moscú, de la Embajada de España y de las misiones diplomáticas de países hispanohablantes, así como a la actividad de entes locales, públicos y privados —éstos últimos, mayormente de perfil latinoamericano—, dedicados a la difusión del español y de la cultura en español, como, p.e., el centro cultural «Adelante» en San Petersburgo⁹.

Además, se aprecia un notable incremento, en los últimos años, de las publicaciones llevadas a cabo por entes públicos y sellos editoriales de obras literarias, históricas y de otras disciplinas relativas a las humanidades, claro reflejo del creciente interés de la sociedad rusa por la cultura española e hispanoamericana, lo que genera una permanente demanda de nuevos contenidos¹⁰.

En lo relativo al Instituto Cervantes, y dada la intensidad de las relaciones de la Federación de Rusia con una mayoría de países miembros del Grupo Latinoamericano y del Caribe (GRULAC), paralelamente a la difusión de la cultura española, la actividad de extensión cultural desarrollada por el centro del IC en Moscú presta

especial atención a la cultura latinoamericana, lo que se lleva a efecto en colaboración con las misiones de dichos países en la FR.

En los últimos años, y especialmente con ocasión de la celebración en 2011 del mencionado «Año Dual», el centro del IC en Moscú ha aprovechado las circunstancias de crecimiento económico de la Federación de Rusia para extender —en su aunque limitado radio de acción— la influencia del español y de la cultura en español, vinculando la marca de la institución a la alta calidad. Así, el centro del IC en Moscú ha invertido en presencia institucional en los principales eventos y certámenes de la agenda cultural moscovita (festivales de cine, teatro, artes plásticas; bienales de fotografía y danza contemporánea, etc.). Paralelamente, el IC de Moscú rentabiliza dicha inversión, explotando su prestigio de marca mediante el apoyo a actividades de difusión de la cultura en español, organizadas por entes locales, públicos y privados.

Los más de 5.000 estudiantes del Instituto Cervantes de Moscú, los asistentes a sus actividades de extensión cultural, así como los usuarios de sus recursos para la difusión de la realidad sociocultural de España y Latinoamérica, generan un eco de influencia cultural de varias decenas de miles de ciudadanos rusos, que se concentra en las dos grandes capitales, Moscú y San Petersburgo. Por otro lado, la cada vez mayor presencia del centro del IC de Moscú en la Red rusa (Yandex), redes sociales locales, así como en FaceBook y la Wikipedia rusa, contribuye a una mayor difusión de la marca Instituto Cervantes en el territorio de la FR, un dato (según muestra Google) bien atestiguado en Internet y que es ampliable a la Comunidad de Estados Independientes (CEI)¹¹.

A su vez, el aumento de la presencia del español en la Red rusa se correlaciona en el tiempo con el crecimiento económico ruso y una mayor intensidad de las relaciones de todo tipo con España y con Latinoamérica, especialmente a partir de 2011.

3. Situación del español en la Federación de Rusia

La difusión del español en Rusia se remonta a los años 20 y 30 del siglo pasado, cuando la iniciativa corresponde a España¹², para, seguidamente, recibir el testigo distintos países latinoamericanos,

entre los que destacan México y, posteriormente —a partir de 1960—, Cuba, por la relación privilegiada entre la URSS y la isla caribeña. Con el restablecimiento de las relaciones, en 1977, entre España y la URSS (aunque especialmente en lo transcurrido del siglo XXI), la acción exterior española ha recuperado iniciativa. Simultáneamente, distintas agrupaciones de países miembros del GRULAC, como la Alianza del Pacífico¹³ o la Alternativa Bolivariana para las Américas (ALBA), en la que destaca Venezuela¹⁴, se esfuerzan por desarrollar políticas específicas con la FR, en las que la diplomacia cívica, la diplomacia cultural y la difusión del idioma¹⁵ ocupan una importante parcela.

La comparación de los censos rusos de población de 2002 y 2010 (este último publicado en noviembre de 2012) arroja un incremento del 36% del número de ciudadanos de la FR con conocimientos de español, siendo el español, junto con el italiano¹⁶, el idioma de comunicación internacional que más creció, en términos relativos, en el período comprendido entre ambos censos¹⁷. Por otro lado, idiomas como el alemán o el francés decrecieron, en términos relativos, en dicho período, si bien, en términos absolutos, su presencia en la FR es ampliamente superior a la del español¹⁸.

A su vez, los datos de dominio de idiomas en Europa confirman una tendencia favorable al español: según el Eurobarómetro de 2012, entre 2005 y 2012 (últimos datos disponibles) el alemán descendió 3 puntos porcentuales y 2 puntos el francés, mientras que, con un punto de crecimiento, el español fue la única lengua con tendencia al alza.

4. La enseñanza del español en la Federación de Rusia

En el terreno de la enseñanza no reglada, la proliferación de la oferta de cursos de español en las academias privadas de enseñanza de idiomas de la FR es correlativa al creciente interés del público ruso por la comunidad hispanohablante. No obstante, catas efectuadas en el mercado moscovita permiten constatar que la oferta no siempre se corresponde con la capacidad real de atender una eventual demanda. De ello se deduce que la presencia del español en el sector de la enseñanza no reglada es fluctuante, coyuntural y se encuentra todavía lejos de estar consolidada.

A su vez, el centro del Instituto Cervantes en Moscú, con algo más de 5.000 matrículas anuales, registra la mayor actividad académica de la red de centros del IC, mientras que el centro asociado del IC en San Petersburgo (el centro cultural «Adelante») atiende gran parte de la demanda de español en la segunda ciudad del país. La concentración de población en estas dos ciudades y su alto poder adquisitivo (especialmente en Moscú) favorecen este resultado.

La presencia del español en la enseñanza media reglada y en la enseñanza superior reglada viene asimismo experimentando un desarrollo positivo¹⁹, favorecido por el interés del cliente (el propio alumnado, en el caso de la enseñanza media), que demanda la incorporación del español al currículo de los centros educativos. En el caso de la enseñanza superior reglada, el incremento, en los últimos años, del número de conciertos con centros educativos españoles obedece, de una parte, a la voluntad de los centros rusos de enriquecer su oferta curricular con postgrados en centros extranjeros y, de otra parte, al desarrollo por los centros españoles de una oferta en este sentido, específicamente orientada al cliente ruso²⁰.

No obstante lo anterior, las políticas estructurales en relación con la presencia del español en la enseñanza reglada del país siguen alejadas, por ejemplo, de las desarrolladas en fecha reciente por países como Brasil, Italia o Reino Unido. Debido a ello, y a pesar de las perspectivas favorables de desarrollo, el prestigio social del español en la FR dista —como hemos podido comprobar— de ser equiparable al de otras grandes lenguas de comunicación internacional (como el alemán o el francés) con una presencia global inferior a la del español. Así, pues, a efectos estadísticos del sistema educativo ruso, el español se encuentra comprendido en el capítulo de «otras lenguas». No existe un certificado oficial de conocimientos de español de ámbito federal y ningún diploma extranjero (tampoco el DELE)²¹ se encuentra oficialmente reconocido en la FR. Aun así, el español es un idioma popular en varias instituciones educativas de referencia de la capital (p.e., en la Universidad Estatal de Moscú /MGU/, en la Universidad Estatal Lingüística de Moscú /MGLU/, en

la Universidad Estatal Rusa de Humanidades /RGGU/, en la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos /RUDN/ o en el Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú /MGIMO/), aunque el lugar que ocupa en los currículos educativos suele ser el de segunda o tercera lengua extranjera.

En la Federación de Rusia existe una Asociación de Hispanistas de Rusia²², que, con periodicidad quinquenal, organiza un congreso internacional de Hispanística, en colaboración con la Universidad Estatal Lingüística de Moscú.

5. Español en España

Según datos del último Eurobarómetro, la mayoría de los europeos piensa que las principales ventajas de aprender un nuevo idioma son: la capacidad para trabajar en otro país (53%) y, casi en la misma proporción, la posibilidad de usarlo en vacaciones en el extranjero (47%). Uno de cada cinco europeos (20% de los encuestados) menciona por igual el francés y el alemán, y, en una proporción algo inferior, el español (16%) y el chino (14%), como las lenguas más útiles para su aprendizaje por los niños²³.

El interés por el aprendizaje de una lengua extranjera se encuentra mayormente vinculado a los movimientos demográficos: otro estudio de 2012, llevado a cabo en Lituania, indica que «más de la mitad de los estudiantes aprende español porque quiere viajar a España o a otro país de habla hispana»²⁴.

La emigración o el simple desplazamiento —con fines turísticos o educativos— constituyen, pues, una causa de interés por el aprendizaje del idioma, más frecuente que la promoción en el ámbito profesional o que los estudios.

En 2012, la Federación de Rusia aportó a España más de un millón cien mil turistas, con un 41,3% de crecimiento respecto a 2011. En el mismo año 2012, los turistas rusos que visitaron España gastaron 1.851 millones de euros, lo que supone un incremento del 49,5% con respecto a 2011²⁵.

En 2013, con un crecimiento del 31,6% con respecto al año anterior, la FR aportó a España más de un millón quinientos cuarenta mil turistas. También en 2013, los turistas rusos gastaron en España

2.350 millones de euros, lo que equivale a un 28,9% de incremento interanual; no obstante, mientras que, en 2013, la media de gasto de los turistas que visitaron España se incrementó en un 9,6% con respecto a 2012²⁶, la media de gasto del turista ruso decreció un 3%²⁷: un dato que no debe interpretarse negativamente, sino como el producto de una diversificación de la oferta, que, a su vez, ha contribuido a atraer el interés de un espectro más amplio de clientes, parte del cual visiblemente opta por destinos más económicos, lo que se traduce en un decremento del gasto medio.

Estos datos ayudan a comprender el aumento del interés por el español en la FR, una tendencia que podría crecer en los próximos años con el «turismo residencial» e impulsar el turismo idiomático y cultural, junto con el «turismo de salud», de adoptarse medidas de extensión y mejora de la calidad de la enseñanza del español, similares a las introducidas en otros países bien situados en la carrera de la globalización.

Al calor de esta tendencia, ha proliferado la oferta de enseñanza de español en España, en establecimientos educativos de enseñanza no reglada, así como la oferta de una cada vez más amplia gama de estudios en la enseñanza superior reglada, orientada específicamente al cliente ruso. En este terreno, el abanico de posibilidades va desde el complemento vacacional (el llamado «turismo idiomático») hasta estudios superiores (mayormente postgrados en titulaciones relacionadas con humanidades, ciencias políticas y sociales, turismo o servicios; aunque también ingenierías, medicina y carreras técnicas), pasando por muy diversos cursos de inmersión cultural y lingüística de duración variable.

El crecimiento y la diversificación de la oferta se han traducido en un cada vez mejor conocimiento del mercado por parte de los establecimientos educativos españoles y un creciente número de acuerdos con prescriptores rusos (principalmente Universidades) para la captación de clientes en origen.

La oferta de las Universidades españolas supone, a su vez, para las élites rusas, una plataforma óptima, no sólo en cuanto a inmersión lingüística y currículo se refiere, sino también para el desarrollo de relaciones personales (y, consecutivamente, profesio-

nales) con las élites de procedencia latinoamericana que, asimismo, acogen los centros españoles de enseñanza superior. Así, pues, también aquí cumple España, en relación con Latinoamérica, su tradicional función de país introductor y transmisor, a la vez que la variada oferta académica se perfila como un producto moderno y solvente, que añadir al patrón, cada vez más diversificado, de las exportaciones españolas a Rusia.

* * *

La situación del español en la Federación de Rusia, y su trascendencia en España y Latinoamérica, obedecería, pues, a los siguientes parámetros:

a) como consecuencia del interés creciente de la sociedad rusa por España y Latinoamérica, y el incremento del número de visitas, la difusión del español en la FR se ha consolidado en tendencia ascendente;

b) la presencia de oferta de español en la enseñanza no reglada de la FR progresa paralelamente a la oferta de español en España;

c) en la enseñanza reglada de la FR la presencia del español observa una tendencia ascendente, favorecida por el interés del público, y se aprecia un incremento de los acuerdos entre instituciones educativas de enseñanza superior reglada de la FR y España;

d) el público ruso demuestra una creciente tendencia a viajar a España, con fines de turismo idiomático y cultural, o bien con el objeto de cursar estudios de maestría y postgrado;

e) no se aprecia, en la FR, una política a escala federal en relación con la presencia del español en el sistema ruso de enseñanza reglada.

Dado, pues, el interés social en la FR por España, Latinoamérica, el español y la cultura en español, sería deseable – como hemos indicado más arriba– el desarrollo de políticas que redunden en un aumento del prestigio social del español en la FR, con el consiguiente incremento de su valor económico. Como veremos más adelante, dicha mejora del estatus del español en el país se encuentra en el interés de la propia Federación de Rusia.

6. El español en los medios públicos de comunicación

Los intereses geoestratégicos de la Federación de Rusia por los países latinoamericanos (especialmente los productores de petróleo) ha convertido a éstos en la segunda área de influencia de la comunicación estatal rusa. La presencia de la TV y de la prensa digital rusa en español en Latinoamérica ha experimentado un importante auge en los últimos años, siendo el español, tras el inglés y el árabe, la tercera lengua de publicación en el principal medio ruso de diplomacia pública: el canal internacional de televisión Russia Today (RT).

RT es, a su vez, el segundo medio estatal internacional de comunicación por Internet en España y en Latinoamérica (tras la BBC y por delante de RTVE, DW o RFI). El portal rt.com multiplica su impacto por su inteligente presencia en las redes sociales y la disponibilidad de un canal de TDT 24 horas. Su éxito se debe, en buena medida, al volumen de páginas en español.

Así, pues, desde una perspectiva global, los países hispanohablantes constituyen, tras los países islámicos, la segunda área de influencia de rt.com. En 2013, entre los treinta países donde dicho portal tenía mayor influencia, nueve eran hispanohablantes. En pocos meses Russia Today ha conseguido ascender, en términos generales, al grupo de los 100 primeros portales con mayor audiencia, en siete de dichos países²⁸:

Ranking rt.com		
abril de 2013	abril de 2014	País
136	29	República Dominicana
177	126	Costa Rica
250	58	Venezuela
311	64	México
424	132	Argentina
458	78	Chile
494	79	Perú
536	73	Colombia
671	213	España

A su vez, algunos periódicos electrónicos rusos en español gozan, en el continente americano, de mayor popularidad que la propia prensa digital española. Tal es el caso del suplemento mensual en español de *Rossiskaya Gazeta*, «Russia Beyond The Headlines» (antes «Rusia Hoy»), insertado en los rotativos *La Nación* (Argentina), *El Observador* (Uruguay) y *El País* (España)²⁹.

7. La crisis demográfica rusa y la emigración latinoamericana

La Federación de Rusia es el segundo país del mundo en recepción de inmigrantes, tras Estados Unidos y por delante de Alemania y Francia (en tendencia descendente hasta 2010), y de España (en tendencia ascendente desde 2000)³⁰. Aunque en 2010 la emisión de emigrantes alcanzó en la FR los once millones, mientras que la recepción de inmigrantes superaba los doce millones, la tendencia descendente de este último dato conllevará, a medio plazo, un decremento de la población activa de la FR: según el director del Servicio Migratorio Federal (FMS, en sus siglas rusas), Konstantín Romodánovski³¹, la Federación de Rusia necesita una afluencia migratoria de más de 10 millones de personas hasta 2025, con el objeto de evitar el crecimiento negativo de su población en edad laboral³².

Latinoamérica, a su vez, es un mercado emergente de 700 millones de consumidores, pero también una importante región de emigración y, por tanto, una potencial fuente de recursos demográficos, críticos para Rusia hasta el mencionado horizonte de 2025.

La emigración latinoamericana es una tarea pendiente de la agenda rusa, aunque se constata un esfuerzo de la diplomacia pública rusa por mejorar esta realidad: la edición digital de *Russia Today*, que, como se ha indicado, es uno de los medios rusos más relevantes en Latinoamérica, mantiene una línea editorial que proyecta noticias orientadas a atraer la emigración latinoamericana:

«Los hispanos creen que Rusia es un buen lugar donde vivir»³³.

“Rusia se ha convertido en uno de los países más atractivos para los inmigrantes siendo uno de los tres estados con mayor índice

de inmigración del mundo, es así que en 2009 más de 11 millones de inmigrantes llegaron a Rusia, según datos del Servicio Federal de Migración ruso” (...).

“Buena salud del español en Rusia. Para los embajadores de los países latinoamericanos que estuvieron presentes en el evento, Gabo es un escritor internacional, que ha dejado una gran huella en todo el mundo, en especial en su Colombia natal, Cuba, México, España y en la propia Rusia y con este acto también se promociona el español, idioma que goza de una gran aceptación y cariño entre los rusos, muestra de ello es que cada año se incrementa el número de estudiantes de esta lengua” (...).

“En toda Rusia se ha puesto de moda la lengua española, la comida, las canciones latinoamericanas y, cada vez aparecen más bares, restaurantes y discotecas especializadas en el estilo latino y español y es en estos lugares donde la comunidad hispana residente en este país se reúne entre amigos, para sentirse por un momento como en sus tierras.”

El descenso de los contingentes procedentes de la comunidad andina, así como el descenso de la emigración mexicana hacia EE.UU. pueden, a su vez, convertirse en factores de atracción de emigración latinoamericana hacia Rusia. En 2012 Google recibió cerca de cincuenta mil consultas en español sobre trabajo en Rusia y cerca de cien mil sobre visados:

«Rusia necesita inmigrantes para evitar el descenso de población activa»³⁴.

“Según los estudios de 2010, Rusia es uno de los países donde los migrantes reciben los ingresos más altos del mundo. Cerca del 36% de los extranjeros de alta cualificación que viven en Rusia cobran más de 250.000 dólares anuales. Además, de acuerdo con la nueva ley de 2012, los extranjeros que trabajan en el país recibirán pensiones de Rusia a la edad de la jubilación.”

8. Intercambio comercial entre la Federación de Rusia y Latinoamérica

La entrada, en agosto de 2012, de la Federación de Rusia en la Organización Mundial del Comercio (OMC) coincide en el tiempo

con el desarrollo económico de Latinoamérica, donde la inversión de la FR en la construcción de las grandes infraestructuras antes mencionadas se encuentra orientada a abrir paso a sus exportaciones. Conviene, no obstante, señalar que la importancia geoestratégica de Latinoamérica para la Federación de Rusia no se corresponde con su actual balanza comercial, ni con el potencial desarrollo de ésta tras su incorporación a la OMC.

Según la OMC, entre 2009 y 2011 los intercambios comerciales entre la Federación de Rusia y la CEI con América del Sur y Central se incrementaron en un 161,01% y en un 137,31%, respectivamente. En dicho período, la media de crecimiento en relación con otras regiones estuvo en torno al 70%. Sólo Japón logró duplicar su volumen de intercambio comercial con la FR, con un 115,31%. Del resto de países, el mejor dato corresponde a EEUU, con un 86,90% de crecimiento.

Las perspectivas de crecimiento del mercado latinoamericano son, a su vez, positivas: según la Organización Internacional del Trabajo (OIT), existen indicios de una nueva clase trabajadora emergente en los países en desarrollo, que —aunque aún no es lo bastante relevante para constituir un motor de crecimiento— potencialmente podría absorber parte del decremento del consumo en las economías avanzadas.

En cierta medida, el todavía discreto desarrollo de la balanza comercial de la FR con Latinoamérica podría deberse a que el crecimiento del español en la FR se produce de forma más lenta que el aumento de las oportunidades que genera el nuevo escenario geopolítico. Algo similar sucede en el caso de España: para Sánchez Andrés, Shkolyar y Teperman, el idioma es uno de los cinco factores de fracaso de las iniciativas comerciales de España con la Federación de Rusia:

“Problemas idiomáticos y de idiosincrasia del país. Aunque en ciertos ámbitos cada vez se conocen más lenguas extranjeras en Rusia, establecer una comunicación en idioma ruso entre la empresa española y sus socios del país resulta imprescindible. La falta del uso del idioma ruso limita el acceso a más clientes, así como a posibilidades de negocio³⁵.”

De mantenerse, pues, la actual tendencia de crecimiento en el intercambio comercial entre la Federación de Rusia y Latinoamérica, es razonable pensar que un cambio de escala en la difusión del español en la FR permitiría rentabilizar las circunstancias favorables del presente ciclo.

9. Competitividad e imagen exterior de la Federación de Rusia

Uno de los principales motores de la economía rusa es la explotación de sus ingentes reservas energéticas (gas e hidrocarburos). Los beneficios que la FR ingresa por la comercialización de dichos recursos son reinvertidos, principalmente, en una mayor explotación de los mismos, manteniendo e incluso incrementando su déficit en la producción de una amplia gama de bienes de consumo y productos industriales, que se ve en la necesidad de importar.

La Federación de Rusia es, pues, un país que precisa una modernización urgente de su industria, diseñada, en época soviética, para el consumo de un mercado interior y, por consiguiente, libre de competidores; una industria que, tras el cambio de modelo político, no llevó a cabo las transformaciones necesarias para ser competitiva.

La siempre compleja política energética global, sumada al desarrollo de combustibles alternativos (como los combustibles de origen vegetal), plantea a la Federación de Rusia, de forma cada vez más acuciante, la necesidad de modernizar y diversificar su tejido industrial, y de ganar presencia en los mercados internacionales con una oferta innovadora.

A su vez, la necesidad de ser globalmente competitivo requiere no sólo la diversificación y la puesta al día del tejido productivo: también la mejora de la imagen exterior, con el fin de generar la confianza de mercados y público.

Qué duda cabe de que el desarrollo de una masa social con conocimientos de lenguas extranjeras, capaz de comunicarse y de empatizar con las sociedades de las regiones en cuyos mercados se pretende incidir, debería contribuir notablemente a la creación de la imagen-país, de la que, en la actualidad, la Federación de Rusia es deficitaria. En este capítulo, cabe destacar la importante inversión, en

los últimos años, de la FR en diplomacia pública, que se ha traducido en la creación de diversos entes encargados de desarrollar su imagen exterior³⁶.

10. En busca de un efecto multiplicador

Por su calidad de vida, seguridad y proximidad geográfica, España es el país hispanohablante preferido por el público ruso de a pie, como destino turístico y educativo. Asimismo, para la sociedad rusa moderna España supone un referente cultural, con el que —en tanto que país europeo— en buena medida tiende a identificarse. Latinoamérica representa, a su vez, una vasta área geográfica, objeto de un interés predominantemente económico.

En efecto, la Federación de Rusia mantiene con diversos países latinoamericanos relaciones especiales y privilegiadas, con una importante apuesta inversora. No obstante, dicha inversión no se encuentra respaldada, en el momento actual, ni por una masa experta ni por una masa social inmersa en el español y en la cultura en español.

Aunque, en la actualidad, asistimos a un crecimiento sostenido del conocimiento y del uso del español en la FR, al amparo de la tendencia a la intensificación de las relaciones económicas, demográficas, culturales y políticas entre la Federación Rusa, España y Latinoamérica, estas condiciones favorables podrían verse desaprovechadas por limitaciones en el ámbito de la comunicación, pues, si bien el conocimiento del español en la Federación de Rusia tiende a aumentar, su ritmo de crecimiento se produce de forma más lenta que el desarrollo de las nuevas oportunidades.

De todo lo expuesto podemos, pues, deducir que en las actuales circunstancias se dan unas condiciones propicias para un cambio de escala en la difusión del español en la Federación de Rusia. Dichas condiciones son las siguientes:

a) la consolidación de España como destino vacacional y residencial del público ruso, con una creciente fidelización y arraigo de dicho público en el país;

b) la demanda, por parte de la sociedad rusa, de realizar cursos de inmersión lingüística y cultural, así como estudios superiores

(maestrías y postgrados) en centros educativos de España y Latinoamérica;

c) el interés, por parte del tejido de establecimientos rusos de enseñanza superior reglada, por entablar y desarrollar relaciones con entes afines, españoles e hispanoamericanos;

d) el interés de la Federación de Rusia por Latinoamérica, como región de destino de las inversiones de los grandes consorcios rusos;

e) la posibilidad de que Latinoamérica se constituya en región proveedora de inmigrantes hacia la FR;

f) las buenas perspectivas del intercambio comercial entre la FR y Latinoamérica.

* * *

Concluyendo, pues: para una mejora del prestigio social del español en la FR, consideramos que las iniciativas conjuntas (rusas, españolas y de otros países hispanohablantes) deberían orientarse hacia acciones a escala federal, con el propósito de involucrar a los prescriptores locales, de modo que éstos se constituyan en factor multiplicador.

La toma de conciencia del valor económico del español, y del beneficio, a medio-largo plazo, que éste puede reportar a la Federación de Rusia, contribuiría al incremento del valor social del idioma y, en consecuencia, a una mayor difusión de éste en el país. Resultado de ello sería la difusión en la comunidad hispanohablante de una imagen de la FR cercana y confiable, lo que, a su vez, facilitaría la relación de la ciudadanía y de las empresas rusas con las distintas sociedades, española y de los países latinoamericanos, así como la consolidación y el desarrollo de su presencia e intereses en dichos países; al mismo tiempo, una mayor difusión del español en la FR supondría una ventaja comercial competitiva para España y los países latinoamericanos, facilitando la introducción de sus empresas y productos en el mercado ruso.

* * *

¹ Cf.: *Corpus diplomático hispano-ruso (1667-1799)*, tomo I (Manuel Espadas Burgos, ed.), MAEC, Madrid 1991; *Corpus diplomático hispanoruso*

(1800-1903), tomo II (José Ramón Urquijo Goitia, ed.), MAEC - AECI, Madrid 2005.

² Al decremento de los precios del parque inmobiliario español, hay que añadir las facilidades concedidas por las Autoridades españolas para la obtención del permiso de residencia a los ciudadanos extracomunitarios que lleven a cabo una inversión igual o superior a los 160.000 €.

Según datos del Colegio de Registradores de la Propiedad, en 2012, las viviendas adquiridas en España por ciudadanos de la Federación de Rusia fueron 2.399 (el 8,09% de las viviendas adquiridas por ciudadanos extranjeros), mientras que en 2013 las viviendas adquiridas fueron 2.924 (el 9,62% de las adquisiciones por extranjeros), lo que supone un 21,9% de incremento interanual. Véase también: Virgilio González, «La comercialización de inmuebles en Rusia», bajo la supervisión de la Oficina Económica y Comercial de la Embajada de España en Moscú, diciembre de 2013 (<http://www.icex.es/icex/cma/contentTypes/common/records/mostrarDocumento/?doc=4722642>).

Cabe, pues, esperar que el aumento de la población rusa, residente en determinadas zonas, como Alicante, Andalucía o la Costa Brava, sea un factor de incremento de la demanda de español como lengua extranjera tanto en origen como en destino.

³ Buenos ejemplos de ello son las inversiones de REPSOL en los Urales, de Técnicas Reunidas en la reconversión de refinerías rusas, así como de distintas empresas españolas del sector de la alta velocidad en la red ferroviaria de la FR, así como en el trazado de recorridos de ancho variable.

⁴ En octubre de 2011, el Instituto Cervantes acogió, en su sede de Alcalá de Henares, la conferencia «Superación de la crisis y posibilidades de desarrollo innovador. Perspectivas de España y Rusia», que contó con la participación de expertos rusos y españoles. Las actas de dicha conferencia fueron publicadas por el Instituto de Latinoamérica de la ACR, bajo el título *España y Rusia frente a los desafíos de la crisis y el desarrollo innovador* (Moscú, 2012).

⁵ En este sentido, la experiencia española en terrenos como las energías renovables y las nuevas tecnologías se perfilan como áreas de interés común.

⁶ Entre otros, la posible participación rusa en el futuro canal de Nicaragua, el oleoducto-gaseoducto Norte-Sur, el ferrocarril transamazónico Brasil- Argentina o la modernización de la red ferroviaria cubana, de vía ancha.

⁷ Cf.: III. Электронные книги; 3.1. Тенденции и перспективы развития рынка электронных книг; 3.2. Новые бизнес модели на рынке электронных книг; 3.3. Рынок электронных читающих устройств в России и за рубежом; 3.4. Чтение электронных книг и приобретение электронных читающих устройств, [в составе:] Книжный рынок России. Состояние, тенденции и

перспективы развития. 2013. Отраслевой доклад Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (с. 6779) [= III. El libro electrónico; 3.1. Tendencias y perspectivas de desarrollo del mercado del libro electrónico; 3.2. Nuevos modelos de negocio en el mercado del libro electrónico; 3.3. El mercado de los dispositivos de lectura electrónicos en Rusia y en el extranjero; 3.4. La lectura de libros electrónicos y la adquisición de dispositivos de lectura electrónicos, [en:] *El mercado del libro en Rusia. Situación actual, tendencias y perspectivas de desarrollo. 2013. Informe sectorial de la Dirección de prensa, edición y servicios poligráficos de la Agencia federal para la edición y los medios de comunicación de masas*] (pp. 67-79).

⁸ Novosibirsk, Ekaterinburgo, Nizhniy Nóvgorod, Samara, Kazán, Omsk, Cheliabinsk, Rostov del Don, Ufa, Volgogrado, Perm, Krasnoyarsk y Voronezh.

⁹ Único centro asociado del Instituto Cervantes en la Federación de Rusia, con una notable presencia en la oferta cultural de SP.

¹⁰ Ejemplos recientes son: N.N. Platoshkin, *История Мексиканской революции [Historia de la revolución mexicana]*, en tres tomos. Universidad Dmitri Pozharski, Moscú 2011; así como *История Испании. Том 1. С древнейших времен до конца xvii века [= Historia de España. Tomo 1. Desde los tiempos más antiguos hasta el siglo xvii]* (A.O. Chubarián, S.P. Pozhárskaya, V.A. Vedushkin, G.A. Popova, M.A. Lipkin, red.). Academia de Ciencias de Rusia – Instituto de Historia Universal, «Indrik», Moscú 2012.

¹¹ En efecto, desde 2009, en la región euroasiática se puede observar un creciente interés por el español (испанский); un interés asociado a visados, español en línea, traductores automáticos, español en Rusia e Instituto Cervantes.

¹² Con ocasión del «Año Dual de España en Rusia y de Rusia en España» (2011), el Instituto Cervantes de Moscú y la Biblioteca Estatal de Literatura Extranjera organizaron la exposición *La donación del pueblo español* (Tatiana Feoktístova, comisaria; Moscú, del 21 de abril al 29 de mayo), sobre las relaciones entre la República española y la URSS en los años '30 del siglo XX. Cf.: «Дар испанского народа» (catálogo de exposición) Instituto Cervantes de Moscú - Biblioteca de Literatura Extranjera, Moscú 2011.

¹³ El 4 de junio de 2013, los Embajadores en la Federación de Rusia de Colombia, Perú, Chile y México llevaron a cabo, en el centro del IC de Moscú, una presentación del programa de diplomacia cívica y cultural de la Alianza del Pacífico: S http://moscu.cervantes.es/FichasCultura/Ficha89571_54_1.htm S http://rusiahoy.com/internacional/2013/06/05/embajadores_latinoamericanos_presentan_en_moscu_la_alianza_del_28603.html S http://spanish.ruvr.ru/2013_06_06/En-la-presentaci-n-en-Moscu-de-la-Alianza-del-Pacifico-8340/

¹⁴ El 23 de agosto de 2011 se suscribió en Caracas el *Acuerdo entre el Gobierno de la Federación de Rusia y el Gobierno de la República Bolivariana de Venezuela para el establecimiento y las actividades de los Centros Científicos y Culturales*, que sienta las bases para el establecimiento de un Centro de ciencia y cultura ruso en Caracas y un Centro de ciencia y cultura venezolano en Moscú.

En la actualidad, Venezuela tiene un «Centro Cultural Latinoamericano “Simón Bolívar”» en Moscú, y mantiene centros culturales similares en las capitales de Bielorrusia y Ucrania.

¹⁵ En el capítulo de la difusión del español como lengua extranjera, destaca la inversión de Colombia en la creación de cursos y seminarios en Universidades rusas y de la zona CEI.

¹⁶ Aunque la tendencia al alza del italiano no parece abrir a esta lengua grandes perspectivas de difusión en la Federación de Rusia, dada su escasa proyección como idioma de comunicación internacional.

¹⁷ Según datos del censo de 2002, 111.900 habitantes de la FR tenían conocimientos de español; a su vez, el censo de 2010 atribuye conocimientos de español a 152.147 habitantes de la FR. Según el censo de 2002, 54.172 habitantes de la FR tenían conocimientos de italiano, mientras que, en 2010, éstos eran 83.202, lo que equivale a un crecimiento del 53,6%.

¹⁸ Según datos del censo de 2002, los hablantes de alemán en la FR eran 2.895.147, mientras que los hablantes en 2010 se cifran en 2.069.949; el decremento experimentado ha sido, pues, del 28,5%. A su vez, según el censo de 2002, los hablantes de francés en la FR eran 705.217, mientras que los hablantes en 2010 se cifran en 616.394, lo que supone un decremento del 12,6%.

¹⁹ A efectos, en buena medida, de la acción combinada de la Embajada de España, así como de las misiones diplomáticas en la FR de diversos países miembros del GRULAC, mediante sus respectivos lectorados, programas de formación y actividades de difusión y promoción.

²⁰ Cf.: AA.VV., «El español en Rusia», [en:] *Enciclopedia del español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2006-2007*, Instituto Cervantes – Círculo de Lectores – Plaza & Janés, Madrid 2006 (pp. 335-339); Andrés Santana Arribas, «El español en Rusia: pasado, presente y futuro», [en:] *El español en el Mundo. Anuario del Instituto Cervantes*, Instituto Cervantes - Ministerio de la Presidencia (BOE), Madrid 2009 (pp. 17-52).

²¹ Las Universidades rusas certifican, en su caso, los conocimientos de español, bien a efectos del propio establecimiento educativo, bien a efectos de entes terceros, siempre con carácter restringido.

El centro del IC en Moscú organiza los exámenes para la obtención de los DELE («Diploma de Español como Lengua Extranjera», expedido por el Ministerio de Educación, Cultura y Deporte de España) en la Federación de Rusia —en las ciudades de Moscú, San Petersburgo, Ekaterinburgo, Kazán, Voronezh, Izhevsk, Irkutsk, Omsk, Oriol, Volgogrado, Piatigorsk, Nizhni Nóvgorod, Riazán, Astrakán, Sarátov, Ulán-Udé, Tver y Rostov-del-Don—, así como en Armenia, Bielorrusia, Azerbaiyán, Kazajstán y Uzbekistán.

²² <http://hispanismoruso.ru/>. Eurobarómetro de 2012 (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf), consultado el 1 de abril de 2014.

²³ Rima Sabaliauskíné, «La enseñanza del español en la Universidad Vytautas Magnus: principales tendencias», [en:] *Darnioji daugiakalbystė / Sustainable Multilingualism*, 1/2012.

²⁴ Rima Sabaliauskíné, «La enseñanza del español en la Universidad Vytautas Magnus: principales tendencias», [en:] *Darnioji daugiakalbystė / Sustainable Multilingualism*, 1/2012.

²⁵ Mientras que en 2012 el gasto medio diario de los turistas que visitaron España se situaba en 109 €, el gasto medio diario del turista ruso alcanzaba los 159 €.

²⁶ Fuente: encuestas de gasto turístico (Egatur) de 2012 y 2013 (Instituto de Estudios Turísticos, España).

²⁷ Si el gasto medio diario de los turistas que visitaron España era de 104 €, el gasto medio del turista ruso fue de 138 €.

²⁸ Datos de Alexa.com.

²⁹ Por otro lado, los medios rusos no se limitan al área geográfica de los países latinoamericanos: Russia Today se encuentra igualmente orientado al público hispanohablante de EE.UU.

³⁰ Cf.: Fundación Bancomer (BBVA), «Anuario de migraciones y remesas. México 2013».

³¹ 22/03/2012, en: *gazeta.py*: [_http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/22/n_2253429.shtml](http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/22/n_2253429.shtml).

³² En los últimos diez años, la población de la FR ha disminuido en 2,3 millones de habitantes, pasando de 145,2 millones en 2002 a los 143,3 millones de 2013.

³³ RT, 27/01/2010.

³⁴ RT, 22/03/2012.

³⁵ Antonio Sánchez Andrés, Nikolay Shkolyar y Vadim Teperman, *La internacionalización de la empresa española*. Estudio monográfico sobre el entorno económico y las oportunidades de inversión en: RUSIA. Real Instituto Elcano / ICEX / Instituto de Crédito Oficial, Madrid 2008.

³⁶ En especial: Russkiy Mir Foundation (creada en 2007) y Rossotrúdnichestvo (creado en 2008).

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Для меня честь и удовольствие быть сегодня здесь, чтобы от имени Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации и от имени фонда «Русский мир» приветствовать участников этого симпозиума, который проводят Институт Сервантеса и Институт Латинской Америки.

Итак, язык как экономический и политический фактор международных отношений.

Процесс мультипликации языков шел на протяжении всей истории планеты: человечество росло, увеличивалось его племенное многообразие, которое влекло за собой разнообразие лингвистическое и этническое. Именно язык был основой этносов, а затем и основой национальной государственности. В последние десятилетия, годы и месяцы процесс идет в обратном направлении: количество языков на земле сокращается по причинам как экономическим, так и политическим.

Главные факторы распространности тех или иных языков, на мой взгляд, – демографический и геополитический. На самом деле, трудно сказать, что идет впереди: то ли геополитика влечет за собой демографию, то ли, наоборот, демография и демографические взрывы приводят к колониальной политике, которая затем уже определяет демографию, культуру и соответственно распространение языка.

Сейчас никто не называет даже точного количества языков, поскольку специалисты не договорились о том, чем отличаются наречия от языков. В любом случае счет идет на тысячи, и мы точно знаем, что каждый месяц умирает по два языка. В среднем в год на планете исчезает двадцать четыре языка, и эта тенденция будет продолжаться. Уже 80 процентов человечества говорит на 2 процентах языков, которые существуют на нашей Земле. Многие языки обречены, прежде всего, потому, что язык в современном мире сохраняется надежно

только в том случае, если он является языком национального государства, члена Организации Объединенных Наций. В ООН сейчас входит 193 государства, а языков тысячи, поэтому у большинства из них просто нет шансов на выживание.

Теперь о распространенности языков. Поначалу распространялись и доминировали языки первых крупных государств, которые возникли, как известно, в долинах Нила, междуречье Тигра и Евфрата, в долинах Янцзы и Инда. Именно эти цивилизации дали первые великие языки. Из них такие, как шумеро-аккадский и древнеегипетский, исчезли. На каком языке говорили в Махенджо-Даро и Хараппа, мы не знаем: он еще не расшифрован. Хотя письменность существует, и ученые говорят, что близки к тому, чтобы узнать, что это был за язык.

Остался, вероятно, тот живой язык, на котором говорили в долине Янцзы и который, я полагаю, на протяжении большей части истории человечества и до настоящего времени является самым распространенным на планете: сейчас он называется ханьским вариантом китайского языка.

Естественно весьма распространены языки, связанные с великой индийской культурой: хинди, урду, бенгальский и другие из тех более чем четырехсот языков, на которых говорят в Индии. Они остались с древних времен и сохраняются до настоящего времени.

Дальнейшая судьба языков была связана в основном с геополитической экспансией. Одними из самых распространенных языков примерно две тысячи лет назад были латынь и греческий. Греческий – благодаря великой империи Александра Македонского и эллинистической культуре, латынь – благодаря Римской империи. Но, заметьте, что нигде или почти нигде в тех регионах, которые были частью эллинистической империи, эллинистического мира или частью Римской империи, уже не говорят ни на латыни, ни на греческом. Причины этого можно, вероятно, в какой-то степени понять, сравнив ситуацию с другим языком, который тоже распространялся как язык завоевателей, создававших большую империю, но тем не менее на нем продолжают

говорить в настоящее время, и он является официальным языком в 23 государствах. Это арабский.

Арабский язык, в отличие от латыни и греческого, закрепился, прежде всего, потому, что стал языком образованной элиты и, что, наверное, еще более важно, языком религии. Язык безусловно имеет шанс, если он является языком образованной элиты и языком верований, глубоких верований.

Напротив, самая большая в истории империя – Монгольская, империя Чингизидов – не оставила никаких серьезных лингвистических следов, потому что, собственно, единого языка в этой великой империи не было, и не было попытки добиться того, чтобы на этом языке заговорили элиты от Китая до западного улуса Монгольской империи, который назывался Русью.

Затем началась эпоха Великих географических открытий и великих завоеваний, и распространение языков было уже связано с колониальной политикой. Здесь, конечно, первопроходцем была Испания. Испанский язык проник туда, куда можно было проникнуть, за исключением той части Латинской Америки, которая оказалась под португальским влиянием и сейчас называется Бразилией.

Затем последовали уже другие империи: Французская, менее удачливая, и Британская, создавшая вторую по величине империю в истории человечества после Монгольской; империю, над которой «не заходило солнце» и которая до сих пор продолжает задавать тон в мировой политике. Англосаксонское культурное и лингвистическое влияние остается весьма и весьма существенным, и оно безусловно растет.

Современная мировая элита говорит по-английски. Конечно, современные религии говорят на разных языках, но очевидно, что в значительной степени то, что называется массовой культурой, является англоязычным. Английский язык доминирует в Интернете, и этот язык является языком крупнейшей в мире геополитической и экономической силы, я имею в виду США.

Что же касается русского языка, то он является одним из великих языков также во многом благодаря осуществлению той экспансии, которая позволила России стать крупнейшей по территории страной в мире. Но судьбы русского языка и Русского мира, конечно, весьма трагичны, если брать последний век.

Сто лет назад в пределах Русского мира того времени, который назывался Российской империей, проживал каждый восьмой землянин. Это был третий по использованию и по численности населения язык. Но позднее Россию ждали очень серьезные испытания, связанные с войнами (мировыми, Гражданской), с распадом страны, отколом от нее то одной, то другой части; с массовыми репрессиями, голодом, разрушением Советского Союза; с разрушением того, что называлось социалистическим лагерем, где русский был практически официальным языком. Поэтому сейчас, если мы возьмем российское государство, то в нем проживает только каждый пятидесятый на планете. И поэтому получилось так, что количество людей, говорящих по-русски, за пределами Российской Федерации оказалось таким же или даже большим, чем внутри нашей страны.

Но Русский мир – это не чисто языковой феномен, потому что есть люди, которые чувствуют себя русскими, но уже практически не говорят на русском языке.

Здесь присутствует посол Уругвая. В прошлом году в Уругвае отмечалось столетие города Сан-Хавьер, который идентифицирует себя как город русских. Но я практически не встретил там людей, которые говорили бы по-русски. При этом они прекрасно исполняют русские танцы, у них русская идентичность и русская вера. Во Франции есть потомки русских эмигрантов, которые считают себя русскими, но у них русский язык уже находится в нерабочем состоянии.

Русский мир – это и не только православие. Существуют большой Русский мир в Израиле, Русский мир мусульманства, буддистский Русский мир.

Русский мир – сложное синтетическое понятие: это и Вселенная, цивилизация, и община, и отсутствие войны. Когда

Лев Толстой писал «Войну и мир», то мы не знаем, что он имел в виду: мир как отсутствие войны или мир как сообщество, как общину, которая жила в России.

Конечно, после развала Советского Союза произошла, с точки зрения русского языка, настоящая катастрофа. За последние двадцать лет количество людей, которые говорят по-русски, сократилось в мире минимум на пятьдесят миллионов, а скорее всего на семьдесят. Ни один язык на планете не исчезал так стремительно.

Что же произошло? В бывших союзных республиках и Восточной Европе старшее поколение было почти полностью русскоязычным. Оно ушло. Новое поколение, которое пришло за эти двадцать лет, зачастую вообще не знает и не хочет знать ни слова по-русски. Во многих странах русский язык оказался просто наказанным за разного рода реальные или мнимые преступления советского или российского режимов.

Если мы посмотрим на Украину, то поймем, насколько важен вопрос о языке. То, что мы видим там сейчас, тот раскол, который происходит, во многом идет по лингвистической, языковой линии. Если мы возьмем любые украинские выборы последних десятилетий, то самым лучшим показателем голосования был язык, на котором люди говорят в семье. Если вы знаете ответ на этот вопрос, то знаете, как и за кого люди проголосуют.

Люди на Востоке вряд ли считали себя в полной мере счастливыми при той власти, которая явно ограничивала возможность использования русского языка. Если в Киеве, который всегда был русскоязычным городом, двадцать лет назад было 260 школ с преподаванием на русском, то сейчас их не больше 5; там нет теперь ни одного детского сада с русским языком. Русские школы и детские сады стали исчезать и в тех регионах Восточной Украины, которые всегда говорили и продолжают говорить по-русски.

Поэтому для того, чтобы понять нынешнюю ситуацию на Украине, невозможно абстрагироваться от этого базового обстоятельства.

В то же время мы видим сейчас, как русский язык начинает возвращаться в целом ряде стран. В образовательной системе Болгарии он в девяностые годы был четырнадцатым по количеству детей, которые его изучали, а сейчас он второй после английского и впереди немецкого. В Польше он был шестнадцатым в девяностые; сейчас он также второй после английского и впереди немецкого и других европейских языков. Почему?

Потому что знание русского языка дает определенные, прежде всего, экономические преимущества. Польша, Болгария и другие восточно-европейские страны имеют ценность в глазах западных государств, в глазах Европейского союза и западного бизнеса, прежде всего, как страны, ориентированные на отношения с Востоком, на торговлю с Востоком. А Восток от Польши и дальше – это, конечно, зона распространения русского языка.

На каком языке будут говорить европарламентарии из Эстонии, Польши или Болгарии в Страсбурге? Очевидно, что не на английском, а на русском. На каком языке ведутся переговоры в Белоруссии, Украине, России, Армении и даже в Грузии? Естественно эти переговоры с европейцами ведутся на русском. Поэтому спрос на русский язык растет, и в период экономического кризиса даже более быстрыми темпами. Русский язык возвращается уже исходя из прагматических соображений и по мере того, как Россия становится на ноги, делается все более значимым фактором в мировой и региональной политике.

Русский язык оказался рассеян по всему миру. Если мы возьмем Европейский союз, то одно из последних исследований «Евробарометра» показало, что количество людей, которые знают русский язык в Евросоюзе, такое же, как и тех, кто знает испанский. Это очень много. Но испанский язык – безусловно официальный язык Европейского союза, а русский – нет. Ему сложно выживать, потому что он не является языком образовательной системы ЕС и активно вытесняется даже в тех странах, где по-русски говорят больше, чем на языках титульной нации:

например, в Прибалтике. В Эстонии и Латвии до сих пор большее число людей знает русский язык, чем латышский или эстонский. Но тем не менее русский из школ удаляется.

Поэтому было бы очень полезно и для носителей русского, и для носителей испанского языков, где бы они ни жили, чтобы создавались условия, обеспечивающие развитие этих языков, которые являются основой национальной идентичности и инструментами донесения культурных традиций до остального мира, инструментами «мягкой силы».

Важно, чтобы как можно больше людей знали иностранные языки и лучше понимали современный мир, все его культурное многообразие, которое, к сожалению, в последнее время отстывает перед натиском одной культуры и языка.

Ученые не так давно установили, что люди, знающие больше одного языка, живут дольше, чем те, которые знают только один.

Поэтому давайте изучать русский и испанский, и жить долго и счастливо.

Спасибо.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ОПЫТ РОССОТРУДНИЧЕСТВА

Очень рад, что мы, носители двух языков, входящих в пятерку самых распространенных на планете, можем здесь сегодня обсудить экономический и политический аспекты распространения языков в мире. Тем более, что в новом столетии, в отличие от прошлых веков, начинают преобладать не геополитические или идеологические, а цивилизационные, этнические, культурно-гуманитарные факторы. Сегодня государства все больше прибегают не к «жесткой», а к «мягкой силе», делая ставку на собственную привлекательность, на продвижение культуры и языка.

У русского и испанского языков, помимо многомиллионной «армии» носителей в мире, есть и еще одна общая черта. Причем она стала общей относительно недавно. Дело в том, что начиная с 90-х годов прошлого века впервые в истории число владеющих русским языком за пределами Российского государства превысило число граждан этого государства. Для Испании такая ситуация является вполне естественной уже давно – с учетом распространения испанского в Латинской Америке. А для России, конечно, это – совершенно новое и достаточно непривычное явление, которое нам пришлось учитывать в своей культурной политике.

Особую роль сыграли не географические открытия или колонизация, как это было с другими странами, а политика новейшего времени, драматические отголоски которой мы видим сегодня, например, на Украине. Ведь судьба русского языка, наверное, как никакого другого в истории XX в., связана, прежде всего, с крупнейшими политическими событиями столетия. Образование СССР, формирование послевоенного «социалистического лагеря», затем распад Советского Союза и культурная политика постсоветских государств, наконец, усиление позиций России в мире и ее интеграционная политика в Евразии –

все это напрямую, когда положительно, когда отрицательно, сказывалось и сказывается на судьбах русского языка в мире.

К концу существования СССР в самом государстве на русском говорили 290 млн его граждан и соответственно в обязательном порядке учили его в школе. Учили его и в школах «братских» государств «соцлагеря», простиравшегося на всю планету от Кубы до Вьетнама. Можно вспомнить и многочисленных студентов из политически ориентированных на СССР стран «третьего мира». Русский был для них языком общения к весьма передовой советский науке, на нем получали знания в самых важных областях народного хозяйства, управления, медицины, культуры. В мире сегодня насчитывается около миллиона выпускников советских и российских вузов, и каждый из них является не только носителем русского языка, но и чаще всего активным связующим элементом своей родины с Россией.

Распад СССР сопровождался, как известно, резким ростом национализма во многих из новообразовавшихся государств, для которых процесс национально-государственной эмансипации был связан, прежде всего, с масштабной дерусификацией всех областей общественной и культурной жизни. Кое-где это обрело драматический характер, приводя к массовому нарушению прав людей. На украинском примере мы видим, что даже более чем через два десятка лет независимости эти проблемы не только не преодолены, но, напротив, имеют потенциал выхода из латентного состояния в «горячую» фазу.

Бывшие соцстраны в Восточной и Центральной Европе переориентировались на евроинтеграцию, что соответствующим образом сказалось и на предпочтениях в языковой политике. Далеко не везде русский сохранился даже в формате третьего иностранного, резко сократился объем русистики в вузах (в конце 80-х русский как специальность в восточно-европейских вузах изучали около миллиона человек, сегодня – 25 000).

Однако, когда, казалось бы, негативные тренды восторжествовали, политика и экономика вмешались снова. Прежде всего, окрепшая Россия активно включилась в процессы глоба-

лизации. Не так давно аналитическое агентство W3Techs пришло к выводу о том, что русский язык стал вторым по популярности языком Интернета. Его используют 5,9% всех существующих сайтов.

Россияне активно поехали по миру – ведь в СССР не было свободы выезда за рубеж, а потому это явление приняло особо массовый характер. В итоге уже многие страны стали ориентироваться на массовый российский туризм, в том числе изучая русский язык.

Говоря словами Владимира Высоцкого:

«Проникновенье наше по планете

Особенно заметно вдалеке:

В общественном парижском туалете

Есть надписи на русском языке».

Весьма широким явлением стала и российская миграция за рубеж, в результате чего во многих странах возникла большая русскоязычная диаспора – в дополнение к прежним волнам русской миграции: послереволюционной и послевоенной. Добавьте к этому потоки учащихся за рубежом, российский бизнес за пределами России и покупку иностранной недвижимости – здесь в числе первых по привлекательности, конечно же, находится солнечная Испания. Всё это резко повысило интерес и к русскому языку. Он вернулся на первые позиции в Восточной Европе (Болгарии, Польше), его по-прежнему учат в постсоветских государствах.

Ведь для многих людей русский язык – ключ к доступному и качественному образованию. Кроме того, Россия является для миллионов иностранцев единственным шансом получить работу, фактически – прокормить свои семьи. Согласно отчету отдела народонаселения департамента по экономическим и социальным вопросам данным ООН, по количеству мигрантов Россия занимает вторую строчку в мире после США – у нас проживает 11 млн мигрантов (7,7% населения). В Испании, кстати (9-10-е место в мире), их число тоже значительно – 6,5 миллионов. И также здесь играет немаловажную роль распространение испанского языка в мире.

Русский язык оказался весьма важным и просто удобным для межнационального общения большинства постсоветских государств (любопытно наблюдать, как участники разного рода конференций даже антироссийской направленности были вынуждены говорить между собой на языке «общего врага», поскольку он оказался единственным, которым владели на должном уровне все без исключения). Нюансы жизни в общей «империи» постепенно забывались, а вот объективная культурная реальность в виде общего языка осталась, пусть и в более ограниченных масштабах. Русский – официальный и рабочий язык международных структур на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенного союза).

Каждый язык имеет собственные факторы привлекательности, которые в свою очередь напрямую связаны как с социально-экономическими, так и с политическими и культурными моментами. Они играют свою роль, в частности, при выборе иностранного языка для обучения – в школе, в вузе или на курсах. В прошлом году Университет штата Флорида опубликовал на своем сайте – с целью привлечения студентов на кафедру славянских языков – «10 причин учить русский». Университет отметил значение России как региональной державы и ее «возвращение в качестве мировой державы» – например, в космической и энергетической сферах. Выделена ее роль как языка науки и технологий, распространение в мире, а также как средства приобщения к одной из самых значительных мировых культур.

Для сравнения скажу, что на сайте русских испанистов тоже были представлены 10 причин русским изучить испанский язык. Это, конечно же, знакомство с богатой культурой Испании, его всемирная распространенность, включая богатые туристические перспективы и возможности трудоустройства. Но и, например, такие факторы, как относительная легкость в изучении и 5-е место в мире по лексическому богатству. Вот эти аспекты языковой привлекательности для каждого человека в отдельности могут многое нам сказать при изучении взаимосвязи лингвистического, экономического, политического и

иных факторов, в том числе и в международной политике. Думаю, здесь есть интересное поле для работы экспертов.

Что касается Россотрудничества, то оно является единственной российской организацией, осуществляющей за рубежом на постоянной основе курсовое обучение иностранных граждан русскому языку. В настоящее время курсы действуют в 54 странах на базе 60 Российских центров науки и культуры (РЦНК), из них при 33 РЦНК функционируют также курсы русского языка для детей соотечественников и от смешанных браков. С 2011 г. Постановлением Правительства России Россотрудничество утверждено государственным заказчиком ФЦП «Русский язык» на 2011–2015 годы. Агентство стало одним из инициаторов проведения 6 июня 2011 г. единого Дня русского языка, приуроченного ко дню рождения А.С. Пушкина.

Мы рады, что наши идеи о важности продвижения русского языка в мире как фактора привлекательности страны находят поддержку у руководства страны. Но не менее важно, чтобы русский язык вышел, так сказать, из «зоны напряженности» в некоторых соседних странах, где право людей учиться на родном языке стало камнем преткновения для властей и местных националистов. Насильственная дерусификация – это тупиковый путь, который ведет не к ассимиляции, а к конфликтам. Многие страны мира мирно и благополучно решили проблему путем официальной би- или даже мульти-лингвальности, предоставлением широкой культурно-языковой автономии меньшинствам. Это и есть цивилизованный путь, соответствующий базовым нормам демократии и международным конвенциям в данной сфере. Это – гуманитарная, а не политическая тема, а потому и решаться должна гуманитарными и, я бы сказал, прежде всего, гуманными средствами. Только тогда можно будет избежать таких драм, которые мы сегодня с глубоким сочувствием наблюдаем на Украине.

О СУДЬБАХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Для начала мне как лингвисту хотелось бы прояснить семантику и коннотацию самого термина «цивилизация». Считается, что этот неологизм был впервые введен французским просветителем Мирабо во второй половине XVIII в., а широкое употребление (исключительно в единственном числе) он получил лишь в тридцатые годы XIX в. применительно к теории прогресса и идеальному обществу, основанному на принципах разума и справедливости, т.е. «просвещенной, европейской цивилизации»¹. Наряду с этим открытый к середине века богатый этнографический, а затем и археологический материал доказал существование огромного разнообразия традиций и культур за пределами Европы, что привело к постепенному оформлению этнографической концепции о множественности культур и соответственно цивилизаций. В итоге «век просвещения» обогатился, по крайней мере, двумя различными концептами цивилизации, начиная с унитарно-стадиального, где объектом цивилизации видится человечество в целом, и кончая локально-историческим, где объектом и одновременно субъектом выступают уникальные этнокультурные или исторические сообщества.

Тем не менее, как и в случае со многими другими просветительскими новациями в сфере социальной философии, в понятии «цивилизация» продолжает сохраняться целый ряд противоречивых смыслов. В современных толковых и энциклопедических словарях мы, как правило, найдем три основных значения этого слова, первое из которых относится к человечеству в целом, а именно к человечеству эволюционирующему (ср. «мировая цивилизация»), что обуславливает его связь с понятием мирового общественного прогресса. Второе его значение укажет нам на близость с понятием культуры, в то время как третье представится не более чем антитезой понятию «варварство», «дикость». Первое и последнее нас мало интере-

суют в силу их банальной спекулятивности, в то время как второе явно потребует уточнения с тем, чтобы понять, чем именно «цивилизация» отличается от «культуры».

Определяя цивилизацию через культуру, встает вопрос о том, что из них является общим, а что частным. Прагматичный антрополог И. Кант, например, частным посчитал цивилизацию, когда произвольно отделил «культуру воспитания» от «культуры умения», возведя последнюю в звание основной характеристики цивилизации. По сути, то же самое сделали Г. Морган и Ф. Энгельс, поместившие цивилизацию в конце эволюционной цепи («дикость – варварство – цивилизация»), О. Шпенглер, видевший в стадиальном переходе от культуры к цивилизации эпоху духовного упадка, а также целая плеяда западных антропологов-структуралистов, неотрейдистов и экзистенциалистов. Тот же эффект достигается в ходе хирургической операции по разделению культуры на духовную и материальную, что позволяет «материалистам» отдать приоритет последней, назвав ее для пущей значимости «объективной культурой». В целом в определении цивилизации западная философская мысль мечется в достаточно узком коридоре между отождествлением цивилизации со всем, что сотворено в последнее время «прогрессивным человечеством», и представлением о ней как надприродной, искусственной, обязательно прогрессивной формой человеческого бытия².

Данный в принципе позитивистский, феноменалистский подход позволил его сторонникам выделить следующие базовые признаки цивилизации, включающие наличие:

- государства, городов, социальной стратификации;
- правовой (налоговой) системы, производственной специализации;
- письменности, монументальной архитектуры, искусства, науки.

Одного взгляда достаточно, чтобы увидеть, насколько искусственно редуцирован этот подбор признаков, скорее артефактов, и насколько сильно он привязан к кантианско-марксистскому представлению о роли и месте «материальной

культуры» в жизни современного человека. Но позвольте спросить, куда же подевались такие объективные свойства культуры и цивилизации вне зависимости от уровня ее «развития» или «общественно-экономической формации», как системность, традиционность, инерционность, интеграционная способность, воспроизводимость, коллективность? И как быть с базовым представлением о культуре, выделяющим:

- гуманитарную культуру (религию, мифологию, фольклор, предания);
- соционормативную культуру (нормы морали, поведения, права, принципы организации власти и т.д.);
- культуру расселения, природопользования и жизнеобеспечения.

Ведь если мы вернем «владельцу» украденные у него свойства, то неизбежно придем к представлению о цивилизации как этноэкосистеме, объединяющей своеобразную традицию, образцы поведения, смыслы и цели жизнедеятельности, постоянное воспроизведение которых представляет абсолютную ценность и задает ориентиры в ходе сущностно-духовного и формально материального освоения действительности. А если так, то базовые признаки традиционной, локальной цивилизации будут по необходимости включать:

- традиционную систему мировоззрения, ценностей, религиозно-этических смыслов и воззрений;
- этническое разнообразие, полиэтничность;
- социальную иерархическую стратификацию, в которой интересы семьи доминируют над интересами индивида, рода/клана – над интересами семьи, племени (субэтнуса) – над интересами рода/клана, народа/нации – над интересами племени/субэтнуса.

Интересы народа и государства в идеале слиты воедино и доминируют над интересами субэтносов и народностей;

- гармоничное (ответственное) взаимодействие между сообществом и природой;
- национальный язык как основной носитель и ретранслятор традиции и культуры, дифференцированный, статусно-

ориентированный характер психолингвистической коммуникации.

Отсюда следует один довольно простой вывод. Если локальная цивилизация есть сложная этнокультурная, социально-политическая система, то в силу наличия самой этой системы она не может быть представлена иначе, как нечто общее по отношению к культурному частному или скорее как нечто качественно отличное и более масштабное. И тогда мы будем обязаны дополнить представление о ней следующими критериями цивилизационной «зрелости»:

- наличие суперэтноса в виде более или менее гомогенного этнического ядра и гетерогенной, полиэтнической периферии;
- наличие непрерывной тысячелетней духовной традиции³ в виде мировоззренческой (религиозной, идеологической) матрицы;
- достижение государством наднационального, патерналистского, импероподобного уровня с четко выраженным представлением о собственной геополитической (цивилизаторской) миссии и о пределах собственного цивилизационного пространства.

От культуры к цивилизации

Остановимся подробнее на вышеприведенных критериях. Развивая плодотворнейшие идеи Л.Н. Гумилева, который ввел ряд очень важных для понимания этногенеза представлений, рассмотрим понятие *суперэтноса* как необходимого цивилизационного атрибута. Ключевым здесь явится вопрос о переходе сообщества от моноэтнического состояния к полиэтническому и далее – к суперэтническому состоянию и о последствиях этого перехода.

Если обратить ретроспективный взгляд на этническую составляющую как исчезнувших, так и ныне существующих цивилизаций, то первое, на что нужно обратить внимание, будет касаться ее составного характера. Не имея четкого представления об этническом составе Египта времен Древнего царства и о происхождении древнеегипетского языка, мы тем

не менее с большой вероятностью можем говорить о его композитном составе, образованном, следуя биологической аналогии, южным, нубийско-эфиопским «сперматозоидом» Верхнего Египта и северной, афразийской (хамито-семитской) «яйцеклеткой» Нижнего Египта.

В целом похожую ситуацию мы могли бы наблюдать в Индостане, где арийские племена вторглись в зону расселения целого спектра разноязычных автохтонов; в Южной Европе, где на кельтский субстрат последовательно наложились италийский и германский суперстраты, а также на Балканах и на востоке Европы, где славянские племена в своем продвижении на северо-восток в раннем средневековье столкнулись с балтами, угрофиннами, дако-фракийцами, сарматами, аварами и рядом тюркоязычных племен.

Еще более сложным по этнолингвистическому составу выглядит китайское цивилизационное ядро. Его «желток» образован северными ханьцами (в древности – хуа с делением на народности шан, чжоу и др.), принадлежащими в основном к сино-тибетской, тунгусо-маньчжурской и тибето-бирманской языковым семьям. Его «белок» под общим этнонимом цзяочжи (мань) включил конгломерат племен, относящихся преимущественно к австразийской семье вкуче с носителями прототайского и протоавстронезийского языков⁴.

Отсюда мы можем предложить следующую, конечно же, упрощенную реконструкцию процесса формирования суперэтноса. Его инициатором по преимуществу оказывается некий активный, «удачливый» этнос-интервент, сталкивающийся с относительно пассивным или менее «удачливым» этносом и в той или иной степени ассимилирующий его, в результате чего образуется композит, где первый занимает положение суперстрата, сохраняющего повышенный энергетический потенциал и напряжение (пассионарность). Этот процесс может неоднократно повторяться на периферии за счет поглощения субстратов и образования всякого рода адстратов, пока формирующийся таким образом суперэтнос не достигает «крити-

ческой массы», достаточной для качественного перехода от культурной к цивилизационной фазе развития.

Помимо этнического, параллельно происходит формирование и духовного (религиозно-идеологического) плана локальной цивилизации, где ведущую роль исполняет жречество или духовенство. Так, китайская цивилизация, например, могла бы вполне стать суперстратно буддистской, если бы не мощь доморожденных суперстратов в лице даосизма и доктринального конфуцианства. Точно также буддистской могла бы стать и индуистская цивилизация, если бы не противодействие ее мощнейшего ведическо-брахманического субстрата, вытеснившего буддизм за пределы страны на восток.

Третий, геополитический план, хотя и занимает подчиненное положение к первым двум, необычайно важен в том смысле, что влияет на процесс формирования цивилизационного пространства, главной качественной характеристикой которого является его монолитность, т.е. неразрывность. Вся мировая история достаточно наглядно демонстрирует, что наличие каких-либо естественных границ на периферии импероподобного государства рано или поздно, так или иначе, создает препятствия, подчас непреодолимые, для его расширения или устойчивого и долговременного существования. То есть финикийская олигархическая республика с центром в Карфагене, испанская трансатлантическая империя или британская «владычица морей» не могут рассматриваться как цивилизационные образования ввиду банальной отделенности периферии, неважно морской или сухопутной, от метрополии.

С уверенностью можно полагать, что совмещение трех этих планов воедино и позволяет суперэтносу принять окончательную, теперь уже геополитическую версию своей мировоззренческой, религиозно-идеологической матрицы. То, что именно ей принадлежит основная роль в формировании импероподобной государственности и цивилизационного пространства, несложно показать на следующих примерах.

Так, для Древнего Египта – это заключительная часть основного теократического мифа, повествующая о заговоре и

свержении бога-царя Осириса его братом Сетом, длительном и драматическом противостоянии между узурпатором и законным наследником престола Гором, результатом которого стала почетная ссылка в Нижний Египет, либо убийство первого и единоличное правление последнего. Таким образом, история объединения Египта под властью царя Менеса по большому счету воспроизводит этот древний миф, перенеся его место действия с небес на брентную землю⁵.

Для Китая – это древняя идеологема «Священного красного континента» вкуне с космографическим концептом «Поднебесной» (*ТяньСя*) и геополитическим концептом «Срединного государства» (*ЧжунГо*)⁶ как ядра, осуществляющего цивилизационный протекторат над окружающими его «девятью областями» (*цзючжоу*). Естественные (геофизические) границы цивилизационного пространства Китая определены хребтами Тянь-Шаня, Каракорума, пустыней Гоби и Амурской тайгой на севере и западе, Гималаями на юго-западе и юге, а свое цивилизационное влияние Китай по-прежнему распространяет на периферийные для него Японию, Корею, Лаос и Вьетнам.

Для России – это выдвинутая Московской Русью мессинская идея «Святой Руси»⁷ как собирательницы и защитницы «земли русской» вкуне с геополитической и эсхатологической идеологемой Москвы как третьего и последнего Рима. Их проявлениями стала русская реконкиста северного Причерноморья, выход к Каспию, Азову и Балтике, а также в целом неагрессивная, мягкая «аккультурация» (русификация) Сибири и Дальнего Востока. Ее цивилизационное пространство в общем и целом соответствует территории Российской империи (за исключением католической Польши) или СССР и включает православную периферию на Балканах и в Греции. Показательно, что отсутствие естественной геоморфологической границы в Центральной Европе предопределило многовековое противоборство между Россией и европейским Западом.

Для исламской цивилизации – это политическая, в целом экспансионистская и агрессивная идеологема, противопоста-

вившая в сознании мусульман «землю ислама» (*дар-аль-ислам*) «земле войны» (*дар-аль-харб*) и вызвавшая взрывоподобное насильственное распространение ислама. В результате первоначальное цивилизационное пространство «земли ислама» оформилось в виде восточного (ближневосточного), преимущественно семитского (арабского) крыла и западного (североафриканского, магрибского), субстратно коптотурберско-туарегского и суперстратно арабского крыла. Наличие между ними геофизического водораздела в виде Красного моря, по видимому, и явилось основной причиной недолговечности нескольких панарабских халифатов, включая и Османскую (суперстратно тюркскую), периферийную по отношению к арабскому ядру империю, в результате распада которой «земля ислама» ныне представляет собой достаточно рыхлый и конфликтный конгломерат исламских государств.

Что касается индуистской цивилизации, то ее теократическая основа в лице троицы-тримурти богов Брахмы, Вишну и Шивы, в отличие от египетской, не способствовала созданию какой-либо определенной национальной идеи и тем более геополитической идеологии. Проблема тут заключается, вероятно, в том, что изначально иерархическая пирамида арийской (ведической) теократии и космологии во главе с творцом-Праджапати, где Вишну и Рудра (Шива) выступали как второстепенные божества, во всем уступающие Индре, на рубеже нашей эры превратилась в плоский треугольник, в котором доминирующее положение заняли конкурирующие между собой вишнуизм и шиваизм, оттеснившие брахманизм на задний план. Кроме того, становлению на полуострове стабильной имперской формы государственности периодически мешала череда внешних интервенций, происходивших на протяжении последних пятнадцати веков. В итоге индуистская цивилизация является, пожалуй, единственной из числа существующих локальных цивилизаций, чье цивилизационное пространство (санскр. «Бхаратаварша») необратимым образом было сокращено на западе в результате экспансии ислама. В настоящее время оно ограничено Гималаями на севере и

Индийским океаном на юге вплоть до Пакистана на западе и Индокитайского полуострова на востоке.

Локальные цивилизации – их смысл и ценности

Под *локальной* (традиционной) цивилизацией здесь и далее мы будем понимать онтологическую субстанцию и одновременно систему, определяющую традиционное, долгоживущее, как минимум тысячелетнее состояние наднационального (суперэтнического) человеческого сообщества, его духовные ориентиры, т.е. сложный композит религиозных, этнокультурных, идеологических и психолингвистических констант и более или менее переменных значений в виде форм государственного устройства, управления или способов производства. Как видим, «традиция» является ключевым словом в определении как культуры, так и цивилизации, а, следовательно, с нашей точки зрения, не может быть нетрадиционных, молодежных, современных культур, как не может быть буржуазных, японских (моноэтнических, островных), научно-технических или мировых («универсальных») цивилизаций.

Далее мне кажется важным остановиться на характере, идеалах и ценностях, воспроизводимых той или иной локальной цивилизацией в качестве основополагающих и непреодоляющих. При их организации мы будем использовать понятие этнокультурного субстрата и суперстрата, взаимное влияние которых оказывает фундаментальное программирующее воздействие на формирование цивилизации.

В итоге мы получим, что к социокультурному субстрату необходимо будет отнести все те базовые ценности, которые присущи любому родоплеменному сообществу, а именно:

- коллективизм, взаимопомощь, дисциплина, жертвенность, мужество, подчинение младших старшим, самоотверженность в защите интересов рода и сородичей;
- скромность, послушание, гостеприимство, незлобивость, самоограничение; рассудительность, стыд, правдивость, щедрость, справедливость, решительность, упорство.

Для интерпретации ценностного этнокультурного арсенала локальных цивилизаций, одновременно играющего роль основной психолингвистической программы, мы воспользуемся комплексом соответствующих лексико-семантических полей, родовым именем которых явится та или иная базовая ценность. Так для китайцев он будет сформирован целым рядом лексико-семантических полей, входящих в ядро конфуцианских («пять канонов», или «пять Цзинов»), даосских и буддистских текстов, для индийцев – текстами упанишад, пуран, Махабхараты и Рамаяны, для русских – Евангелием, наставлениями отцов церкви⁸ и текстами русской классической литературы.

Вслед за Н.Я. Данилевским⁹, А. Тойнби и другими постараемся охарактеризовать ныне существующие локальные цивилизации, основываясь на их фундаментальных религиозных и этнокультурных особенностях:

1. Китайская цивилизация – восточноазиатский цивилизационный ареал, образованный на основе субстрата ханьского политеизма, анимизма и шаманизма (даосизма), мощного адстрата буддизма и суперстрата светского конфуцианства и оформившийся к настоящему времени в амальгаму народных верований, культа предков и героев под сенью морально-этической доктрины конфуцианства.

Особенности мировосприятия:

- мир как изначально совершенная гармония Неба и Человека, как естественно-природный, гармоничный баланс противоположностей, нарушение которого влечет ухудшение природы и человека¹⁰;

- стремление к познанию мира путем углубленного созерцания, поиска природного смысла всех вещей, предопределенного ему Небом¹¹, к обретению гармонии в себе по аналогии с гармонией в природе¹², являющейся залогом и источником творческого начала в человеке;

- бережливость, ответственность, прагматизм, бытовая религиозность (внимание к приметам, суевериям);

- труд без душевного смятения и помыслов о почестях, наградах и чинах, безразличие к удачам и неудачам, отношение

к судьбе как к высшему предначертанию, ведущему к освобождению, фатализм;

- восприятие социума как «большой семьи»¹³, где интересы личности подчинены ее интересам, интересы семьи – интересам клана, интересы клана – интересам государства. Приобщенность к семейному клану, коллективу, обществу, сплоченность на основе четкого распределения мест и ролей, ориентация на коллективное (групповое) мнение¹⁴.

Идеалы и ценности:

- преданность, справедливость, верность; здоровье, богатство, долголетие, многочисленное потомство; родовая принадлежность, семейственность, коллективизм¹⁵, патернализм и опека старших над младшими¹⁶; искренность со своими, сдержанность с чужими;

- нравственное совершенствование личности в гармонии с природой, необходимость «превозмогания себя», уважение к знаниям, напористость, прямолинейность, умеренность, бесхитростность, бескорыстие, аскетизм;

- достоинство, покорность, обязательность, соблюдение установленных традиций и канонов¹⁷, почитание предков, патриотизм, уважение к социальной иерархии¹⁸, сыновья почтительность¹⁹, подобострастное отношение к начальнику, чувство долга и социальной справедливости.

Особенности психотипа: сдержанность, терпеливость, миролюбие, искренность, добропорядочность, спокойствие, скромность, стремление к самосовершенствованию и порядку, упорство, честность, боязнь «потерять лицо», самоуничижение, внушаемость, миролюбие, вежливость, гостеприимство, дружелюбие²⁰, энергичность, целеустремленность, упорство²¹, неприхотливость, щедрость к другу, приспособляемость, умение наслаждаться жизнью и довольствоваться малым²², тяга к рациональной простоте в жизни и деятельности; благоволение, предупредительность, сочувствие и сопереживание.

Природно-хозяйственный (геоэкономический) тип: континентально-ориентированный, оседлый, земледельческий, разнообразный (речной, горно-лесостепной, морской); аграрно-

ремесленно-сервисно-индустриальный, самодостаточный, средне- и высокоинтенсивный, сбалансированный, высокопродуктивный; геополитически центростремительный, изолированный, высокостабильный.

2. Индуистская цивилизация – южноазиатский цивилизационный ареал, образованный на основе мощного субстрата индоарийского ведическо-брахманического политеизма, исконного автохтонного анимизма и политеизма юго-восточной Индии и ряда суперстратов ислама, сикхизма, джайнизма, буддизма, христианства и иных верований и оформившийся к настоящему времени в политеизм «закона индусов» (*хинду дхарма*) с тенденциями к пантеизму и мессианству.

Особенности мировосприятия:

- неопределенность, циклическая статичность, многогранность мира как проекции вечной, неизменной и абсолютно гармоничной Высшей Реальности;

- земная жизнь с ее обязанностями как необходимое условие подготовки души к последующим перевоплощения вплоть до слияния с Высшим Духом (*Брахманом*)²³, человеческая судьба как продукт действия кармического закона, отсюда спокойное, легкое, живое и ненавязчивое к ней отношение; веротерпимость, глубокая вера в астрологию и фатализм;

- установка на противостояние эгоизму²⁴, восприятие социума как данной свыше незыблемой иерархической сословно-кастовой системы, полностью соответствующей смыслу земного существования;

- община как замкнутый, самодостаточный, автономный мир, каста как институт социального порядка, безопасности и взаимопомощи; приверженность традиционному укладу, пассивное неприятие любых нововведений, необходимость поддержания гармонии на всех уровнях социальной организации, неуклонное следование ритуалам, нормам и правилам, установленным для варн и каст;

- труд как непреходящая обязанность, высокий уровень трудовой этики, трудовая неторопливость, размеренность, обстоятельность²⁵;

- следование принципу: «приятное для себя» (*кама*) и полезное для семьи и общины (*артха*), доброта, сдержанность в чувствах, почитание предков, уважение к старшим, послушание, целомудрие, супружеская верность²⁶;

- приятие лжи как средства избегания ссоры, нежелания обидеть или расстроить собеседника.

Идеалы и ценности:

- религиозный поиск пути освобождения от цепей закона кармы (трансммиграции душ) и слияние с Абсолютом (*Брахманом*);

- следование должному (*дхарме*) – стремление к добру, истине, праведности, добродетели, добросовестности, чистоте;

- большая патриархальная семья²⁷, принадлежность к группе (варне, касте, секте), беспрекословное уважение и почитание домохозяина, соблюдение семейной и социальной иерархии, незыблемость брачных уз, патриотизм, неприятие насилия и стяжательства²⁸.

Особенности психотипа: пассивная добросовестность, мудрое спокойствие, религиозность, созерцательность, внутреннее достоинство, естественность, живость, дисциплинированность и ответственность, рассудительность, любознательность; миролюбие, доброжелательность, дружелюбие²⁹, приветливость, отзывчивость; взаимовыручка, непротиворечивость, терпеливость, безынициативность, неторопливость, умеренность³⁰.

Природно-хозяйственный тип: континентально-ориентированный, оседлый, земледельческий, разнообразный (речной, горно-лесной, морской); аграрно-ремесленно-сервисно-индустриальный, самодостаточный, среднеинтенсивный, сбалансированный, высокопродуктивный; геополитически центростремительный, полуоткрытый, высокостабильный.

3. Исламская цивилизация – южный афро-азиатский цивилизационный ареал, образованный на основе субстрата арабского доисламского анимизма и многобожия и суперстрата ультрамонотеистической проповеди пророка Мохаммеда («Нет божества кроме Аллаха, и Мохаммед – пророк Его») с адстра-

тами иудаизма и христианства и оформившийся к настоящему времени в религиозно-политическую доктрину «покорности» (*ислам*) и «закона» (*шариат*) для целого ряда африканских и азиатских народов.

Особенности мировосприятия:

- мир ислама как воплощение истинного единобожия, вера в единого всемогущего Бога и ревностное его почитание, ощущение собственной духовной исключительности;

- мир как антитеза «земли ислама» «земле войны», в современных условиях – секуляризованному «западному» миру; восприятие социальных бедствий, несправедливости и лишений как божественного предостережения и наказания за неправедность; вера в Божьих посланников (махди) как средства оздоровительного переустройства «больного» мира («исцеление сломанной ветви Ибрахима (Авраама), восстановления гармонии сотрудничества и взаимопомощи в рамках «добродетельного града» мусульман;

- убежденность в космической обусловленности всех земных явлений и процессов, их зависимости от движения небесных сфер и положения звезд;

- восприятие социума как архипелага родовых и единоверческих общин (*хамула*³¹, *умма*) в океане ислама и человечества как растущего исламизируемого ядра, поглощающего хаос иноверцев-зимми³²;

- восприятие родной земли как собственности³³;

- восприятие труда как повинности³⁴;

- прагматичное и потребительское отношение к власти и закону, приятие насилия и двойной морали.

Идеалы, ценности, установки:

- необходимость нравственного очищения и совершенствования, терпение и стойкость на пути к нему, сыновья почитательность³⁵;

- необходимость непримиримой борьбы с неверными³⁶, восприятие права собственности как готовности и способности защищать (охранять) эту собственность; нейтральное отношение к грабежу, осуждение воровства;

- восприятие правды как ценности, имеющей меновую или продажную стоимость и как средства контроля над собеседником; страстное отношение к торговле; допущение обмана и лжесвидетельствования.

*Особенности психотипа*³⁷: выраженное чувство родовой принадлежности и ответственности, родового и личного достоинства; благочестивость, общительность, старательность, гостеприимство, терпеливость, воинственность, неприхотливость³⁸, любознательность, быстрая приспособляемость к новым условиям, жизнелюбие; суеверность, хитрость³⁹, грубость и высокомерие высших слоев по отношению к низшим и подбострастие низших к высшим⁴⁰, беспечность, пренебрежение жизнью, жестокость, мстительность, корыстолюбие, оправдание лжи как средства для достижения личных целей, горделивость, спесивость, бессовестность, неприятие собственной вины или ошибок; недостаток инициативы и предприимчивости, склонность к преувеличениям с целью произвести выгодное впечатление и приукрасить мысли, образность мышления и выражения; повышенная реактивность, впечатлительность, импульсивность, несдержанность в проявлении чувств и эмоций.

Природно-хозяйственный тип: трансконтинентальный, однообразный (пустынно-оазисный, морской); торгово-номадический, экстенсивно-скотоводческий, ремесленный, несбалансированный, низкопродуктивный; геополитически открытый, центробежный, нестабильный.

4. Русская (православная) цивилизация – северный евразийский цивилизационный ареал, образованный на основе субстрата восточнославянского и угро-финского анимизма, многобожия и шаманизма и суперстрата византийской христианской ортодоксии и оформившийся к настоящему времени в симбиоз православия, ислама и атеизма.

Особенности мировосприятия:

- мир как арена, где борются добро и зло⁴¹, где происходит самореализация человека через любовь⁴², искание Правды и

Бога, потребность в обретении целей и смысла, чувственность, сердечность, созерцательность;

- народ как коллективная общность с коллективным сознанием и исторической памятью, забота о народном единстве, необходимости духовного единения, восприятие социума как открытой, наднациональной русской общины вкупе с иноверцами;

- стремление к упорядочению социального бытия, потребность внешнего контроля наряду со стремлением к самостоятельности;

- смирение, боголюбие и богобоязнь, вера в высшую справедливость;

- восприятие автократии с ее властной иерархией как естественной социально-политической необходимости.

Идеалы и ценности:

- добрые дела, «жить по Правде и по совести»⁴³, стремление к высшей правде и справедливости, равенству и поведенческому совершенствованию, всечеловечность; «душа всего дороже», милосердность, готовность к самопожертвованию во имя таких великих национальных ценностей, как Родина, Отечество, Любовь, Свобода (Воля), устремленность к идеалу вообще;

- Бог как абсолютная разумная и всемогущая сущность, как всесовершенная благодать и любовь, как объединяющая, роднящая людей сила, как источник человеческого счастья, спасение души и достижение блаженства в Царстве Небесном;

- трудолюбие⁴⁴, групповая солидарность и взаимовыручка.

Особенности психотипа: совестливость, доброта, максимализм душевных устремлений и порывов, непредсказуемость, неприятие жесткой регламентации, душевность, удаль, беспечность; широта натуры, противоречивость характера⁴⁵, щедрость, волевой и страстный характер, терпеливость, духовность: созерцательность и способность к философскому умозрению⁴⁶, миролюбие, уживчивость; слабость конкурентных установок, отсутствие склонности к эксплуатации кого-либо, безразличие к интриганству, осуждение рвачества и богатства;

жертвенность, неприхотливость, упорство и стойкость в страданиях; любовь и сострадание к ближним, доверчивость, подверженность отрицательным влияниям.

Природно-хозяйственный тип: континентально-ориентированный, оседлый, земледельческий (речной, равнинный, лесной, лесостепной); аграрно-ремесленно-индустриальный, промышленно-сырьевой, «мобилизационный», энергозатратный, самодостаточный, среднеинтенсивный, средне-продуктивный; геополитически центростремительный, полуоткрытый, стабильный.

Этим, пожалуй, и ограничивается перечень евразийских культур, преодолевших тысячелетний «испытательный срок» и вышедших на цивилизационный уровень развития. И здесь нельзя не отметить, что ядро набирающего силу объединения стран БРИКС составляют именно локальные цивилизации в лице России, Китая и Индии.

Не желая вступать в полемику по поводу существования японской, иранской, ханаанской или африканской цивилизаций ввиду банального отсутствия у них ряда базовых признаков, мы теперь обратимся к европейским культурам и производным от них культурным образованиям Нового света.

Прежде чем отправиться на поиски в них цивилизационных признаков, я бы предложил обратиться к судьбе их исторического предка, Древнего Рима, в традиционной цивилизации которого особо не принято сомневаться. Его ахиллесовой пятой явилась, на мой взгляд, чрезмерная динамичность процесса формирования этнокультурного ядра, консолидации которого мешала постоянная территориальная экспансия, сопровождавшаяся притоком инородных элементов, а религиозно-политической и социальной стабильности – относительная слабость института жречества на фоне десакрализации института власти, рано приобретшего военно-олигархические черты, институт рабовладения и высокая степень милитаризации общества. Началом духовно-нравственного кризиса Рима можно считать победу над Карфагеном, повлекшую за собой усиление сенаторской олигархии, расцвет коррупции и рабо-

владения, разорение мелких землевладельцев, а апогеем – восстания рабов и всего италийского населения, гражданские войны и, наконец, крах республики.

Фактически Рим как цивилизация перестал существовать во время правления императора Константина, открывшего путь для христианства как новой мировой религии для многочисленных народов империи и для потенциально всеобщей (евразийской) христианской цивилизации. Состоялась ли она? Похоже, что нет, поскольку начиная с IX в. ее западное крыло в отличие от восточного вступило в длительную полосу противостояния религиозной власти пап и светской власти германских императоров (борьба за право инвеституры епископов и аббатов). В итоге на протяжении всего средневековья Западная Европа геополитически представляла собой конгломерат во многом родоплеменных феодалов (княжеств, графств, герцогств и королевств), находящийся в двойной (вассально-религиозной), но асимметричной зависимости от папской теократической власти, с одной стороны, и недостаточно сильной королевской или императорской власти «Священной Римской империей германской нации», с другой. Но окончательно ее общую христианскую цивилизационную перспективу похоронил внутренний раскол по религиозному и этнокультурному стыку между романо-германским (франко-кельтским и готско-лангобардо-италийским) теократическим католицизмом и преимущественно германским (франко-саксо-фризско-норманно-шведским), «демократическим» протестантизмом.

Что касается восточного «крыла», то его цивилизационное строительство на ортодоксальной христианской основе продолжалось в рамках Византийской империи непрерывно в течение целого тысячелетия, а после ее падения было продолжено в православном Московском «филиале», отвоевавшем к тому времени полную независимость от Орды.

Таким образом, к настоящему времени христианство приобрело сразу несколько разнокалиберных и стадияльно отлич-

ных форм социокультурного и государственного существования:

- русскую суперэтническую, светско-православную, импероподобную, цивилизационную;
- германскую, демократическую, протестантскую, федеративную;
- романскую буржуазно-либерально-католическую, конфедеративную;
- иберо-американскую либерально-католическую, конфедеративную.

Три последние еще и очень различны между собой по этническому составу: первая в целом моноэтнична и представлена германским этносом, вторая и третья полиэтничны, а третья еще и расово разнородна. Так о какой единой европейской культуре или цивилизации может идти речь?

Обратившись к Латинской Америке, уместно было бы задать отчасти риторический вопрос о цивилизационных перспективах ее 500-летней культуры. Укажем лишь на препятствия, которые стоят на ее пути. Первым препятствием является исходная этническая и расовая гетерогенность и мультиядерность Латинской Америки. Мы насчитали четыре таких ядра. Это, во-первых, североамериканское индейское ядро Мексики и Гватемалы с примыкающей к ней метисной периферией Гондураса, Сальвадора и Никарагуа. Геополитически, однако, у него нет перспектив для воссоединения с южноамериканской Латинской Америкой, в то время как северный вектор экспансии существует и набирает силу, и мы являемся тому свидетелями. Во-вторых, это андское индейское ядро Эквадора, Перу, Боливии и северной части Чили, в принципе совпадающее с территорией уничтоженной испанцами империи инков. В-третьих, это «белое» ядро стран «южного конуса» (Чили, Аргентина, Парагвай, Уругвай) и, наконец, межэтнический и межрасовый «котел» Бразилии, где мулаты, негры, метисы, самбо и индейцы составляют более половины ее 200-миллионного населения.

Вторым препятствием для Латинской Америки является колониальный характер ее социально-политической модели, разделивший социум на суперстрат пропьятариев и субстрат пролетариев и поместивший его под внешнее управление сначала испанской короны, а впоследствии Англии и США.

* * *

Каждая культура и цивилизация по сути самодостаточна, равнозначна самой себе и обладает собственным смыслом существования хотя бы потому, что наилучшим образом соответствует среде обитания, природным, климатическим и иным условиям. А потому любые попытки привести их к единообразию по западному универсальному образцу плачевны и разрушительны как для самой культуры, так и природы планеты в целом.

Маниакальное стремление Запада к «демократии» и «прогрессу», скрывающее вполне прагматическую идеологическую экспансию и финансово-экономическое закабаление остального мира, совершенно определенно угрожает будущему традиционных культур и цивилизаций. Подобная стратегия ведет лишь к ускоренному росту потребления, истощению природных ресурсов, загрязнению и дестабилизации биосферы, ставя всех нас на грань экологической катастрофы, что срочно требует решительного отпора со стороны объединенных сил традиционных цивилизаций. Приведем в качестве иллюстрации оценку, данную американской культуре австралийской писательницей Маргарет Вертхайм: «Американская культура похожа на опасный вирус. Мы можем без натяжек сравнить американскую культуру с вирусом СПИДа. Подобно хорошо адаптированному микроорганизму, культура Соединенных Штатов внедряется и бесконечно самовоспроизводится. Причина того, что от вируса СПИДа так трудно избавиться, заключается в том, что он внедряется в иммунную систему и защитные силы организма, вместо того чтобы вырабатывать антитела против СПИДа, начинают сами копировать вирус. Так и американская культура быстрого питания, поп-музыка, кино

и телевидение заражают культурное тело других стран, копируя местную систему воспроизводства, мимикрируя под местную культуру. Этот способ вирусного воспроизводства повторяется по всему миру, американские культурные нормы заглушают и душат туземную фауну и флору». Ей вторит А. Тойнби, утверждая, что американская культура уже «приперла к стенке все другие современные цивилизации и запутала их в сетях своего собственного экономического и политического превосходства. Однако она еще не лишила эти цивилизации их собственных отличительных культур. Как бы они не были понуждаемы, они еще могут считать своими свои собственные души».

* * *

¹ «Слово «цивилизация» существует не более полутора веков. В конце концов, оно вошло в Академический словарь только в 1835 году ... Цивилизация, будучи, в конечном счете, европейской, была патентом, выданным европейским миром самому себе» (Рене Генон, «Восток и Запад», 1924).

² Ср. с определением цивилизации в Британской энциклопедии (11 издание, 1910 г.), где она трактуется как нечто, «имеющее отношение ко всему периоду человеческого прогресса, начиная с момента, когда человечество достигло достаточной разумности и социального единства, чтобы создать систему управления. Но на практике «цивилизация» обычно понимается в несколько более узком смысле как имеющая отношение к совсем недавнему и относительно короткому периоду, прошедшему с того времени, как наиболее развитые человеческие расы начали использовать системы письменности».

³ Для адекватного понимания смысла «традиции» отсылаю читателя к «Кризису современного мира» Рене Генона.

⁴ Общее количество языков и диалектов в современном Китае переваливает за сотню.

⁵ В представлении древних египтян их страна была «страной богов», а Млечный путь – Небесным Нилом.

⁶ Существует древняя китайская традиция называть воды восточного тихоокеанского побережья северным, южным, восточным и западным морями.

⁷ «Святая Русь – земля всем землям мати: на ней строят церкви апостольские; они молятся Богу распятому, самому Христу, Царю Небес-

ному, – потому свято-Русь – земля всем землям матери» (Голубиная книга, XVI в.).

⁸ В «Слове подвижническом» Св. Максим Исповедник призывает: «Будем подражать непрестанно Его пути, пламенному стремлению, великодушию воздержания, святыне рассудительности, благородству терпения, величию мира, сочувствию сострадания, невозмутимой кротости, жару ревности, нелицемерной любви, высоте смиренномудрия, простоте нестяжания, мужеству, благородству, милости».

⁹ Н.Я. Данилевский – русский мыслитель, автор книги «Россия и Европа: Взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому», 1869 г.

¹⁰ «Бедный не отходит от гадалея, богатый не расстается с лекарством» (китайская поговорка).

¹¹ Небо – основной космографический образ в китайской культуре.

¹² «В медовых словах всегда горечь найдется», «В небе тощ орел, на земле беден бобыль», «Доброму человеку и небо помогает» (китайские поговорки).

¹³ «Дома опирайся на родителей, вышел за ворота – опирайся на друзей», «Единодушные и гору своротит, и море осушит» (китайские поговорки).

¹⁴ В семейном кругу китайцы обращаются друг к другу, следуя иерархии родства (второй старший брат, муж старшей сестры). По имени принято обращаться только к младшему.

¹⁵ «Артель и богатыря повалит» (китайская поговорка).

¹⁶ Известен случай, когда в 1865 г. супруги избили плетью мать сына. Дело дошло до императора, который своим указом определил следующее наказание: супруги были казнены (с них живьем содрали кожу и бросили в печь); глава клана, дядя и двое старших братьев задушены, двоюродный дед преступника – обезглавлен. Мать преступницы отправлена в ссылку, а на ее лице была вытатуирована надпись о пренебрежении воспитанием дочери; розгами и ссылкой был наказан и отец, а мать преступника была обязана присутствовать при казни сына. Розгами были наказаны ближайшие соседи, розгами и ссылкой – глава корпорации ученых, в которую входил преступник, временно от должности были отстранены правители области и уезда. Сын преступников назван по другому и отдан на попечение правителя уезда и, наконец, временно было запрещено возделывать земельный участок преступников.

¹⁷ «Лучше принять нужное послание, нежели прятаться от посланного. Лучше не раскрашивать ярко ворота на пыльную дорогу. Лучше пу-

стить коня на огород, нежели пустить на камни. Лучше простить урядника, нежели судиться с приставом. Лучше уступить морковь, нежели лишиться гороха. Лучше уснуть на доске, нежели на муравейнике. Лучше достать дельные прорицания, нежели ухмыляться патоке. Лучше дружить с ослом, нежели слушать лису. Лучше позвать врача, нежели пустить кровь демону. Лучше пугаться мучениями прошлого, нежели сомневаться в будущем. Лучше судить утром и прощать вечером. Лучше думать днем и летать ночью" («Жемчужина сновидений»).

¹⁸ В обращении к другому человеку китаец вместо «господин» использует слово «учитель».

¹⁹ В имперском Китае обычным считалось отбывание сыновьями тюремного срока за преступления, совершенные их родителями или арест родителей беглых правонарушителей. Нередкими были случаи срезания детьми мышечной ткани бедра, предплечья или фаланг пальцев рук для их использования в составе укрепляющего средства для тяжелобольных родителей.

²⁰ «Все люди Четырех морей – братья» (китайская поговорка).

²¹ «Была бы твердая воля – и гора превратится в поле» (китайская поговорка).

²² «Есть дом – живет в тысяче комнат, нет дома – проживет и в углу» (китайская поговорка).

²³ «Бог дела творит, а человек за них отвечает» (индийская поговорка).

²⁴ Махабхарата: «Бедствия происходят из-за влияния эго, страдания – из-за эго, желания – из-за покорности эго, нет более великого врага, чем эго».

²⁵ «Быстро сделанная работа хорошей не бывает» (индийская поговорка).

²⁶ «Вы, европейцы, любите и женитесь, а мы, индийцы, женимся и любим».

²⁷ Большая индийская семья может насчитывать 50 человек.

²⁸ Махабхарата: «Два слова обозначают свободу и рабство. Это слова «не мое» и «мое». Через осознание «моего» живое существо попадает в рабство, и через осознание «не – мое» освобождается».

²⁹ «Друг проверяется бедой, герой – сражением. Честность – долгами» (индийская поговорка).

³⁰ «Щепотка сандала лучше телеги дров», «Расплатиться с долгами – все равно, что разбогатеть» (индийские поговорки).

³¹ Социальное положение и благосостояние хамулы всецело определяют уровень достоинства, благосостояния и социальной защищенности ее членов. Реальной властью и авторитетом для араба обладает не политическая власть, а исключительно хамула (воля старейшин и отца).

- ³² «Люди договора» – собирательное название для немусульманского населения, жившего на территории Османской империи и подчинявшегося законам шариата.
- ³³ Арабское *билади* «моя земля», моя страна», «родина» сохраняет смысл частной собственности, владения.
- ³⁴ «Общайтесь как братья, работайте как чужие» (арабская поговорка).
- ³⁵ В своем кругу арабы обычно именуют друг друга по имени старшего сына («отец такого-то»).
- ³⁶ «Мышь приняла ислам, но число мусульман не увеличилось, а число христиан не уменьшилось» (арабская поговорка).
- ³⁷ В данном случае за основу психотипа взят менталитет арабов, характеризующийся значительной вариативностью на племенном уровне.
- ³⁸ «Будет рад тот, кто доволен тем, что имеет» (арабская поговорка).
- ³⁹ «Хитрец – не глупец» (арабская поговорка).
- ⁴⁰ «Если стал наковальной – терпи, если стал молотом – бей» (арабская поговорка).
- ⁴¹ «Бог дал родню, а чёрт – вражду» (русская поговорка).
- ⁴² «Кого любишь, того сам даришь; а не любишь, и от него не примешь» (русская поговорка).
- ⁴³ «Мы на совести сделались», «Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука» (русские поговорки).
- ⁴⁴ «Работа с зубами, а лень с языком», «Дело знай, а правду помни», «Рукам работа – душе праздник», «Трудовой грош и пред Богом хорош» (русские поговорки).
- ⁴⁵ «Коль любить, так безрассудку Коль грозить, так не на шутку... Коль просить, так всей душой, Коли пир, так пир горой!» (А.К. Толстой).
- ⁴⁶ «Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божие» (Н.А. Бердяев).

ЯЗЫКИ МИРА – ФАКТОРЫ ПРЕСТИЖА И ПОПУЛЯРНОСТИ

Когда мы говорим о языке как о факторе развития человеческой цивилизации, мне представляется, что язык, с одной стороны, можно охарактеризовать как некий живой организм, а с другой – как работающий механизм. Живой организм – потому что язык, как любое живое существо, рождается, иногда может болеть, иногда выздоравливает, иногда умирает и всегда взаимодействует с другими такого же рода организмами. Иногда к пользе, иногда к сомнительной пользе или даже к вреду для себя. Язык – это некая система коммуникации, отлаженный механизм, ведь в языке есть те же самые факторы, которые мы иногда ценим, чтобы выбрать для себя то или иное техническое средство, в частности, в сфере телекоммуникации.

Сейчас, как говорили предыдущие коллеги, очень много конфликтов вызвано языковой политикой, положением различных языков в мире. Мне кажется, что очень многих конфликтов из этого можно было бы избежать, если бы мы относились к языку не как к инструменту влияния того или иного государства, а как к системе коммуникации. Ведь английский язык, который является общепризнанным универсальным языком современного человечества, уже давно никто не ассоциирует, не отождествляет с Англией или англичанами. Английский язык – это некое универсальное средство общения. Более того, когда мы говорим о его доминирующей роли, мы забываем, что огромное большинство людей, которые говорят на английском языке, говорят не на языке Англии, а на таком усредненном средстве общения, которое называют *simple English* или *bad English*. Каждый говорит на нем со своим акцентом, каждый со своими какими-то региональными или профессиональными характеристиками.

И я бы сказал, что доминирование английского языка перестало быть однозначным. В 90-е годы часто можно было

услышать: еще несколько лет, и все остальные языки будут ненужными; ни русский, ни испанский, ни китайский, все будут говорить по-английски, потому что английский язык – это универсальный язык, язык будущего. Но жизнь показала совершенно обратное. Если в середине 90-х годов английский язык доминировал в 99% всего пространства Интернета, то сейчас доля английского языка в Интернете скатилась ниже 50%. И в этом отношении целый ряд мировых языков наступает ему на пятки. Среди них и русский, и испанский, и китайский, и даже корейский, который является в принципе языком одной страны. Когда мы смотрим на карту мира, нам иногда представляется, что границы языков совпадают с границами государств, что совершенно не является истиной. Дело в том, что государства образованы в силу каких-то военных, геополитических, экономических факторов, но ни в коем случае не этнических, не языковых процессов. Давно известна истина, что люди, живущие в какой-нибудь деревне, всегда понимают людей, живущих в соседней деревне, а те понимают своих соседей. И так мы можем пройти все пространство земного шара, не взирая ни на какие границы. И человек, живущий в районе Лиссабона, через целую цепочку сопредельных деревень, населенных пунктах вполне может оказаться в конце ряда понимающих друг друга языковых общин, на другом конце которого будут люди, живущие где-то в России или в Турции, или где-то еще, потому что только официальный язык как некий официальный инструмент государственной власти является политической реальностью. Недаром говорят, что язык отличается от диалекта тем, что обладает «армией».

Нельзя не заметить трансформации русского и испанского языков за последние двадцать-тридцать лет. Про русский язык уже немного говорилось. Я бы выделил четыре таких этапа. Русский язык периода Советского Союза: государственный язык Советского Союза, один из языков Организации Объединенных наций, и язык, которому обучали в большей или меньшей степени принудительно жителей Восточной Европы. Я бы не рассматривал настолько катастрофически ситуацию с

падением количества говорящих на русском языке, потому что эти десятки миллионов людей в Восточной Европе, которые изучали язык (понятно, что это был просто некий предмет в школьной программе), вряд ли реально можно было называть носителями русского языка.

Начало 90-х годов, распад Советского Союза и социалистической системы. Действительно резкое падение интереса к русскому языку, потому что государственной политики продвижения больше не было, а каких-то личных факторов, мотивирующих на изучение русского языка, тоже не стало. И что мы видим вдруг? Начался период первоначального, так называемого «дикого» рынка, когда мелкие торговцы, благодаря тому, что границы перестали быть настолько непроходимыми, стали ездить по разным странам, и на уровне очень бытовом, на уровне, так сказать, нижнего уровня экономического взаимодействия огромное количество людей начали пользоваться русским языком. Примитивным, базовым, но тем не менее это стало происходить. На уровне постсоветского пространства ругаемая многими из нас массовая культура: криминальные сериалы, популярная музыка – все это служило такой тонкой ниточкой, которая удерживала вместе бывшие советские республики, которые абсолютно потеряли политический интерес к сотрудничеству с Россией.

Шло время, и русский язык востребован уже не по каким-то моральным или политическим соображениям, а по чисто экономическим причинам на более высоких уровнях экономической жизни. И наступил момент, когда знать русский язык снова стало престижно.

Какие факторы мотивируют человека на изучение языка? Их может быть много, вплоть до личных, но из основных можно выделить экономический фактор, т.е. фактор конкурентоспособности на рынке труда, когда знание языка дает большую возможность получить желаемую работу. Второй фактор – доступ к информационным и культурным ресурсам, т.е. сейчас благодаря информационным технологиям, благодаря Интернету очень много информации можно получить через всемирную

сеть на каком-то конкретном языке. Поэтому человек может быть заинтересован по личным или профессиональным причинам в том, чтобы владеть данным языком, информацию на котором он хочет получить.

Следующий фактор – факт популярности или престижа. В свое время английский язык стал популярным, когда параллельно с продвижением англосаксонской политической, экономической, военной мощи в мире появился Голливуд, появилась англоязычная массовая культура, появилась англоязычная рок-музыка. Хотелось стать частью этого, хотелось понимать это, хотелось примкнуть к этой системе коммуникации. И мы видим, что в настоящее время, в начале XXI в., английский язык вдруг оглянулся и увидел, что он уже перестал занимать эту недостижимую вершину. Рядом с ним стоит целый ряд других языков, среди которых и русский, и испанский.

Десять-пятнадцать лет назад испанский язык, который всегда был мировым, всегда был языком большого количества носителей, тем не менее воспринимался, например, в Соединенных Штатах Америки как язык меньшинства. Достаточно много мигрантов, как легальных, так и нелегальных. С этим приходилось жить, с этим приходилось мириться. Но к этому моменту в истории мы видим, что испанский язык стал практически вторым общенациональным языком не в какой-то латиноамериканской стране, а в Соединенных Штатах Америки. США – это, можно сказать, гнездо или логово англосаксонской культуры, англосаксонской экономики, и вдруг рядом с собой они обнаружили, что испанский язык занял если не равное, то очень близкое к равному положение. О чем это говорит? Это говорит о том, что растет не просто количество носителей, растет не просто уровень обмена информацией на этом языке, а растет престиж самого этого языка. Испанский язык сейчас является не просто одним из многих языков, количество носителей которого растет постоянно. Это – язык, знание которого престижно. В Соединенных Штатах Америки, при том, что носители английского языка не хотят знать никаких других языков, многие даже забывают, что в мире есть

другие языки, растет очень быстрыми темпами популярность изучения испанского языка. И не только там.

Если проанализировать ситуацию в России, тут говорилось о том, что есть понятие «испанский мир», и меня очень порадовал этот термин. Когда недавно я участвовал в создании телевизионной программы по обучению испанскому языку русскоязычной аудитории, никто не ожидал, что эту программу будут смотреть 4 млн человек. Это очень высокая цифра. Аудитория была достаточно хорошо изучена. Популярность программы говорит о том, что испанский язык не просто востребован по каким-то экономическим факторам; он стал интересен, и самое главное он стал престижен.

Поэтому для того, чтобы языковое многообразие сохранялось, радовало нас и обогащало наш мир, требуются всего лишь две вещи. Первое – сделать процесс знакомства с языком, изучения языков более комфортным, более дружелюбным; а второе – отделить язык от политики. Точно так же, как английский язык перестал быть языком Лондона или Англии, точно так же испанский и русский язык должны восприниматься как универсальные средства общения и постижения культурных ценностей огромного количества людей.

Поэтому русский язык следует воспринимать не как язык Российской Федерации или язык этнических русских, а как одно из универсальных средств коммуникации. Ровно таким же образом следует воспринимать и испанский язык, потому что в этом подходе – залог не только выживания языка, но и его обогащения и процветания.

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

Много лет назад я читал лекции по-испански, потому что работал с коллегами из Никарагуа, с Кубы и из других стран Латинской Америки. Но идет время, и теперь больше говоришь по-английски, к сожалению, чем по-испански.

Я с удовольствием прослушал первые выступления нашего симпозиума и очень благодарен Владимиру Михайловичу Давыдову за то, что он пригласил меня участвовать. Было очень интересно, и я хочу высказать несколько соображений по поводу сегодняшней темы с позиции экономиста, тем более что среди докладчиков, по-моему, экономистов не так много.

Безусловно язык, как у нас сказано – это экономический и политический фактор отношений, и особенно в критические моменты. В свете последних событий, происходящих, в частности, на Украине, мы видим, как проблема языка вдруг превратилась в острый политический вопрос, приведший к тем трагическими событиями, которые, к сожалению, сейчас происходят.

Помимо того, язык – это инструмент, с помощью которого выстраивается система отношений, в т.ч. экономических. Я убедился в этом на личном опыте много лет назад, когда еще во времена Советского Союза отправился в Литву, в город Каунас, в Каунасский государственный университет. Еще до той поездки (а я первый раз был в Прибалтике) меня в Москве предупреждали: нужно иметь в виду, что Литва – это самая националистически настроенная из всех прибалтийских республик, а Каунас – самый националистически настроенный город из всех литовских городов. Мне такие рассуждения казались немножко странными, но когда я начал выступать по вполне профессиональной экономической теме в каунасском университете с участием местной профессуры и преподавателей, то я ощутил, что между мной и сидящими в зале – стенка.

Говорят, я неплохой лектор и умею работать с аудиторией, но все мои попытки наладить контакт с той аудиторией упирались в какую-то незримую стену непонимания. Нет, никто ничего не говорил, все меня вежливо выслушали, раздались аплодисменты, и все...

Меня принимал тогда городской комитет Коммунистической партии Литвы – части правящей партии Советского Союза. Секретарь Горкома, литовец, мне сказал: «Да, Дмитрий, ты все правильно почувствовал. Действительно, у нас вот такая ситуация. Я сам литовец по национальности. Но понимаешь, в чем дело... Вот мы уже тридцать лет живем в Советском Союзе. У нас живет много русских, которые после войны приехали. Понимаешь, вот если ты, русский, выйдешь на улицу и по-русски спросишь какого-то литовца, как пройти куда-то или сколько времени сейчас, т.е. какой-то элементарный бытовой вопрос, в ответ ты услышишь, что он тебя не понимает. Хотя, я тебя уверяю, у нас все понимают по-русски». «Но, – сказал он, – если ты на самом ломанном литовском языке, с акцентом, как угодно, с ошибками, скажешь «здравствуйте» и потом задашь этот вопрос на этом ломаном языке, с ошибками, и всем будет понятно, что ты русский, то тебя доведут за руку до этой улицы, о которой ты спрашиваешь. Потому что тридцать лет здесь живут русские, и никто из них не подумает о том, чтобы хоть чуть-чуть выучить литовский язык; не свободно говорить, а просто овладеть им хотя бы на самом бытовом уровне».

И когда в 1990-х годах начались центробежные тенденции и на Кавказе, и на юге нашей страны, а потом в той же Прибалтике, мне многое стало понятно. Это отсутствие того, что мы называем «взаимоуважение к другому языку».

Мне много приходится ездить, поэтому, когда я, например, выступаю в Грузии, я не ленюсь вначале выучить несколько слов по-грузински, несколько первых фраз и только после этого начинаю свое выступление перед аудиторией. Поэтому в Грузии, поверьте, меня принимают очень хорошо, у меня там нет проблем, а мне довелось побывать в этой стране вскоре после войны. Я уж не говорю про Армению, про Китай. Так сложи-

лось, что лето я провожу здесь, внутри страны, но в отдаленных районах – на севере, на востоке. Я могу объясниться даже с якутом. Например, третий раз я поеду в Эвенкию, и немножко, несколько фраз по-эвенкийски я уже выучил.

Моя супруга – представительница иного языка и иной культуры. Она – армянка по национальности, причем армянка тбилисская, из Грузии, бывшая гражданка Грузии. И вот на ее примере я тоже вижу как она, владея многими языками, спокойно общается в том числе и с азербайджанцами – при всех проблемах, которые существуют между Азербайджаном и Арменией.

Таким образом, язык – это очень важный фактор налаживания отношений: политических, экономических; потому что в их основе всегда лежат в первую очередь отношения между людьми.

Поскольку я – не специалист в области языка, то как экономист попытаюсь сказать о том, как я эту проблему понимаю. Тема моего выступления – «Язык как экономический менталитет». Для меня это очень значимая проблема: экономический менталитет, национальный экономический менталитет, проще сказать, национальный способ мышления. Мне кажется, это очень важные вещи, потому что блестящие экономические теории – они в силу необходимости имеют характер абстрактный, обобщенный; зачастую при применении в конкретной стране, в конкретной культурной цивилизационной среде они не срабатывают. Так происходит не потому, что теории неверны, а потому что наука всегда оперирует абстракциями. Теория, как говорится, должна быть переложена на прикладной язык, учитывающий факторы национального экономического менталитета.

Самый простой пример – литературный. Российская аудитория, конечно, знает такого замечательного писателя, как Шукшин. У него есть один рассказ, где молодого специалиста, приехавшего из города к себе в деревню, в село, избирают председателем колхоза. И вот к нему приходит вечером его родственник, дядя, и спрашивает: «Как ты собираешься руко-

водить народом, чтобы он работал лучше, и прочее?» И он в соответствии с правильно вложенным в него понятием экономической теории, говорит: «Я буду, прежде всего, делать упор на экономическое стимулирование: больше делаешь – больше получаешь. Народ на это отреагирует». А в ответ ему родственник говорит: «Это все в газетах правильно пишут. А на практике – вот у нас Ваня, тракторист: ему бы заработать более чем на одну бутылку, понятно какого напитка, и больше ему ничего не надо. Поэтому стимулируй его, не стимулируй, он больше и лучше работать не будет. Заработал он свои 100 рублей, по тогдашним ценам, и все. Стоп!»

Знаете, мне приходится общаться с людьми-практиками, работающими на заводах. Я люблю работать с реальным сектором экономики. Не с финансовым, а с реальным. Так вот, – это очень большая проблема у нас в стране. На «экономическом» языке она называется «неразвитой системой потребностей»: человек думает: «Сто рублей мне вот так достаточно, и больше мне не надо». И система экономического стимулирования не действует.

Так вот, я полагаю, что те или иные реформы теоретически абсолютно правильные, или, как сейчас говорят, экономические институты, в каждой стране необходимо приспособлять к конкретным условиям, применять их с учетом сложившейся экономической культуры, экономического менталитета. А как понять, каков он, этот менталитет? Я считаю: через язык. Язык точно отражает главные особенности экономического менталитета, это внешнее проявление внутреннего. Если я не прав, то пусть меня поправят присутствующие здесь специалисты-филологи.

На что я опираюсь в своих рассуждениях? На то, как в русском языке отражается экономический менталитет. Вот что писал один из российских авторов прошлого века (и я потом убедился в его правоте). «Обратите внимание, – отмечал он, – на русские сказки и сравните их со сказками братьев Гримм. Почувствуйте, какая разница. В немецких сказках герои через собственные усилия, через опасности, завоевывают себе поло-

жение в обществе, богатство, и то, чем они удовлетворяли бы свои потребности. А в большинстве русских сказок Иванушка-дурачок сидит на печи и ждет: либо Жар-птица прилетит и начнет исполнять его желания, либо Царевна-Лягушка кажет: «Что тебе, Ванечка, надо?», либо Щука из проруби спросит: «Какие три желания твои исполнить»¹.

Разве не говорит об экономическом менталитете нации тот факт, что в русском языке глагол «работать» от слова «раб», а по-испански «работать» (trabajar) и «раб» (esclavo) имеют разные корни?

Представьте, что два специалиста – один по русскому языку, другой – по испанскому – стали писать набор синонимов слова «воровать». Берусь утверждать, что набор синонимов слова «воровство» на русском будет намного больше, чем на любом другом языке мира. Отсюда я делаю вывод: зная язык партнера ты в общем понимаешь его менталитет, и тогда легче становится выстраивать с ним систему отношений.

И другой аспект проблемы. Для меня не подлежит обсуждению тезис, что языки должны сохраняться. Язык – это носитель культуры, это хранитель национальной истории. А народ, забывший свою историю, растворяется. И это уже доказано неоднократно. Но, чтобы сохранить язык, он должен быть конкурентоспособным на языковом поле. Как это обеспечить? Конечно, надо продвигать свой язык в глобальное языковое пространство, а для этого открывать зарубежные школы, курсы, культурные центры и т.п.

Но мне кажется, что материальной базой для распространения языка являются экономические достижения его носителей. Говорят, что сегодня английский – язык межнационального общения. Почему? А потому, что из англосаксонского мира приходят на сегодняшний день те вещи, которыми мы пользуемся, начиная с Интернета и кончая элементарными бытовыми предметами. Когда мир узнал русское слово «спут-

¹ См.: Трубецкой Е.М. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Трубецкой Е.М. Избранное. М.: Канон, 1995.

ник»? Не путем того, что мы открывали за рубежом русские школы, и наши культурные центры работали в советских посольствах по всему миру, а потому, что Россия первая осуществила запуск аппарата в космос.

Если мы хотим, чтобы наши языки сохранялись и распространялись, то мы должны быть конкурентоспособными в этом мире. Быть конкурентоспособными, и тогда мы будем интересны, а наши языки будут сохраняться и развиваться.

Я убежден, что мы в России не станем конкурентоспособными в том случае, если будем интегрироваться с Китаем или с англосаксонским миром. Не получится. Мы останемся на вторых ролях. Надо искать третий вариант. А может быть этот третий вариант – иберийский? Пятьсот и триста миллионов. Нужно найти механизмы экономического сотрудничества, которые позволили бы предъявить миру такие достижения, о которых будут говорить; которые будут обозначаться, ну, пускай, на русско-испанском диалекте. Спасибо за внимание.

МНОГОСОСТАВНАЯ КУЛЬТУРА В МИРЕ XXI ВЕКА

Культура есть фундаментальное понятие любой цивилизации, в том числе на ее национальном и локальном подуровнях. Она не менее важна как основа идентификации и каждого отдельного человека, и социума в целом. Сущность культуры двойка – как объединяющее и разъединяющее начало одновременно. Беспрецедентный виток глобализации в последнюю четверть века поставил новые вопросы. Культура – это инструмент, с помощью которого можно с многократной силой транслировать свою систему ценностей, или она больше – инструмент приспособления в глобальном мире, инструмент самозащиты, позволяющий сохранить свою идентичность от «катка» унификации и единообразия¹?

У культуры в современном мире есть безусловно как свои светлые, так и темные стороны.

К первым, например, относится новое дыхание локальной идентичности, возможность с многократно возросшей легкостью продвигать свою культуру по всему миру. Ко вторым – ее повсеместная коммерциализация, омассовление, стандартизация, примитивизация, даже архаизация, иногда переходящая в варваризацию. Культурные пространства, из множества которых (наслаивающихся и пересекающихся между собой) и складывается мировая культурная сфера, испытывают на себе влияние как сил интеграции, так и фрагментации. В Евросоюзе, скажем, общепринят лозунг «единства в многообразии», применяемый, прежде всего, к сфере культуры. На постсоветском пространстве или в Юго-Восточной Европе ранее достаточно гомогенные культурные поля прошли через этап резкой фрагментации. Таким образом, параллельно идут процессы размывания и консолидации культуры.

Но бесспорно, что мир за последние десятилетия значительно продвинулся вперед в деле терпимости к другим

культурам. Есть общества более архаичные и менее архаичные, более консервативные и более либеральные. Но одни не лучше и не хуже других: просто культуры как отражения общественного сознания никогда не развивались и не будут развиваться «единым фронтом», т.е. в одном русле, с одной скоростью и в одном направлении. Все зависит от общественного запроса. И ожидать, тем более требовать, чтобы нововведения в одной культуре были тут же восприняты и воссозданы в другой – большое заблуждение, часто опасное. Одни культуры сумели приспособиться к миру постмодернизма: в них ссылки, скажем, на религиозную идентификацию, как в Западной Европе, стали считаться неполиткорректными. В других культурах под напором различных проявлений глобализации или вследствие внутренних причин, напротив, религиозная идентификация пережила новый подъем как в России или как в мусульманском мире.

Отношения между культурами, с точки зрения аксиологии, систем ценностей приходили в последние десятилетия на смену отношениям между идеологиями, доминирующими в прошлом столетии. Это можно равно как приветствовать, так и воспринимать достаточно осторожно. Идеологии намного чаще конфронтационнее культур, чаще являются искусственными и временными конструктами. Если культуры – это почти всегда продукт «медленной истории», укорененный в толще веков, то идеологии обычно скоротечны и конъюнктурны.

В то же время большинство культур не лишены ингредиента неприятия и неприязни к непохожим на себя; мало какие культуры изначально являются полностью открытыми и терпимыми к другим. В результате противоречия между культурами могут представлять собой более серьезную проблему, чем противоречия между идеологиями. Ведь отказаться от идеи или адаптировать ее значительно легче, чем сделать ее частью своего менталитета и самоощущения. Человеку труднее поменять свои ценности, т.е. во многом сложнее менять проявление своего иррационального начала, значительно сложнее, чем

изменить рациональную сторону своей природы, такую, как мышление и рассуждения.

Проблемы становятся еще серьезнее, когда различия в культурах и ценностях начинают политизировать. Например, на основе тезиса о различиях в ценностях между Россией и рядом других стран, подчас делают вывод об имманентной чужеродности России для Запада в целом и для Европейской цивилизации, в частности. Логика порочная, но весьма востребованная.

Европейская поликультурность под бременем перемен

Проблемы «многосоставной Европы» нарастали длительное время. Моноэтнических стран в этом регионе, как и по всему миру, практически нет. Не только в Европе, но и по всему миру подавляющее число государств считаются многосоставными, полиэтническими, мультинациональными. Есть те, которые соответствуют одновременно нескольким определениям, но в целом смысл остается тем же. Тема сложная с точки зрения использования понятийного аппарата. Как правило, в социологии, в культурологии, в этнографии, в политологии говорят не о «мультиобщинных» странах или обществах, а используют более привычные, устоявшиеся термины: моно-, полиэтнические или национальные государства. Сразу вспоминаются и такие сопряженные термины или понятия, как национализм гражданский и этнический, титульные нации, этнократии и др. Конечно, у каждой страны своя собственная история, свой уникальный набор обстоятельств. В большинстве стран Европы проблема взаимодействия между различными национальными и этническими странами в целом во второй половине XX в. решалась в положительном ключе. Но в ряде государств проблемы многосоставных обществ стояли и продолжают стоять остро.

Если брать страны, где за последние 30 лет был совершен сдвиг в положительную сторону, то среди них – Великобритания. Долгие годы в ней тлела проблема Северной Ирландии; республиканские силы насильственными методами пыта-

лись добиться воссоединения с Ирландией. Речь шла о глубоком расслоении общества. Оно покоилось как на этническом и религиозном принципах, так и на разных представлениях в отношении государственного устройства. С одной стороны, это католики-республиканцы, выступающие за воссоединение с Ирландской республикой. С другой – это юнионисты, как правило, выходцы из Англии и Шотландии, с религиозной точки зрения, приверженцы пресвитерианства (разновидности местного протестантизма), сторонники единства Соединенного Королевства. Проблема «смутного времени» была решена относительно успешно только к концу 1990-х годов. Противостоящие в Ольстере стороны были усажены за стол переговоров, а затем они разделили ответственность за управление регионом.

В данном случае использование языка не являлось источником конфликта, несмотря на то, что часть жителей Северной Ирландии предпочитает гэльский язык, который длительное время не признавался в качестве регионального лондонскими властями.

В Великобритании составная общинность представлена и в других регионах – в Уэльсе, Шотландии, т.е. по всей кельтской периферии. С особой силой это было продемонстрировано в Шотландии, где в свете проведенного в сентябре 2014 г. Референдума о независимости разгорелись серьезные политические и общественные баталии. И здесь основные расколы в обществе проходят по этническому, историческому и религиозному принципу.

Проблемы мультиобщинных стран решались и решаются по-разному. В США в ходу многие десятилетия было понятие «плавильного котла». Затем вошел новый термин, который буквально переводится, как «крупно нарезанный салат». Например, Хантингтон писал не только о цивилизациях, но и о грозящей США фрагментации по этническому и другим принципам.

Что касается Европы, то здесь утвердилось представление о двух моделях, которые способствуют интеграции различных

этнических и национальных групп в рамках единой страны, единой нации: ассимиляционная модель и модель мультикультурализма. До недавнего времени образцовыми, с точки зрения мультикультурной модели, считались Великобритания и Германия. По другую сторону стояли страны, в которых ассимиляционная модель была наиболее эффективной и перспективной, в первых рядах среди таких стран – Франция. Однако в последние годы интеграционные модели культур были подвергнуты резкой критике даже со стороны глав государств, в частности, Д. Камерона и А. Меркель.

Государства Прибалтики должны были бы развиваться по пути мультикультурализма, т.е. по пути признания того, что эти страны многокультурные, многоязычные и что имеющиеся здесь культуры взаимодополняемые и способные приносить благо для развития общества в целом. Но проблема оказалась в том, что в игру вступил политический фактор, фактор политических элит. В зависимости от политического контекста мультикультурализм можно поощрять, а то и насаждать или, наоборот, игнорировать и искоренять, чтобы в де-факто мультикультурном обществе выделилась некая группа по этническому, национальному признаку, в том числе и по языковому, группа, которая бы заявила право на звание титульной нации. А затем низвела бы другие составные части этого мультиэтнического организма до статуса национальных меньшинств, причем дискриминируемых, и вела бы политику в направлении их ассимиляции и растворения. Частично этот эксперимент в Прибалтийских странах имел успех. Но по большому счету он не удался. Проблемы, с которыми прибалтийские общества столкнулись в последние годы, были вызваны не только экономическими, социальными факторами, но и тем, что одна часть страны боролась с другой, тратя свои силы и гражданский потенциал не на решение насущных проблем, а на искусственное противостояние.

Похожий эксперимент фактически провалился на Украине. Там в течение веков развивалась культура, в которую органично входили и украинская, и русская части. Так, Гоголь

писал по-русски, а Шевченко свою поэзию – на украинском, но прозу опять же на русском. И для этих великих представителей украинской культуры не стоял вопрос о языковой и культурной идентификации. Разразившаяся в 2014 г. Гражданская война на Украине нанесла огромный ущерб ее культуре, последствия чего еще предстоит осознать и в полной мере ощутить. Украина как монокультурное этнократическое государство – обреченный проект, мертворожденное дитя. И чем скорее украинское общество это осознает, тем меньше вреда такой проект успеет нанести.

На более удаленных от России территориях Европы также есть немало проблем, связанных с языковой и/или культурной идентификацией. Например, в Испании – проблема басков и каталонцев, во Франции – проблема Корсики, в Италии – проблема севера и юга страны. Где-то речь идет о расколах по признаку языка и/или этноса, национальной психологии или экономических различий.

Трудная ситуация сложилась в Бельгии. Здесь расколы прошли и по этническому, и по религиозному, и по языковому признакам. Правительство страны уже дважды не функционировало в течение многих месяцев из-за разногласия между политическими силами Валлонии и Фландрии. В политической науке хорошо известна концепция многосоставных обществ, у истоков которой стоял американский ученый голландского происхождения Лейпхарт. Речь идет не о задаче по интеграции, а о рецепте закрепления многосоставного характера конкретного общества законодательными способами. Однако такой эксперимент бельгийского образца уже не раз находился на грани коллапса. Моноэтнизм возобладал и в других регионах Европы – в Чехии и Словакии, в Югославии, в Боснии и Герцеговине.

До сих пор по традиции Россию называют многонациональной страной. Но нельзя не учитывать произошедшие изменения после распада Советского Союза. Если русские в СССР составляли половину населения, то сейчас – 80%. Россия стала значительно более мононациональной страной, чем

раньше. Российская многонациональность сильно уступает по своей языковой и этнической пестроте и мозаичности, например, Филиппинам, Индонезии, Малайзии.

В 1945 г., когда подписывался устав Организации Объединенных Наций, имелось порядка 50 независимых государств; сейчас их – почти 200. Вероятно, что в 21 столетии их станет значительно больше. Проблема мультиобщинности не только не угасает, но и продолжает развиваться.

Другой пример – Закавказье. Этот регион по традиции тяготеет к Европе. Грузия – яркий пример того, как неспособность решить проблему отношений между общинами вылилась в развал страны. По тем же причинам угроза территориальной целостности существует для уже названных Боснии и Герцеговины, Бельгии, Украины, а также для Молдовы. Особняком стоят конфликты на Кипре и в Нагорном Карабахе. Потенциальный распад существующих государств может вести теоретически не только к дроблению, но и к появлению более крупных территориальных образований, например, в русле идеи Великой Албании.

Культура «мягкой силы» России

Нельзя не отметить, что Россия в последние годы все больше внимания уделяет фактору «мягкой силы», в том числе лингвистическому измерению мировой геополитики. Можно посчитать, что «мягкая сила» – это продукт современности, постбиполярного мира. На самом деле она присутствовала в арсенале внешней политики ведущих держав не только в XX в., но и задолго до него. По сути это способность государства распространять влияние за рубежом, опираясь на привлекательность той или иной стороны своей модели развития, не прибегая к насилию или открытому давлению.

С помощью «мягкой силы» нельзя что-либо навязать, но можно предложить, презентовать иным народам и культурам то, что привлечет их внимание, вызовет интерес к конкретной стране. Чем более она привлекательна, тем больше может пользоваться возможностями, которые именуются собира-

тельным термином «мягкая сила». Что действительно изменилось со временем, так это соотношение «жесткой» и «мягкой» сил в инструментарии внешней политики государств. В начале XXI в. на основе их переосмысления и нового комбинирования присущих им средств можно говорить об «умной силе», «быстрой силе» и др.

Такие новые разновидности силы и влияния не возникают сами собой. Например, культура и наука. В этих областях может происходить много важного, но, если государство и общество, соответствующие профессиональные сообщества не доносят целенаправленно и осмысленно информацию об этих достижениях и о возможностях пользоваться ими конечным «потребителям», как внутренним, так и внешним, они не будут работать. Как и наоборот, достижения в одной стране могут стать востребованными в другой, но не принести первой благ.

Если, например, талантливые и перспективные деятели науки, культуры переезжают надолго, тем более на постоянное место жительства за рубеж из-за отсутствия возможностей реализовать свой потенциал на родине, они не станут проводником ее «мягкой силы». Их дальнейшая деятельность будет приносить блага не тому обществу, в котором они стали профессионалами, а другому, которому они служат теперь. Один из ярких примеров – судьба Игоря Ивановича Сикорского. Иностранной литературой, живописью, поэзией, театром могут восторгаться, но если их творцов напрямую не ассоциируют со страной, в которой сформировались их таланты, то ей от этого не будет большой пользы. Так, творчество Рудольфа Нуриева принесло больше славы иностранным сценическим площадкам, на которых он выступал, чем советскому театру, где произошло его становление как танцовщика.

Не менее бесперспективно и другое – попытка реализовать «мягкую силу», если за ее фасадом ничего не стоит. Если в принципе нечем «удивить мир», то максимум, чем можно заниматься – пропагандой, улучшением образа и привлекательности своей страны за счет искусной демагогии.

Задолго до того, как в России нарастающий интерес к категории «мягкой силы» стимулировал создание структур по ее продвижению, многие другие государства уже активно действовали в этом направлении. «Бритиш каунсл», Институты Сервантеса, Гете, Данте, Конфуция, «Альянс Франсез», германские партийно-политические фонды и многие другие организации системно и систематически решали и решают поставленные перед ними задачи. Чтобы такие механизмы работали, необходим целый ряд «комплектующих», среди которых – осознание самой проблемы и государством, и гражданским обществом.

Одними из претендентов на роль главного двигателя «мягкой силы» России выступают русский язык и культура. У России есть прочный фундамент для проведения такой политики, более того, у нее в этом – большой потенциал. Говоря современным языком, русский язык и русская культура – мировые бренды, которые знакомы миллионам жителей Земли, и далеко не только русскоязычным. Но если бренды не продвигать, они тускнеют, перестают играть какую-либо значимую роль в проецировании влияния государства за рубежом. Что во многом и случилось с российскими «kozyрными картами» мировой привлекательности после развала Советского Союза.

Как известно, не бывает плохого без хорошего. Феномен превращения Русского мира в диаспоральную категорию, который произошел по мере того, как по разным причинам за рубежами России оказывались все новые миллионы носителей русского языка и культуры, имеет и свою светлую сторону. Теперь у политики «мягкой силы» России реально или потенциально появились проводники по всему миру. И опять же эту потенциальную возможность усиления нашего влияния можно как реализовать, так и растратить.

Западная и Центральная Европа имеет специфику зарубежной части пространства Русского мира с самой высокой плотностью русскоязычного населения. Этот регион насыщен большим количеством организаций, объединений, ассоциаций, в той или иной степени являющихся состоявшимися или потенциальными партнерами России в деле продвижения ее «мягкой

силы». Европейский регион по сравнению с другими регионами мира по территории достаточно компактен, однако отличается большим разнообразием и немалыми особенностями входящих в него государств и их групп. Здесь проживает порядка десяти миллионов русскоязычных выходцев из постсоветского пространства. Среди них – представители всех волн русской эмиграции, среди которых самой многочисленной стала четвертая, прокатившаяся по Европе (и миру) после распада Советского Союза.

В последние годы Россия стала осмысленно заниматься политикой «мягкой силы», в том числе на государственном уровне, задействуя в этом как официальные, так и общественные организации и структуры, в первую очередь Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд им. А.М. Горчакова, Фонд им. Св. Андрея Первозванного и др.² В развитии России много проблем, но не меньше и достоинств, о которых надо не умалчивать, а уверенно предъявлять остальному миру. Определенные успехи на этом направлении имеются. Среди инструментов «мягкой силы» лингвистическое и культурное измерение мировой политики – одно из ведущих³. Украинский кризис стал самым серьезным и драматичным вызовом лингвистического и культурного измерения мировой геополитики, в первую очередь с точки зрения национальных интересов России. Без конструктивного решения этой проблемы дальнейшее усиление позиций Русского мира вряд ли возможно.

* * *

¹ О парадоксах современной культуры см.: «Европейская культура: XXI век». Под ред. Е.В. Водопьяновой. Институт Европы РАН. М., СПб.: «Нестор-История», 2013.

² О «мягкой силе» и феномене «Русского мира» см.: Никонов В.А. Российская матрица. М.: «Русское слово», 2014. Глава 20. Россия и мир.

³ Комплексное исследование данной темы см.: Ягья В., Чернов И., Блинова Н. Лингвистическое измерение мировой политики. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2009.

**ТЕХНОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
«RUSSIA BEYOND THE HEADLINES»
(на примере Испании и Латинской Америки)**

«Российская газета» (РГ) на протяжении нескольких лет осуществляет проект «Russia Beyond the Headlines», в рамках которого публикуются посвященные России приложения к ведущим мировым газетам. Такие приложения РГ начала издавать в 2007 году. За несколько лет до этого была предпринята аналогичная попытка, когда планировалось перепечатывать переведенное на иностранные языки содержание самой РГ, но этот замысел не удался. В такой форме издание не вызвало интереса, прежде всего, из-за того, что содержание его рассчитано на российского читателя.

В 2007 г. было опубликовано первое приложение РГ в газете «The Daily Telegraph», затем появились такие же вкладыши в изданиях Франции, Болгарии, Индии, Бразилии, США. Постепенно расширялась европейская география приложения, прибавились азиатские страны: Япония, Китай, Тайланд.

На данный момент РГ издает указанные приложения на 16 языках в 29 газетах 23 стран мира (например, в США приложение выходит в нескольких СМИ: «The New York Times», «The International New York Times», «The Washington Post», «The Wall Street Journal», «The Foreign Policy»).

На испанском языке приложения публикуются в испанской газете «El País», аргентинской «La Nación» и «El Observador» (Уругвай). В Испании оно выходит с 2010 г. (8 полос раз в месяц), в Аргентине сначала издавалось в газете «Clarín» в 2011 г., а с 2012 г. публикуется в «La Nación» (дважды в месяц по 4 полосы). В «El Observador» приложение издается с 2012 г. (раз в месяц по 4 или 8 полос).

Цель проекта состоит в том, чтобы рассказать жителям разных стран о России. Не секрет, что в зарубежной прессе

можно встретить не так много информации о нашей стране, кроме того, в публикациях преобладают стереотипы и заметен негативный тон в отношении России.

Мы не стремимся навязать определенное мнение о стране или доказать превосходство России над другими странами. Задача состоит в том, чтобы делать качественный журналистский продукт, привлечь внимание читателей к России, рассказать им то, о чем они не могут узнать из местной прессы.

Мы не боимся говорить о проблемах, но стараемся давать взвешенную информацию, искать баланс между плюсами и минусами, удачами и неудачами во всех сферах жизни и отражать разные точки зрения. Мы хотим завоевать читателя за счет открытости и сбалансированности в освещении происходящего. Большое значение придается двусторонним темам, так как именно они помогают привлечь интерес иностранного читателя и завоевать его расположение. И, конечно, мы стремимся этого добиться за счет хорошего языка, на котором подается материал. В данном случае – испанского.

Как все происходит на практике?

Наши приложения готовятся в Москве. Московский редактор выбирает темы, которые могут заинтересовать читателей в той стране, где выходит приложение.

Хочу отметить, что все три испаноязычные приложения совершенно не похожи друг на друга. В выборе тем нам помогают субредакторы (subeditors). В случае с Испанией это журналистка, которая работала несколько лет в газете «El País», в Аргентине – редактор раздела общества и политики «La Nación». В Уругвае с нами непосредственно контактирует главный редактор газеты «El Observador».

Субредакторы помогают в выборе и подготовке тем и нередко сами выступают в качестве авторов. Кроме того, они работают над языком и стилем каждого текста. Одни тексты пишутся на русском языке и переводятся, другие рождаются сразу на испанском. Задача субредакторов – сделать тексты легко читаемыми и понятными испаноязычным читателям в конкретной

стране; при этом от него требуется знание Книги Стиля газеты, в которой публикуется приложение РГ.

За годы работы со СМИ Испании, Аргентины и Уругвая мы поняли, насколько сильно различаются стили и язык этих газет. Зачастую тексты, подготовленные для испанского выпуска, не подходят для Аргентины и Уругвая и требуют тщательной редактуры субредактора, и наоборот.

Вот конкретные примеры такой работы.

En primer lugar, se notan las diferencias léxicas. Podemos mencionar un par de ejemplos: los argentinos no suelen utilizar la palabra **móvil**, y dicen **celular**. **Dinero** se convierte en **plata**, **ordenador** en **computador**, **piso** en **departamento**. Tenemos una gran lista de palabras que no suelen utilizarse en el diario «La Nación» (y en Argentina en general) y que tenemos que sustituir por sus homólogos argentinos.

Una de las quejas que recibimos de parte de nuestro subeditor en Argentina tenía que ver con el siguiente titular: «**Cómo ir de Moscú a Salejard sin un duro en el bolsillo**». Nos pidió que lo cambiáramos ya que en Argentina el lector no captaría la gracia de este titular y pensaría que nos referíamos a cinco pesetas.

En el diario «La Nación» abundan anglicismos. En vez de poner **gerente** o **encargado**, escribimos **manager**, en vez de **portátil** (de España) ponemos **laptop**.

Además, en «La Nación» suelen abusar de los artículos, por ejemplo, siempre escriben **LA ARGENTINA**, cosa a la que no estamos acostumbrados y a la que tenemos que prestar más atención para que nuestras publicaciones correspondan con el Libro de Estilo de «La Nación».

Hay otras diferencias de estilo que tienen que ver con la forma de escribir los nombres propios, los nombres de personajes históricos, las palabras compuestas. Se diferencia la forma de abreviar los nombres de algunos países, la forma de poner comillas, cursiva, mayúsculas y minúsculas.

Podemos mencionar algunos ejemplos:

En «La Nación» escriben **América latina con la «l»** en minúscula.

En «El Observador» escriben en minúscula «la segunda guerra mundial».

Se diferencia también la forma de escribir los nombres geográficos:

Si en «El País» de España escriben Oriente Próximo, en Argentina y Uruguay ponen Medio Oriente.

Los acentos son un problema aparte:

Cuando publicamos una entrevista con una bailarina rusa de tango que ha triunfado en Buenos Aires, pusimos el siguiente titular: «Báilate un tango, Inga». Pero el subeditor de Argentina nos sugirió que lo cambiáramos. Lo explicó así: «Por favor, el título de «Inga» es «bailate», sin acento, a la argentina. Es así como se debe decir y no «báilate». Es el título de un famoso tango: «Bailate un tango, Ricardo», que alude a la fama de bailarín que tenía Ricardo Güiraldes, un famoso escritor argentino».

En resumen, es un trabajo que exige un aprendizaje constante y llena nuestra vida profesional de nuevos retos a diario.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИСПАНИИ: РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Уважаемые коллеги, друзья испанского языка!

Прежде всего, хочу выразить свое глубокое удовлетворение тем фактом, что мы сегодня обсуждаем роль испанского языка в сфере международных экономических и политических отношений представительным интернациональным коллективом. Это очень верно.

Как в свое время заметил известный кубинский писатель и журналист (кстати сказать, лауреат премии Сервантеса) Гильермо Кабрера Инфанте, *El español es demasiado importante para dejarlo en manos de los españoles*.

И еще одно предварительное наблюдение. Конечно, после триумфа испанского футбола в мае 2014 г., когда в финале Лиги европейских чемпионов встретились два мадридских клуба – Реал и Атлетико, нужно было бы подробно поговорить о футболе как эффективном инструменте «мягкой силы» и мощном факторе роста интереса к Испании. В самом деле, болея за испанские футбольные клубы, миллионы болельщиков по всему земному шару волей-неволей приобщаются к испанскому миру и испанскому языку, именно через любовь к футболу.

Но у нас запланирована другая тема, не такая захватывающе интересная, но тоже крайне актуальная. Говоря о таком важном направлении международной деятельности испанского государства, как *экономическая дипломатия*, в которой роль «мягкой силы» трудно переоценить, нужно иметь в виду следующее. Исторически Испания формировалась как государство, глубоко втянутое в систему международных торгово-экономических и финансовых отношений. По словам известного историка Генри Кеймена, «испанская Империя была интернациональным предприятием, в котором участвовали многие народы, и первым эффективным примером «глобальной» экономики».

Данное обстоятельство безусловно наложило свой отпечаток на внешнюю политику и в целом на международную деятельность всех испанских правительств, особенно в период развития в условиях демократии, т.е. в последние уже почти четыре десятилетия.

Качественный сдвиг внешнеполитических приоритетов в пользу экономических вопросов имел место в 90-х годах прошлого века, когда, с одной стороны, завершилась «холодная война» и ощутимо снизился удельный вес военно-политического фактора в международных отношениях, а с другой – имела место либерализация международных финансовых и товарных рынков, произошли рыночные преобразования в постсоциалистических странах и государствах Латинской Америки.

Все это существенно подняло значимость экономической составляющей мировой политики и открыло дополнительные возможности для расширения глобальной экспансии транснациональных корпораций, включая ведущие испанские корпорации и банки, многие из которых именно в тот период прочно встали на ноги.

В начале текущего столетия около 40 тыс. испанских компаний занимались экспортными поставками на регулярной основе, а порядка 55 тыс. – являлись импортерами. Это – значительная экономическая сила, оказывающая воздействие на формирование внешнеполитического курса Мадрида.

Важно также отметить, что усиление позиций частных компаний и банков обусловило резкое увеличение объемов вывоза испанского капитала.

Так, если в период 1985–1995 гг. среднегодовой размер прямых зарубежных инвестиций испанских предприятий составлял порядка 2 млрд долл., то в 2000 г. он возрос до 58 млрд долл. (почти в 30 раз больше), а в 2007 предкризисном году достиг своего исторического максимума – 96 млрд долл., что превысило 10% общего объема капиталовложений всех стран – членов Европейского союза.

И вот здесь свое веское слово сказал испанский язык. В 90-е годы главные потоки испанских инвестиций были направлены в страны Латинской Америки, которые переживали период неолиберальных реформ и широко открыли двери иностранным капиталовложениям. На латиноамериканский регион пришлось свыше 60% прямых испанских инвестиций, тогда как на долю государств Евросоюза – менее 23%, а США и Канады – 9%.

По оценке Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, в период 1992–2000 гг. прямые капиталовложения испанских корпораций в регионе превысили 71 млрд долл., что составило порядка 50% общего объема инвестиций в этот район мира всех государств – членов Евросоюза.

В ряде стран, прежде всего в Аргентине, испанский капитал принял активное участие в приватизации предприятий государственного сектора и занял очень сильные позиции в сфере финансов, коммунальных услуг и телекоммуникаций. Неслучайно государственный секретарь США Уоррен Кристофер назвал компанию «Telefónica» (гиганта телекоммуникационного сектора) «главным инструментом внешней политики Испании в Латинской Америке».

Однако не все развивалось гладко. На рубеже веков неолиберальная модель в латиноамериканских странах дала трещину. Экономические трудности снизили интерес испанского бизнеса к региону. В результате в 2001–2006 гг. доля государств Латинской Америки в общем объеме испанских зарубежных инвестиций снизилась до 16%, а удельный вес стран – членов Евросоюза достиг 67%. По словам известного эксперта Хавьера Нойи, в эти годы испанские корпорации осуществили «массовую высадку» на рынках Европы, США и Китая.

Очередной всплеск интереса испанского бизнеса к Латинской Америке не заставил себя ждать и был связан с глобальным финансовым кризисом 2008–2009 годов.

Наш Центр иберийских исследований Института Латинской Америки РАН в многочисленных публикациях всесто-

ронне рассмотрел воздействие кризиса на экономику Испании. Думаю, что присутствующие хорошо знакомы с этими работами, и с книгами, и с публикациями на страницах журнала «Латинская Америка». Ну а те из коллег, кто еще наших трудов не прочитал, могут восполнить данный пробел в будущем. Как говорят, отложенное удовольствие – не потерянное удовольствие.

Не повторяя основных выводов, к которым мы пришли, исследуя различные аспекты кризиса в Испании, замечу только, что в кризисные годы для испанских компаний резко увеличилась привлекательность внешних рынков.

Это и понятно: кризис привел к сокращению внутреннего спроса и испанские предприятия, чтобы поддерживать производство, буквально бросились на поиски бизнеса за рубежом. И в этих условиях *экономическая дипломатия* (по значимости решаемых ею задач) выдвинулась в качестве одного из главных инструментов внешней политики Испании начала XXI века.

И вновь на первый план выдвинулась Латинская Америка – регион, где большинство жителей говорят на испанском языке или хорошо его понимают. Испанский товарный экспорт в страны Латинской Америки в 2009–2013 гг. увеличивался опережающими темпами и вырос практически в два раза: с 7,6 млрд евро до 15 млрд евро, тогда как общий вывоз товаров возрос на 46%, т.е. меньше чем наполовину. Отдельные факты, скажу прямо, впечатляют. Например, экспорт испанских автомобилей в Чили в указанный период увеличился почти в 10 раз.

Но главное – не торговля, хотя и она очень важна. Ключевую роль в посткризисном восстановлении экономики Испании играет расширение инвестиционной и производственной деятельности испанских компаний за рубежом. И в этом отношении Латинская Америка занимает без преувеличения выдающееся место.

Вот некоторые весьма показательные примеры. Практически все крупнейшие испанские строительные компании (Sacyr, OHL, ACS, Ferrovial, FCC, Acciona) за годы кризиса перенесли центр тяжести своей производственной деятельности за рубеж.

Если в 2007 г. зарубежные операции обеспечивали 30% их совокупного портфеля заказов, то в 2013 г. этот показатель поднялся до 84%. В конце марта 2014 г. компании ACS и FCC выиграли крупнейший международный тендер в Перу, обойдя своего конкурента – консорциум, возглавляемый бразильским строительным гигантом концерном Odebrecht. Речь идет о контракте стоимостью 3,9 млрд евро на строительство и последующую эксплуатацию в течение 30 лет второй линии метро в Лиме.

Феноменального международного успеха добилась группа Inditex, ставшая одним из главных мировых дистрибьюторов модной одежды и аксессуаров в восьми коммерческих форматах, включая суперпопулярную марку Zara. Первый латиноамериканский магазин компания Inditex открыла в Мексике в 1992 году. В настоящее время в 16 странах Латинской Америки работают 470 торговых точек этой группы.

Другими словами: в годы кризиса в самой Испании возможности для бизнеса резко сократились, и испанские компании теперь активно осваивают новые емкие рынки в странах Латинской Америки.

Как говорил великий Мигель де Сервантес, “Cuando una puerta se cierra, otra se abre”. *¿Y quien soy yo para replicar a gran Cervantes?*

Спасибо.

**EL AUMENTO DEL SIGNIFICADO DE IDIOMA
COMO NUEVO FACTOR DE LAS RELACIONES
INTERNACIONALES EN EL SIGLO XXI**

Algunas reflexiones introductorias

Una de las hipótesis de este escrito se centra en la constatación que el mundo del siglo XXI ha experimentado y sigue experimentando grandes cambios y que precisamente esta dinámica influye de manera directa e imprevista en el desarrollo de las relaciones internacionales como disciplina científica. El tema del poder en las relaciones internacionales, así como los cambios en el funcionamiento de los centros hegemónicos, la emergencia de nuevas hegemonías político-económicas obligó a buscar respuestas al impacto, el potencial y proyecciones de estas nuevas hegemonías exigiendo cambios significativos en la metodología de estudio y análisis de ellos.

Dicho de otra manera, nuestro mundo actual se caracteriza por las permanentes transformaciones del sistema internacional instaurado a posteriori de la bipolaridad que no sólo que afectan las estructuras del sistema internacional, sino que también introducen cambios y modificaciones importantes en las dinámicas, funcionamiento y actores que forman parte del mismo sistema y del fenómeno denominado - la globalización. Todos estos cambios están ocurriendo en tres niveles y casi de forma paralela por lo cual requieren de estudios cuidadosos y de carácter interdisciplinario. En cuanto a los actores internacionales se evidencia que aparte del impacto tradicional de los actores individuales (Estado), aquellos nuevos – aparecidos progresivamente dentro del sistema actual de relaciones internacionales – están cobrando cada día mayor importancia. Nos referimos principalmente a los actores no estatales como lo es toda una serie de organizaciones no gubernamentales que lograron una notable presencia e impacto en las relaciones internacionales, los organismos especializados, las fundaciones privadas, universidades, institutos especializados en investigación

científica, los *think thank*, etc. Al identificar estos nuevos actores internacionales apareció también el tema de nuevos instrumentos que ellos están empleando dentro del sistema de relaciones internacionales. Acorde a este enfoque el idioma se convierte en uno de los instrumentos muy importantes de influencia sobre la comunidad internacional – resultando que hoy es imprescindible evaluar seriamente su rol y los alcances de la expansión cultural pero también económico-comercial, política y de seguridad.

Para abordar estos temas, ha sido necesario partir de la hipótesis principal que define el sistema internacional como multipolar, ya que el tema de poder, su naturaleza, fuentes, potencial, distribución, proyecciones y efectos que ejerce sobre la comunidad internacional, acontecen dentro de una estructuración sistémica diferente y cambiante¹. Paralelamente, es cierto que el proceso de estructuración sistémica en la actualidad parece ser un proceso problemático teniendo en consideración su multidimensionalidad y el hecho de que sus efectos se reflejan tanto a escala global como regional. Esta particularidad, hay que estudiarla como resultado directo de la interdependencia compleja y de sus secuelas puesto que genera un espacio nuevo para la aparición de centros de poder no-tradicionales. Estos centros se asientan sobre la propia capacidad y el potencial de fundar y desarrollar nuevas estructuras-alianzas regionales e internacionales acorde a su proyección nacional e internacional y basándose en la programación de estrategias que asegurarán las influencias de distinta índole².

Así, aparte de formación de nuevos actores internacionales emergentes y sus transformaciones en varios centros nuevos de poder hegemónico de alcance diferenciado: regional, interregional y global – tenemos un proceso colateral de formación y aparición de toda una serie de transformaciones geoeconómicas y políticas. Estos cambios tan importantes de tipo estructural se suceden a partir de los avances tecnológicos, la transnacionalización de la economía, las transformaciones sociopolíticas, ideológicas y culturales, así como de las diversas dinámicas de la globalización que engloban y combinan estos procesos. De hecho, podemos decir que el sistema internacional se diferenció en múltiples espacios geoeconómicos que

compiten entre ellos proyectándose por vez primera la situación en la que la integración, el avance económico-financiero, los procesos de modernización y de emergencia a escala global ya no pertenecen exclusivamente a la geoeconomía del Occidente, altamente industrializado³.

Acorde con estos parámetros analíticos, ocupa un lugar especial en el análisis del nuevo contexto internacional la formación y operacionalización de diversos sistemas y formas de cooperación e integración, pero también se perfilan últimamente varios esfuerzos por volver a instalar un nuevo sistema de confrontación multipolar para equilibrar las divisiones del poder global. En la práctica, eso significa que tenemos varios fenómenos que pueden recordarnos a la lógica y dinámicas de la *Guerra Fría* a pesar de que han cambiado tanto las condiciones como las características principales del funcionamiento del sistema internacional. Como resultado, se impone otra vez y casi de manera imprevista el tema de la condicionalidad de la paz y de la estabilidad del sistema internacional. En efecto, los factores provenientes del ámbito de la seguridad nacional, regional o global esta vez se imponen de forma diferente así que influyen o perjudican directamente en la formación de plataformas o estrategias de política exterior de cualquier actor internacional.

En breve, todos estos cambios nos llevan al último nivel de análisis que se debería centrar en el mismo proceso de toma de decisiones políticas sobre la resolución de las diferencias ideológicas, geoeconómicas y políticas manifestadas en la actualidad. Sin embargo, parece que ellas se están transformando actualmente y de manera acelerada en tensiones y conflictos internacionales, crisis y guerras regionales y no en los procesos de negociación entre las nuevas alianzas - grupos internacionales de alcance regional, interregional o global. Dentro de este marco analítico es necesario identificar y analizar el potencial y el alcance de los actores que formarán parte del escenario internacional en el futuro próximo⁴. En definitiva, todo esto apunta a que la seguridad como concepto también se está transformando de acuerdo a las nuevas realidades y nuevas divisiones de poderes. Se trata más bien

de un proceso de transformación conceptual perfilándose la seguridad como fenómeno internacional muy complejo a diferencia del anterior – característico para la época bipolar – basado en la seguridad tradicional proporcionada y asegurada por el poder militar de un país o de un grupo de países.

Por todo esto, el análisis de estos nuevos fenómenos internacionales requiere de toda una serie de nuevos elementos analíticos, tales como la capacidad económica y comercial, técnico-tecnológica, financiera, propagandística o, *a grosso modo*, la forma en que se posiciona un Estado en el escenario mundial globalizado y, en particular, en los mercados internacionales. En otras palabras, se nota que al agotarse la bipolaridad en las relaciones internacionales se produjo en Occidente una cierta dinámica conflictiva que se instauró en el ámbito económico-comercial y financiero. Sin embargo, a diferencia de la bipolaridad, en la actualidad, se entiende el Occidente como una comunidad internacional integrada por un conjunto de actores con diferentes objetivos en su política exterior, que defiende los principios democrático-liberales que ordenan sus respectivas sociedades y sus formas de gobierno y principios neoliberales que rigen sus economías capitalistas⁵. Además, ese tema se puede estudiar también a través de la inserción internacional como instrumento de las relaciones internacionales contemporáneas. El uso de un tal enfoque nos llevaría a la conclusión de que en el mundo actual ya no existe espacio para el aislamiento, la autarquía o los llamados sistemas cerrados y presuntamente autosuficientes. Consecuentemente, la globalización sería entonces definitivamente una realidad inconvertible que comporta riesgos y posibilidades, oportunidades y amenazas, desigualdad y exclusión, el fortalecimiento de la paz o los conflictos, el desarrollo o el subdesarrollo. Desde la perspectiva balcánica, podría decirse que se trata de una realidad nueva e impuesta que al mismo tiempo supone resolver diferentes desafíos con miras a aliviar las consecuencias negativas que se derivan de haber mantenido una postura contraria en cualquier de los segmentos indicados del fenómeno en consideración.⁶

España y su posicionamiento internacional

Las transformaciones que ocurrieron dentro del sistema internacional en los últimos 30 años influyeron muy positivamente sobre la imagen internacional del Reino de España y su posicionamiento internacional con proyecciones al nivel regional, interregional y global. Efectivamente, durante este período España ha logrado mejorar y fortalecer de forma paulatina y progresiva su posición política, económico-comercial y cultural en la comunidad internacional hasta ubicarse en un lugar notablemente destacado por lo cual se empezó a tratar en términos de “potencia mediana” o “potencia blanda”⁷.

Nos referimos a toda una serie de hechos que nos sirven de argumentación y análisis objetivos para formular esta constatación. En primer lugar, no hay que olvidar que España es una potencia histórica cuya presencia a escala global había sido durante varios siglos muy significativa. Consecuentemente, podemos decir que España es heredera de un legado histórico-civilizatorio mundialmente relevante que le permitió alcanzar en este período un nuevo despliegue internacional ubicando sus intereses y diversas modalidades de presencia en varias regiones del mundo. Sin entrar en el debate teórico sobre los requerimientos necesarios para que un país logre la categoría de una potencia mediana (territorio, población, potencial político, económico-comercial, de negociación, recursos naturales, científico-tecnológicos, propagandísticos y culturales) cabe señalar que el mismo proceso tan acelerado de su desarrollo democrático y económico le permitió a España definir y adoptar una estrategia de política exterior que es caracterizada para las potencias medianas⁸.

Con tal intención nos referimos al ingreso de España en la Comunidad Económica Europea (hoy en día la Unión Europea), OTAN, al lugar estratégico de América Latina en la política exterior de Madrid y la iniciación del sistema de cooperación iberoamericana, su política hacia el Mediterráneo y el Magreb, incluido el rol muy importante que España tuvo durante la crisis balcánica⁹. Finalmente, durante el periodo en mención España descubre y define sus relaciones con los nuevos y emergentes

interlocutores que aparecieron proyectándose globalmente: China, Rusia, Brasil, Corea del Sur, etc¹⁰. Acorde a estas aseveraciones derivan los lineamientos geoestratégicos principales de la política exterior española durante que demostraban la profunda transformación del rol, presencia e influencia de España en la comunidad internacional¹¹.

Resumiendo, queda claro que los cambios sistémicos que se dieron en el escenario internacional de los años 90 abrieron espacio promisorio para la intensificación y diversificación de los intereses españoles en diferentes regiones del mundo. Dentro de esta constatación, parece interesante anotar que España, por primera vez en su historia, incluso ha alcanzado en los Balcanes un protagonismo político y militar muy importante.

Para lograr esta nueva proyección internacional, Madrid ha adoptado una serie de medidas para redefinir los lineamientos básicos de estrategia para su política exterior basándola – entre otros elementos – en el surgimiento y actividades de varios actores y protagonistas nuevos. De forma paralela, se destinaron notables recursos para fortalecer su capacidad y actuación en diferentes regiones del mundo. En breve, se nota que este proceso ha sido de carácter transformativo e innovador por lo cual no suponía tan solo de adoptar una conceptualización estratégica nueva, sino también de ejecutar todo un proceso de reformas y cambios en la existente estructura administrativa a nivel central, autonómico y local. Dicho de otra manera, con la aparición de entidades autonómicas protagonizando en forma complementaria la política exterior española (paradiplomacia o actuación regional paralela), han cambiado los tipos y los alcances de actividad exterior anteriormente de claro predominio estatal (diplomacia clásica)¹².

Dentro de ese enfoque analítico aparecieron también los estudios de la imagen internacional de España, sus elementos, características, su progresivo fortalecimiento, diversificación y, como consecuencia natural, el aumento en importancia del español y de la cultura española. Se puede decir que Madrid logra establecer exitosamente todo un sistema de proyección global de la cultura y lengua española.

Uno de los elementos fundamentales de esta iniciativa ha sido la fundación del sistema de ayuda a la cooperación internacional que fue instalado por el gobierno de este país¹³. El sistema español de cooperación internacional al desarrollo culmina en América Latina donde España a partir de 1991 prioriza sus intereses políticos, económicos y culturales con el sistema de Cumbres Iberoamericanas¹⁴.

Esta nueva proyección internacional española – según nuestros análisis – culmina a principios del año 2000 cuando España aparece como inversor más importante de América Latina. En los estudios sobre ese tema se subraya que al salir de la recesión económica (1993) las inversiones directas de España en América Latina no dejaron de crecer durante el resto de la década de los años 90. Por ejemplo, para el año 1997 aparece el dato sobre el monto de las inversiones directas emitidas que supera al recibido por lo cual España se convierte en un exportador neto de capitales. En 1998, la inversión extranjera directa procedente de España a través de sus compañías presentes en América Latina superó por primera vez en la historia, a las inversiones norteamericanas – llegando al monto de 10.100 millones de dólares. El mismo fenómeno se repitió nuevamente en 1999 cuando las inversiones españolas registraron un récord con el monto de 20.500 millones de dólares siendo de esta manera España el inversionista más importante de América Latina¹⁵.

En resumen, podemos concluir que durante todo este período España fortalece su posición político-económica, financiera y cultural en varias regiones del mundo y, sobre todo, en Iberoamérica, Mediterráneo, el Magreb particularmente.

Los impactos de la cultura y el idioma español en las relaciones internacionales

Con el objetivo de responder a las hipótesis principales partimos de la premisa que el enfoque de aproximación y análisis de los impactos de la cultura y el idioma en las relaciones internacionales se basa en el hecho de que la historia del mundo ha cambiado profundamente y que por primera vez la historia se está transformando efectivamente en una historia universal, en la que los

procesos y fenómenos producidos por distintos pueblos del mundo, aunque a primera vista podrán resultar ajenos y alejados, se encuentran profundamente entrelazados. Debido a este fenómeno, parece inevitable reformar y flexibilizar los modelos con los que interpretamos el mundo, puesto que el contexto ha cambiado, lo cual nos obliga a buscar nuevas fórmulas, no solamente de análisis sino también de comunicación y cooperación en un sentido más amplio¹⁶.

Paralelamente, los cambios sistémicos han demostrado que es urgente renovar y adaptar el papel de la cultura en las relaciones internacionales. Sólo de esta manera no se llegaría a un escenario de confrontaciones culturales y religiosas que podría amenazar peligrosamente el futuro de la humanidad. Adicionalmente, ya es conocido que la cultura ha sido la gran olvidada de las relaciones internacionales (*especialmente en la época de la guerra fría*) y por tanto teníamos ejemplos de desarrollo disociado de su contexto humano y cultural produciendo un crecimiento sin alma. Por todo esto, la cultura que es la generadora de valores y promotora de ética debería ser la base de nuevas formas de desarrollo y de la cooperación e integración al nivel internacional. Esta aseveración apunta que la interacción, el compartimiento y entendimiento de valores culturales tan diversos en su abundancia, es el sustento que garantiza la cooperación en otros sectores: el diálogo político, la cooperación económica y social.

De acuerdo a estas observaciones, podemos decir que el idioma representa hoy en día uno de los instrumentos nuevos y muy importantes en el manejo de las relaciones internacionales. De hecho, un idioma aparte de su potencial cultural tiene otro económico-comercial, político y de promoción y así contribuye de manera complementaria a distintos tipos de posicionamiento internacional de un Estado y de su idioma oficial. A la lengua se puede también considerar como un mercado puesto que el mismo proceso de enseñanza puede ser actividad mercantil-lucrativa. Por otro lado, la podemos identificar como sustento de la creación de una industria cultural, entendida en términos de la comercialización de productos hechos en ella (el libro, la literatura, la ciencia, el cine, el teatro, etc.).

La experiencia de España y del español como idioma en proceso de progresiva internacionalización nos demuestra una habilidad estatal y correspondientes prácticas muy positivas. Por ejemplo, si se observa el fenómeno de la internacionalización de la empresa española durante el período en consideración, veremos que estas empresas se situaron justamente en Iberoamérica puesto que se trata de la región donde España ha tenido y sigue teniendo la mayor cercanía y afinidad cultural y lingüística. No cabe ninguna duda que esta constelación histórico-cultural le permitió a España posicionarse – con éxito – política, económica y financieramente en un mercado como lo es latinoamericano cuya dimensión y potencial le dieron a la comunidad lingüística hispanoparlante la posibilidad de proyectarse como un nuevo y poderoso factor económico.

Basta mencionar que tres países latinoamericanos son miembros del grupo G 20 (Argentina, Brasil y México) por lo que disponen de un marco jurídico oficial para influir directamente en la gobernanza global o sea la búsqueda de soluciones para el desarrollo económico del mundo, las crisis financieras, problemas energéticos y ecológicos, etc.

Por último, tenemos a Brasil, en calidad de la primera potencia emergente de origen latinoamericano que proyecta pretensiones e influencias extra-regionales. Se debe subrayar que Brasil como parte integrante del BRICS junto a China, Rusia, India y Sudáfrica o de la IBSA que es un Foro de Diálogo entre Brasil, India y Sudáfrica confirma a escala global grandes potencialidades de la región latinoamericana. Todo esto indica a un fenómeno nuevo que América Latina, por primera vez en su larga historia, tiene una potencia emergente con pretensiones globales y que esta tendencia apunta hacia la aparición de otras potencias emergentes latinoamericanas¹⁷.

En resumen, parece posible justificar que durante este período España se ha convertido en uno de los interlocutores internacionales notablemente importantes puesto que supo consolidar su presencia e influencias políticas, económicas y culturales en Iberoamérica pero también en otras partes del mundo globalizado. Sin embargo, la vinculación histórica de España con América Latina destaca por su

dimensión geoestratégica en forma de alianza que tuvo notables impactos globales. Efectivamente, en este período los países latinoamericanos intentaban redefinir su posición internacional en condiciones de globalización, multilateralizando sus relaciones externas así que España resultó ser buen receptor de este tipo de iniciativas gracias a las descritas afinidades históricas, culturales y lingüísticas¹⁸. En suma, los impactos y las expectativas del sistema iberoamericano entendido en forma de una concertación política real y de gran potencial se hicieron tan grandes que los países como los Estados Unidos o Italia han mostrado su interés en participar, incluso en calidad de observadores¹⁹.

Consideraciones finales

Hoy en día, predomina la opinión que el idioma inglés se ha convertido en una lengua internacional de mayor alcance y peso global y por tanto de gran impacto sobre las relaciones internacionales. Las causas de este fenómeno son varias y, entre otras, destaca en importancia el hecho de que atrás de este fenómeno está el mundo anglosajón altamente industrializado y potente económica y financieramente. También, es necesario subrayar que este grupo de países supo asegurar de forma paralela el poder informático que también ha alcanzado dominios globales.

¿Cuál es la posición actual del español en esta constelación internacional? Es bien sabido que el español lo hablan aproximadamente 450 millones de personas por lo cual se trata de la segunda lengua del mundo por número de habitantes nativos, inmediatamente después del chino. Paralelamente, el español es también el segundo idioma de comunicación internacional y el tercero más usado en Internet, según un informe divulgado por el Instituto Cervantes²⁰. En este informe se destaca también que el español es un idioma de acogida y de diálogo, un idioma mestizo desde que fue extendido hace cinco siglos al continente americano. En la llamada “sociedad global” que vive en constantes interacciones de diversa índole, incluidas aquellas de confrontación entre culturas, conceptos, ideologías y doctrinas dispersas en lugares tan alejados geográficamente, todo apunta que el español es una de las tres o

cuatro grandes lenguas que influyen canalizando las relaciones internacionales²¹.

Al analizar el rol del español al nivel internacional cabe destacar que la comunidad hispanohablante de los EEUU de unos 47 millones representa una notable fuerza así como Brasil, cuyo gobierno cree que, en una década, unos 30 millones de personas tendrán este idioma como segunda lengua. Según las estimaciones del Instituto Cervantes para el año 2050 el número de hablantes de español alcanzará más de 550 millones de personas en términos relativos²².

Finalizando, es necesario subrayar que el Instituto Cervantes ha tenido y sigue teniendo la mayor importancia para la proyección internacional del español. Fue fundado por el Gobierno de España en 1991 como un organismo público bajo el alto patrocinio de los Reyes de España. Institucionalmente depende del Ministerio de Asuntos Exteriores y de esta manera cumple una misión – objetivo muy importante: promoción de la lengua, la enseñanza de la lengua española y de las lenguas co-oficiales, difusión de la cultura española e hispanoamericana. En praxis, Madrid ha establecido muy exitosamente una estructura de promoción y fortalecimiento de la imagen española en 86 ciudades de 43 países en los 5 continentes. Con esta estructura de promoción España logró promover paralelamente sus intereses políticos, económicos y comerciales.

* * *

¹ Sanauja José Antonio. *El poder en las relaciones internacionales*, Tema 3, Master Inter universitario en la diplomacia y relaciones internacionales, Escuela Diplomática, Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, Madrid.

² Marta M. Pérez Gómez, *La nueva hegemonía y sus focos de resistencia*, Universidad de la Habana, Departamento de Filosofía y Teoría Política, Cuba, 2006 // <http://www.nodo50.org/cubasi gloXXI/congreso06/conf3p gomez.pdf>

³ Slobodan S. Pajovic, *¿El inicio del siglo XXI: América Latina o Sudamérica? La conformación de una nueva geoeconomía sudamericana*, en: Katarzyna Krzwicka (Coordinadora y Editora), Bicentenario de la

Independencia de América Latina, Ed. Estudios Iberoamericanos de la UMCS – Editorial de la Universidad Maria Curie-Sklodowska, Lublin, Polonia, 2012. P. 379-397.

⁴ Slobodan S. Pajovic *América Latina y las Hegemonías Externas*, en: María de Monserrat Llairó (Compiladora): *América Latina-Realidades y Controversias a Comienzos del Siglo XXI: Diversos análisis sobre problemáticas socioeconómicas y políticas que atañen a la región*, Ed. CEINLADI, Facultad de Ciencias Económicas de la Universidad de Buenos Aires, Buenos Aires, 2014. P. 9-27.

⁵ Pascal Lorot. *Introduction à la Geoeconomie*, Paris, Edit. Économique, 2000. El texto está accesible en la versión electrónica // http://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_01/avila/p02.htm

⁶ Slobodan. S. Pajović. *Particularidades de la inserción internacional de América Latina – Un contrapunto con los Balcanes*, Nueva Sociedad, No. 214, marzo-abril de 2008. P. 95-103.

⁷ Existen varios trabajos sobre ese tema. Se recomienda: Jordi Palou, *El concepto de potencia media. Los casos de España y México*, Revista CIDOB d'Afers Internacionals, No. 26. P. 7-35.

⁸ Sobre ese tema se recomienda consultar: Juan Tovar. *España como una potencia media con presencia global*, Ed. Real instituto Elcano, Madrid, 13.2.2014. Estudio accesible// http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/politicaexteriorespanola/eee3-2014-tovar-espana-como-potencia-media-con-presencia-global#.VPcuy3zF8pE

⁹ Joaquín Pérez Gómez. *El papel de España en el proceso de paz en la ex -Yugoslavia*, en: José Girón y Slobodan Pajovic (Editores), *Los nuevos Estados de la antigua Yugoslavia*, Ed. Universidad de Oviedo, Oviedo, 1999. P. 293-314.

¹⁰ Chang Dong-Chunl. *Las relaciones entre Corea y España: presente y futuro*, en: Alfonso Ojeda, Álvaro Hidalgo y Ernesto de Laurentis (Coords.), *El ámbito exterior de las relaciones coreanas*, Ed. Verbum, 2005. P. 15-21.

¹¹ a) integración europea; b) ser miembro de la OTAN; c) reforzar la influencia internacional a través de su posicionamiento en distintas regiones del mundo: Mediterráneo, los Balcanes, el Margeb, África subsahariana, Asia-Pacífico, y América Latina como prioridad.

¹² César Colino. *La acción internacional de las comunidades autónomas y su participación en la política exterior española*, Fundación Alternativas,

Documento de Trabajo, No. 10, 2007. Accesible en el Internet: www.falternativas.org/.../5af0_26-09-07_OPEX1.

¹³ La política española de cooperación internacional para el desarrollo empieza a funcionar en 1988 cuando se a través de la Secretaría de Estado de Cooperación Internacional y para Iberoamérica (SECIPI) funda la Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo (AECID). Esta institución es órgano de gestión de la política española de cooperación internacional para el desarrollo que tiene como objetivo principal expresar la solidaridad de España con los países en desarrollo. La AECID está presente en 33 países y de esta manera intenta contribuir a la erradicación de la pobreza y el hambre en el mundo y ayudar a solución de puntos de crisis, conflictos y así contribuir activamente a la construcción de la paz.

Es interesante que para llevar a cabo sus proyectos y actividades, la AECID ha establecido una amplia estructura exterior, formada por Oficinas Técnicas de Cooperación (OTC), Centros Culturales (CC) y Centros de Formación (CF), situados en los países donde se llevan a cabo estas actividades. Para una mayor información sobre ese tema se recomienda consultar la página web oficial de AECID: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Coo-peracionAlDesarrollo/Paginas/Planificaci%C3%B3n.aspx>

¹⁴ Sobre el balance de una década de la Cooperación Iberoamericana se recomienda leer: Tomás Mallo, Laura Ruiz Jiménez (Coordinadores), *El Sistema de Cumbres Iberoamericanas – Balance de una década y estrategias de consolidación*, Ed. AIETI, Instituto Universitario Ortega y Gasset y Cooperación Española, Madrid, 2002.

¹⁵ Ramón Casilda Béjar. La década dorada de 1990 – 2000 – Inversiones directas españolas en América Latina, Cátedra del Grupo Santander, Dirección Internacional de Empresas, Universidad Antonio Nebrija, España [//http://www.eumed.net/ce/rcb-inv.htm](http://www.eumed.net/ce/rcb-inv.htm)

¹⁶ Slobodan. S. Pajovic. *Particularidades de la inserción internacional de América Latina – Un contrapunto con los Balcanes*, Nueva Sociedad, No. 214, marzo-abril de 2008.

¹⁷ Esto se refiere principalmente a México y su potencial económico y político que junto con sus recursos humanos y naturales evidentemente está en la tendencia de crecimiento lo que proyecta una posición redefinida en el ámbito regional latinoamericano pero también internacional. A todo esto hay que añadir que México es miembro de la NAFTA, uno de los fundadores y líderes de la CELAC y participa activa y conjuntamente con Colombia y Perú en la Alianza para el Pacífico. No menos importante parece el dato que

México es el segundo país con el mayor número de Tratados de Libre Comercio en el mundo. La red de Tratados de Libre Comercio de México con 43 países, en tres continentes, representa una oportunidad única para el comercio exterior y para la inversión, ya que abre posibilidad de acceso a un mercado potencial de más de mil millones de consumidores, que representa dos terceras partes de las importaciones mundiales y 75 por ciento del PIB mundial.

¹⁸ Iberoamérica ha sido siempre una prioridad para la política exterior de España. Esta afinidad se argumenta en la existencia histórica de los lazos humanos, sociales, culturales, políticos, económicos y lingüísticos. Por todo esto, Iberoamérica es una constante en la política exterior de todos los Gobiernos de España. Además de lograr unas relaciones equilibradas con todos los países que conforman Iberoamérica. España es un socio-puente clave en las relaciones entre Europa y los países de esa región. Más detalles sobre la política iberoamericana de España se pueden consultar en // <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/Iberoamerica/Paginas/EspEnIberoamerica.aspx>

¹⁹ Laura Ruis Himenes, *Iberoamericka zajednica drzava – neiskoriscene mogucnosti saradnje*, Megatrend revija, No.1, Belgrado, 2004.

²⁰ *El español ya es el segundo idioma más hablado del mundo*, La Vanguardia, Sección de Cultura, Barcelona, 5 de marzo 2015.

²¹ El español, hablado por 450 millones, el segundo idioma para la comunicación, Agencia EFE, 21/06/2010.

²² *Ibidem*.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ УКРЕПЛЕНИЮ ПОЗИЦИЙ
ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ**

Открытость политики любого государства мировому сообществу стимулирует процессы интеграции и интернационализации разных сфер человеческой деятельности.

В изменившихся условиях человек в своей повседневной, в том числе профессиональной, жизни все чаще «сталкивается» с иностранными языками. Более того, интеграционные общественные процессы меняют не только статус иностранных языков в обществе, но и выполняемые ими в этом обществе функции. Приоритетами становятся установление взаимопонимания между народами и обеспечение доступа к многообразию мировой политики и культуры.

Знание иностранных языков приобретает особую актуальность и становится в современном обществе необходимой частью личной и профессиональной жизни человека. Все это в целом вызывает потребность в большом количестве граждан, практически владеющих одним или несколькими иностранными языками и получающих в связи с этим реальные шансы занять в обществе более престижное как в социальном, так и материальном отношениях положение. Отсюда ясно, что социальный заказ общества по отношению к иностранным языкам в связи с наличием реального выхода на иную культуру и ее представителей выражается не просто в практическом знании языков, но и в умении использовать эти языки в реальной коммуникации.

Остановимся более подробно на экономическом и политическом факторах, способствующих укреплению позиций иностранных языков (в нашем случае – испанского) в мире.

Экономический аспект

В данной исследовательской работе мы рассматриваем, несет ли распространение и укрепление испанского языка исключительно культурную ценность или имеет также экономическую составляющую. Для этого нам представляется релевантным оценить возможный размер рынка языковых образовательных услуг, выделить долю рынка испанского языка на данный момент и спрогнозировать рост этой доли, применяя экономические мультипликаторы.

Исследовательские отчеты испанской компании «Fundación Telefónica» подробным образом раскрывают экономическую составляющую распространения и укрепления испанского языка в мире.

Экономическая ценность испанского языка и его национальных вариантов экспонентно увеличивается с повышением его статуса и расширением ареала распространения.

Упомянем наиболее значительные сферы экономических отношений, на которые влияет распространение испанского языка:

- образование;
- заработная плата и ее изменение в зависимости от количества и состава языков, которыми владеет работник;
- политика и международные отношения;
- литература и пресса;
- музыкальная индустрия, кинематограф и др.

Согласно отчету «Enciclopedia del español en el mundo», подготовленному Институтом Сервантеса, и исследованиям международной организации «International Consultants for Education and Fairs» (ICEF), в мире существуют как минимум 18 млн человек, изучающих испанский язык (при этом более 6 млн приходится на США)¹.

Таким образом, если мы примем за исходные данные 18 млн человек по всему миру, которые на данный момент изучают испанский язык как иностранный, и умножим это число на среднюю выручку с человека, показанную в отчете «Fundación

Telefónica», то получим потенциальный размер рынка в 48,6 млрд долл. уже на сегодня.

По оценкам экономистов, общий размер рынка изучения иностранных языков в 2011 г. составил 58,2 млрд долл. США. Размер рынка услуг по обучению иностранным языкам вместе с услугами по локализации, переводу текстов и документов достиг 82,6 млрд долл. Кроме того, необходимо отметить, что, согласно отчетам международной исследовательской компании «Ambient Insight»², себестоимость данных услуг значительно сокращается благодаря введению в образовательную практику новых способов обучения: online-курсы, online-материалы, тесты, возможность обучения через мобильные приложения и т.д.

Статистические данные 2012 г., предоставленные американской консалтинговой компанией «GSV Advisors» в отчете «Education Sector Factbook 2012» (Факты сектора образования в 2012 г.)³, показывают, что в 2012 г. рынок обучения иностранным языкам составил 115 млрд долл. Рынок в глобальном масштабе, согласно ее прогнозам, будет расти на 20% в год и достигнет 286 млрд долл. к 2017 году. То есть, это новая возможность в размере примерно 170 млрд долл., которая появится в течение ближайших пяти лет (см. табл. 1).

Теперь определим долю испанского языка на данном рынке (согласно различным отчетам за последние 5 лет, она колеблется от 6 до 30%) и потенциал ее роста.

На основании данных из исследовательских отчетов мы видим, что к 2017 г. рынок услуг по обучению испанскому языку может достигнуть 85,8 млрд долларов.

Относительно заработной платы. Знание испанского языка помогает значительному ее увеличению как в Европе, так и в США, где уровень зарплаты при хорошем владении английским и испанским языками возрастает почти на 30%. Как говорят сами американцы, «у нас в стране нечего делать без знания испанского языка». В Москве, кстати, происходит то же самое. Мы отслеживаем судьбы своих выпускников и можем с уверенностью утверждать, что со знанием английского и ис-

панского языков нет никакой сложности устроиться на высокооплачиваемую работу.

Таблица 1

Рынок (млрд долл.)	2012	2015	GAGR*	2017
Мировой рынок обучения иностранным языкам	115,00	198,70	20%	286,2
Мировой рынок обучения английскому языку	63,30	123,60	25%	193,2
В % от общего	55	62	-	68
Мировой рынок обучения испанскому языку	48	59,61	-	85,86
В % от общего	42	30	-	30

*GAGR – совокупный среднегодовой темп роста.

Небезынтересны данные о доходах американских семей мексиканского происхождения (чиканос), составляющих самую большую общину испаноговорящего населения на юго-западе США, которые, как правило, владеют испанским и английским языками.

Чиканос к началу 90-х годов XX столетия продолжали отставать от других групп по уровню доходов: так, американские семьи мексиканского происхождения имели средний доход в 11700 долл. в год по сравнению с доходом в 16300 долл. в год для тех семей иммигрантов – граждан США, где не было испанских корней. Однако в настоящее время ситуация меняется: уже в 2005 г. у 16% чиканос среднегодовой доход составлял 25000 – 34999 долл.; 11% из них зарабатывали в год от 35000 до 54999 долл., а 8% – свыше 45000 долларов. При этом 21% американцев мексиканского происхождения получали менее 15000 долл. в год. Подчеркнем, что в том же году в целом по США среднегодовой доход равнялся 35000 долларам⁴. Таким обра-

зом, в среднем по США за последние годы значительно увеличился процент чиканос – представителей среднего класса.

Американские социолингвисты Джойс Пенфилд и Джейкоб Орнштайн-Галиция выделяют четыре основных группы чиканос относительно их социальной структуры;

- относительно высокие слои общества;
- средний класс;
- низшие слои населения;
- новоприбывшие иммигранты⁵.

Многочисленные семьи, принадлежащие к состоятельным слоям общества, отправляют своих детей на обучение в Мексику, где они имеют возможность изучить мексиканский испанский и усвоить мексиканскую культуру. Затем, как правило, они продолжают свое обучение в частных школах и колледжах Америки, где изучают американский английский и англо-американскую культуру в англоязычном окружении.

Представители состоятельных слоев общества являются высокообразованными и начитанными людьми. В зависимости от «личностного» (personal) отношения самого говорящего к языку и его культурной ориентации они могут быть как англоязычными монолингвами, так и двуязычными, одинаково хорошо владеющими «стандартными» нормами английского и испанского языков. Их семьи проживают в соседстве с англо-американскими семьями, где доминирует американский вариант английского языка.

Средний класс чиканос характеризуется большим социальным разнообразием.

Представители данного класса (в возрасте от 40 лет и старше) могут иметь среднее и высшее образование даже в том случае, если их родители не имеют такового. Средний класс в основном состоит из образованных людей, служащих, стремящихся жить в англо-американских районах.

Тем не менее многие представители среднего класса бережно хранят связь со своим «испанским» прошлым. Их дети чаще других имеют дело с различными языковыми кодами и в речи прибегают к «переключению кода». По мнению Пенфилда

и Орнштайна-Галиция, представители среднего класса являются наиболее сложной в лингвистическом отношении «подгруппой» чиканос⁶.

Чиканос, принадлежащие к рабочему классу, – это преимущественно иммигранты II и III поколений, меняющие места проживания и переселяющиеся в поисках работы из одного городского района в другой. Они менее образованны, чем средние слои (зачастую их образование завершается средней школой). Как правило, чиканос-рабочие трудятся в сельском хозяйстве в качестве низкоквалифицированной рабочей силы или являются разнорабочими. Так как чаще всего чиканос, принадлежащие к рабочему классу, живут в районах, где проживают низшие слои населения Америки, то они находятся в тесном контакте с представителями многоязычного, многонационального и многорасового американского общества. Большинство из них являются билингвами, а также свободно переключаются с одного языкового кода на другой.

Новоприбывшие иммигранты наиболее ущемлены в социальных правах и наименее обеспечены материально. По причине того, что зачастую иммигранты нелегально проникают в страну, а также потому, что работа, на которую они могут быть наняты, – сезонная, они не имеют постоянного места жительства, перемещаются по территории юго-запада и не считаются частью «общины», в которой они работают. Новоприбывшие иммигранты – это в большинстве своем испаноязычные монолингвы. Их дети становятся двуязычными в процессе школьного обучения или в результате общения с англоговорящими сверстниками⁷.

Понятно, что вышеуказанные экономические факторы способствуют все более тесным языковым контактам испано- и англоязычного населения и возрастанию влияния английского языка на испанский.

С другой стороны, 55,2% чиканос Калифорнии по экономическим соображениям обосновались в радиусе 250 км от мексиканской границы. Особенно в этом плане выделяется штат Техас, где в небольших городках на границе с Мексикой

проживает 75,5% американцев мексиканского происхождения. Данные факты, как и постоянный приток мигрантов на территорию Мексики к приграничным с США населенным пунктам в поисках работы и заработка, приводят к постоянным языковым и культурным контактам между носителями испанского языка обеих стран и сохранению испанского языка на территории США.

Отдельно подчеркнем все возрастающую роль испанского языка на международной арене. Испания – член ООН и большинства других крупнейших международных организаций, принимающих важнейшие решения для Европы и всего мира.

В настоящий момент испанский язык является одним из наиболее распространенных языков в мире (приблизительно 500 млн говорящих, или около 8% от всего населения на планете). Ожидается, что к 2050 г. в США число носителей испанского языка возрастет до 100 млн человек (что составит 50% от общей численности населения в стране).

Приведем некоторые статистические данные относительно распределения выходцев из Латинской Америки по различным штатам США.

Согласно данным Национального статистического Бюро США, на 1 апреля 2010 г. на территории США проживало 308,7 млн человек, для 50,5 млн (или 16%) из которых испанский язык является родным. Для сравнения, в 2000 г. испаноязычное население США составляло 35,3 млн (13% от общей численности населения).

С 2000 по 2010 год испаноязычное население США увеличилось на 15,2 млн, что составляет более 50% от общего прироста численности населения США (27,3 млн человек). Доля граждан США, для которых испанский язык является родным, выросла на 43%, что в четыре раза превышает общий темп роста численности населения (10%).

Количество мексиканцев увеличилось на 54% за 10 лет, показав рост с 20,6 млн человек в 2000 г. до 31,8 млн в 2010 году. Мексиканцы составляют примерно три четверти от общего прироста латиноамериканского населения с 2000 по

2010 год (15,2 млн человек). При этом количество пуэрториканцев выросло на 36% (увеличение с 3,4 млн до 4,6 млн), кубинцев – на 44% (с 1,2 млн в 2000 г. до 1,8 млн человек в 2010 г.), других латиноамериканцев – на 22% (с 10 млн до 12,3 млн).

Стоит отметить, что, по данным на 2010 г., 37,6 млн человек (75%), проживающих на территории США и говорящих на испанском языке, сосредоточены в восьми штатах. При этом в каждом из этих штатов находится не менее одного миллиона латиноамериканцев. Эти штаты: Калифорния, Техас, Флорида, Нью-Йорк, Иллинойс, Аризона, Нью-Джерси и Колорадо.

61% мексиканцев проживает в Калифорнии (11,4 млн) и Техасе (8 млн). 41% всех пуэрториканцев, проживающих на территории США, сосредоточен всего в двух штатах – Нью-Йорк (1,1 млн) и Флорида (848 тыс.). 68% всех кубинцев на территории США живет в штате Флорида (1,2 млн человек).

Интересно, что доминиканцы проживают главным образом в штате Нью-Йорк – 48% там жили в 2010 г. (675 тыс. человек), 32% гватемальцев проживают в Калифорнии (333 тыс.) и 48% сальвадорцев сосредоточено в Калифорнии (574 тыс.) и Техасе (233 тыс.). Кроме того, выходцы из других стран проживают на территории Калифорнии (17%), Флориды (15%), Техаса (13%), Нью-Йорка (11%) и Нью-Джерси (6%). Согласно статистике 2010 г., только в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе живет более четырех миллионов латиноамериканцев.

При этом подчеркнем, что в штате Нью-Мексико, где испаноязычное население составляет 39% (в Калифорнии – 28%, Техасе – 27%, Аризоне – 24% и в Колорадо – 18%), испанский язык, согласно положениям Конституции указанного штата (которая действует по сей день), является наряду с английским официальным языком. В штате требуют, чтобы учителя всех государственных школ говорили как по-английски, так и по-испански и чтобы все поправки к Конституции были опубликованы на обоих языках. И в остальных четырех штатах юго-запада США сфера применения испанского языка значительно расширилась: увеличивается количество местных газет на ис-

панском, появляются новые радио- и телеканалы, вещающие по-испански, крупные фирмы помещают рекламу, предоставляют свои услуги на испанском языке (телефонные компании, юридические конторы, больницы, спортивные центры, магазины). Безусловно данный вопрос требует специальных многочисленных исследований.

* * *

¹ ICEF Opportunities Abound in Digital English Language Learning Market 2012 // <http://monitor.icef.com/2012/10/opportunities-abound-in-digital-english-language-learning-market/>

² Ambient Insight // <http://www.ambientinsight.com/Default.aspx> (дата обновления: 16.04.14)

³ GSV Advisors 2012 Education Sector Factbook. // <http://gsvadvisors.com/wordpress/wp-content/uploads/2012/04/GSV-EDU-Factbook-Apr-13-2012.pdf> (дата обращения: 16.04.14)

⁴ Данные по: Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2005. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 2006.

⁵ Penfield J., Ornstein-Galicia J.L. Chicano English: an ethnic contact dialect. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 8.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. P. 8-9.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ МИРОВИДЕНИЕ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мировидение, национально-культурное мировидение, картина мира, языковая картина мира – концепты, которые на протяжении последних двухсот лет занимают умы ученых и, прежде всего, философов и лингвистов.

Термин *мировидение* (нем. *Weltansicht*) в его лингвофилософском осмыслении ввели в научный обиход еще в начале XIX в. выдающиеся немецкие философы и языковеды Фридрих Шеллинг и Вильгельм фон Гумбольдт. Для них, как и для их последователей, неогумбольдтианцев, и прежде всего Лео Вайсгербера, особое мировидение и дух говорящего, духовное своеобразие народа и его психология существуют исключительно в неразрывной связи с идиоэтничностью родного языка, в котором заложено своеобразное видение мира.

Иными словами, различными способами восприятия и видения мира, различными картинами мира мы обладаем в зависимости от знания того или иного языка. «Каждый язык в его содержаниях, – утверждал В. фон Гумбольдт, – обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Язык не является просто средством общения, он – выражение духа и мировидения говорящего»¹.

Картина мира, согласно немецкой лингвофилософской традиции научного знания, представлена в родном языке и воспринимается его носителями как нечто естественное. Картина мира включает в себя определенную, «естественную» философию, систему ценностей, когнитивные модели, специфические закономерности поведения. Тип видения мира предполагает некоторую совокупность мыслительных схем, элементов ценностной ориентации, систему моделей действия и поведения². Картина мира выражается в языковых стереотипах коллектива и в мире его ассоциаций, где особую роль играют метафоры.

Картину мира невозможно понять, не обращаясь к языку: картина мира порождается сознанием, которое реализует ее, используя язык в качестве посредника. В этой связи можно, например, утверждать, что пространство испанского языка соотносимо с национальным характером носителей этого языка – испанцев и латиноамериканцев.

В современной когнитологии под «*картиной мира*» понимается целостный субъективный образ объективной реальности как результат духовной активности человека, возникающий у него в ходе его контактов с миром³. Картина мира имеет познавательную природу и моделируется в человеческом сознании посредством языка.

Именно через язык мы воспринимаем картину мира данного языкового коллектива. Язык, будучи концентрированным выражением картины мира данного сообщества, фиксирует миропонимание, связанное с культурой.

С одной стороны, видение мира закреплено в языке. С другой стороны, язык в известной степени сам «навязывает» языковому сообществу то или иное мировидение, активно участвуя в формировании нашего восприятия мира. Однако еще раз подчеркнем, что различные мировидения образуются не языками, а познанием. Разным языкам не соответствуют разные типы познавательных процессов. Формирование различных *языковых картин мира* обусловлено, прежде всего, сознанием в его познавательной деятельности и самой объективной действительностью.

Картина мира опосредует все акты человеческого мировосприятия, она лежит в основе социокультурной деятельности человека, позволяет осмысливать локальные ситуации в мире, совершающиеся в нем события. С каждой картиной мира связана определенная «логика» и способ мировидения, а также определяемые ими мыслительные привычки.

Иными словами, каждая национальная целостность – народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей⁴. Именно поэтому при переводе следует делать поправку на национально-культурную систему

понятий и ценностей, т.е. учитывать тот факт, что представители другого народа могут видеть и, как правило, видят мир несколько иначе, чем мы, носители родного языка и участники своего собственного «родного» культурного пространства.

Перед читателем, находящимся внутри своей культуры, вопрос о той или иной интерпретации конкретной проблемы, имеющей национально-культурные основания, не встает. Напротив, иностранец или человек другой исторической эпохи нуждается в специальных объяснениях⁵.

Концептуальная картина мира есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в языковой картине мира. Языки фиксируют и преломляют объективный мир, а не отражают его. Каждый язык закрепляет в своей языковой картине особенности мировидения своего народа, его концептуальной картины.

Владимир Набоков на вопрос, «как он себя чувствует при переходе с русского языка на английский и наоборот», ответил: «Я открываю новый мир и испытываю интеллектуальное счастье»⁶.

Любой перевод означает не только и не столько переход от одного языка к другому, сколько переход от одной культуры к другой культуре. Несмотря на известную метафоричность данного утверждения, оно адекватно фиксирует сущность процесса межъязыковой коммуникации, являясь важным постулатом современного переводоведения. Из этого положения следует, что переводчики должны по меньшей мере не только владеть двумя языками, но и оправдывать референтское предназначение своей профессиональной деятельности, а именно: быть разносторонними специалистами в вопросах культуры, истории, экономики страны (стран) иностранного языка, с которого (или на который) они переводят.

Подобная постановка вопроса приобретает особую важность в свете соблюдения традиций национально-культурного мировидения в экстралингвистическом аспекте переводческой деятельности. Воссоздание в тексте перевода национально-культурного фона текста оригинала при наличии существенных

расхождений национально-культурных координат у носителей исходного языка и у носителей переводящего языка предполагает такой выбор со стороны переводчиков, который позволил бы получателям переводных текстов понять характер и особенности бытия других народов. Обратимся к примерам.

Если в (1) денотативная отнесенность выражения *Casa de Nariño* восстанавливается из внутрифразового контекста (*президентский дворец в столице Колумбии Боготе*), то в (2) процедура референтной идентификации словосочетания *el inquilino del Eliseo* прозрачна вследствие широкой известности местонахождения Елисейского дворца (*хозяин парижского Елисейского дворца, или Президент Франции*):

(1) *Después de 8 años de esfuerzo de Alvaro Uribe, ex dueño de la Casa de Nariño, para pacificar Colombia, se ha avanzado mucho, pero aún queda por hacer.* – После восьмилетних усилий бывшего Президента Колумбии Альваро Урибе по установлению мира в его стране удалось достичь многое, но остаются еще нерешенные проблемы.

(2) *El inquilino del Eliseo sale de la cumbre convertido en claro ganador, aunque lo que digan los medios alemanes, los mercados y las agencias de calificación ya será otro cantar.* – Президент Франции покидает встречу в верхах очевидным победителем, хотя, как утверждают немецкие средства информации, рынки и рейтинговые агентства – это тема для отдельного разговора.

Иная ситуация наблюдается в (3), где принятие переводчиком решения опосредовано объемом его фоновых знаний и необходимостью пресуппозитивного вывода при переводе на русский язык испанских выражений *el Corondolet* и *el discutido Presidente hondureño*:

(3) *En el Corondolet también se abordó el tema del discutido Presidente hondureño.* – В президентском дворце Корондолет, в столице Эквадора Кито, также был затронут вопрос о нелегитимности прихода к власти нового Президента Гондураса (речь идет о новом Президенте Гондураса, избранном на этот пост вскоре после государственного

переворота, в результате которого был свергнут законный Президент этой центральноамериканской страны). (Примечание переводчика).

Необходимость нейтрализации «фонового» дифференциала потребовала от переводчика этого предложения не ограничиваться вводом внутритекстового расширения (*в президентском дворце, в столице Эквадора Кито*). Переводчику пришлось сформулировать весьма обширный политологический комментарий в виде внетекстового примечания (*речь идет о новом Президенте Гондураса, избранном на этот пост вскоре после государственного переворота, в результате которого был свергнут законный Президент этой центральноамериканской страны*).

Таким образом, отличительную особенность текстового латиноамериканского медийного пространства мы усматриваем в повышенной плотности имплементации экстралингвистического компонента.

Из этого положения следуют три вывода. Во-первых, национально-культурное мировидение латиноамериканского сообщества вынуждает авторов информационно-публицистических текстов придавать несравненно более важное значение социокультурным коннотациям, импликациям и пресуппозициям.

Во-вторых, нетривиальное экстралингвистическое сопровождение испаноязычных медийных текстов базируется на оптимистических ожиданиях их авторов, рассчитывающих на благополучную расшифровку необычных номинаций ввиду относительно высокого уровня эрудиции получателей медийных текстов, для которых испанский язык является родным.

Наконец, в-третьих, экстралингвистическая «пропитанность» латиноамериканского политического дискурса фиксирует не только и не столько количественные показатели, сколько удивительную интеллектуальную изобретательность испаноязычных журналистов и писателей в поиске и в нахождении новых и все более оригинальных средств внеязыкового фона.

Воссоздание в переводе национально-культурного колорита оригинала при наличии существенных расхождений национально-культурных координат у носителей исходного языка и переводящего языка предполагает такой выбор решений со стороны переводчиков, которые позволили бы получателям переводных текстов понять характер и особенности бытия другого народа, оказаться в орбите его национально-культурного мировидения или хотя бы приблизиться к восприятию мировидения, свойственного членам лингвоэтнической общности, на языке которой был создан текст оригинала.

Важность учета в коммуникативной деятельности переводчиков социокультурных и национально-психологических параметров двуязычной коммуникации, потребность в создании для иноязычных получателей переводных текстов дифференциала культурологической идентичности обусловлены следующими причинами:

а) различиями общественно-исторических и национально-культурных традиций коллективов, принадлежащих к различным этносоциокультурным общностям, в которых функционируют тексты и осуществляются процессы их формирования и понимания;

б) наличием разнообразных внелингвистических лакун;

в) расхождениями этических, нравственно-моральных установок, национально обусловленных факторов ценностной ориентации, характерных для той или иной национальной общности, когда даже общие денотаты приобретают национально-культурную коннотацию;

г) спецификой норм речевого поведения, принятых в разноязычных сообществах.

Адекватность переводного текста, репрезентирующего в социуме и в культуре носителей переводящего языка фрагмент социокультурного «ландшафта», который изображен на исходном языке, невозможна без преодоления экстралингвистического барьера «чужой» (исходной) языковой общности и определенной адаптации к национально-культурным аспектам текстового бытия на переводящем языке.

Часто именно социокультурные, а не языковые расхождения вступающих в переводческие контакты разноязычных коллективов вызывают наибольшие трудности при переводе. Качество переводов поэтому в значительной степени зависит от уровня социокультурной компетентности переводчиков. Эта проблема приобретает дополнительное звучание в пространстве испанского языка, ареал географического распространения которого охватывает территорию Испании и большей части Латинской Америки.

Мера интенсивности воздействия культурологического детерминанта при его актуализации в процессе перевода определяется прогнозами, которые осуществляют переводчики относительно «фоновых» знаний получателей переводных текстов, а также условиями реализации конкретных актов перевода.

В переводных текстах способами преодоления социокультурного барьера, который часто возникает между людьми, принадлежащими к различным языковым коллективам, выступают специальные переводческие приемы, а именно: замены-переосмысления, опущения, но чаще всего текстовые добавления страноведческого, литературоведческого, политического и иного характера.

Текстовые добавления, которые преследуют цель обогатить «фоновые» знания получателей переводных текстов, привлечь их внимание к некоторым явлениям, чье подробное описание в оригинальных текстах не требуется ввиду их известности иноязычной аудитории, – отличительная черта именно публицистических переводов. Впрочем, и художественный текст бывает столь насыщен культурологическими наслоениями, что примечания переводчиков помещаются не только в сносках к тексту, но и в приложении к тексту перевода (например, в переводе с испанского языка на русский романа кубинского писателя Алехо Карпентьера «Превратности метода»).

Переводчики используют текстовые добавления, вводя в текст перевода небольшие вставки (от одного слова до двух-

трех слов) или размещая вне самого корпуса текста перевода – как правило, в примечании или в сноске – более или менее обширные по содержанию комментарии.

В качестве примера небольших по объему вставок могут служить добавления *президентский дворец* и *1980 года*, которые были введены в текст перевода на русском языке следующей испанской фразы:

(4) *La izquierda y el centro izquierda de Chile archivaron los dogmas y el revanchismo para no asustar al electorado, tranquilizar a los generales, instalarse en La Moneda, abatir el tutelaje militar de la Constitución y ganar las últimas municipales.* – *Левые и левоцентристы в Чили сдали в архив догмы и стремление взять реванш, чтобы не напугать избирателей, успокоить генералов, обосноваться в президентском дворце Ла-Монедра, положить конец ситуации, когда в соответствии с положениями Конституции 1980 года чилийское общество находилось под плотной опекой военных, и одержать победу на последних муниципальных выборах.*

Текстовое добавление «(в) президентском дворце» повысит «фоновую» осведомленность русских читателей, которые вряд ли знают о том, что *Ла-Монедра* является официальной резиденцией чилийских президентов. Добавление *1980 года* представляется важным с политической точки зрения, поскольку оно вводит наших читателей в непростую ситуацию, сложившуюся в этой южноамериканской стране в те годы, когда у власти находилось военное правительство генерала Аугусто Пиночета.

Более пространное добавление-уточнение «от переводчика» *положит конец ситуации, когда в соответствии с положениями Конституции 1980 года чилийское общество находилось под плотной опекой военных* (испанским текстовым соответствием этого добавления-уточнения является *abatir el tutelaje militar de la Constitución*), что свидетельствует о несомненной важности учета в переводе фактора дифференциала «фоновых» знаний у разноязычных получателей этого текста.

Незначительные по своему объему вкрапления в текст перевода повышают культурологическую осведомленность получателей переводных текстов (5, 6):

(5) *En su reciente entrevista al Mercurio*. – В своем недавнем интервью чилийской газете «Меркурио». (6) *El Fondo Monetario Internacional exige al Gobierno de Honduras la devaluación del lempira*. – Международный валютный фонд добивается от правительства Гондураса девальвации национальной денежной единицы лемпиря.

Порой комментирующие вставки в корпусе переводных текстов могут существенно превышать по своему объему сам объект комментирования. Масштаб подобных вставок определяется всякий раз переводчиками в зависимости от глубины их собственной эрудиции и «фоновых» знаний. Немаловажную роль играет также прогнозирование переводчиками объема энциклопедических знаний у получателей переводных текстов. Обширная комментирующая вставка в корпусе переводного текста содержится в (7):

(7) *Sendero Luminoso dejó de existir a finales de los 90*. – Подпольная вооруженная организация, которая действовала в Перу и использовала методы геноцида кампучийского диктатора Пол Пота, прекратила свое существование в конце 90-х годов.

Однако иногда даже значительных по объему вкраплений в самом тексте перевода оказывается недостаточно для нейтрализации существенного экстралингвистического дифференциала. В этих случаях необходимы примечания или комментарии, которые переводчики выносят за пределы корпуса переводных текстов.

Принимая решения на осуществление подобных иностранных примечаний и/или комментариев, переводчики исходят из предсказуемого ими альтернативного восприятия получателями переводных текстов проблемных фрагментов исходных текстов, а именно: (а) без аналогичных примечаний или комментариев или (б) с наличием таковых «вставок от переводчиков». Вследствие этого переводчики (преимуществен-

но письменные) возлагают на себя ответственность за адекватную интерпретацию всех компонентов коммуникативного задания авторов исходных текстов посредством, в частности, значительного удлинения переводного текста по сравнению с оригинальным текстом.

Так, появление в испанской газете *El País* имени *Хосе Марии Аснара*, к тому же в контексте географического объекта (*Азорские острова*), вряд ли способно – без соответствующего политического комментария переводчика – напомнить русским читателям о бывшем Председателе испанского правительства, внешней политике его правительства и ее негативных последствиях для Испании:

(8) *José María Aznar trocó el europeísmo en sumiso atlantismo. Y mutó el pacto permanente suprapartidista por unas alianzas circunstanciales basadas en el interés de corto plazo y en el ideologismo hiperatlantista retratado en la foto de las Azores.* – *Хосе Мария Аснар* поменял свой имидж европейца на послушного атлантиста. И вместо того, чтобы придерживаться положений постоянного надпартийного пакта, вступил в случайные краткосрочные альянсы, основанные на гиператлантической идеологии, приверженцы которой были запечатлены на фотографии во время их встречи на Азорских островах (*Хосе Мария Аснар – председатель Правительства Испании в 1996–2004 гг., бывший лидер Народной партии Испании (Partido Popular).* Весной 2003 г. на трехсторонней встрече на Азорских островах *Хосе Мария Аснар* и *Тони Блэр* поддержали решение президента США *Джорджа Буша* о вводе американских, английских и испанских воинских контингентов в Ирак. В марте 2004 г. Народная партия проиграла парламентские выборы своему традиционному сопернику – *Испанской социалистической рабочей партии* во главе с *Хосе Луисом Родригесом Сапатеро*. В июне 2004 г. испанские войска были выведены из Ирака. В марте 2008 г. на очередных всеобщих выборах в Испании победу вновь одержали социалисты). (Комментарий переводчика).

Насыщенность испанской фразы внеязыковой информацией с обилием скрытых глубинных подтекстов (*europaísmo, atlantismo, pacto suprapartidista, ideologismo hiperatlantista, la foto de las Azores*) свидетельствует о различиях экстралингвистической составляющей в национально-культурных мировидениях в латиноамериканском и русском языковых сообществах.

Политические намеки, аллюзии, связанные с культурой и историей, высокая плотность коммуникативнорелевантной внелингвистической информации – все это опирается на четкое представление авторов исходных текстов о собирательном «портрете» потенциальных получателей этих текстов и уверенность авторов в том, что получатели в состоянии выполнить интеллектуальную операцию по распредмечиванию заложенных в исходном тексте глубинных смыслов, импликаций, затекстовой и подтекстовой информации.

Когда в испанском тексте имя *Mario Vargas Llosa* используется в увязке с именем *Alberto Fujimori*, опытный письменный переводчик обязан сделать для русских читателей переводного текста обширный политологический комментарий, возможный вариант которого приводим ниже:

(9) *La Academia sueca resumió con exactitud la enorme importancia de la obra del escritor peruano Mario Vargas Llosa que una vez, en 1990, aspiró a ser Presidente del país inca y que, para mucha fortuna de sus lectores, fue apeado de su ilusión por Alberto Fujimori, alguien quien luego pasaría a la historia como un delincuente.* – Шведская академия точно изложила в нескольких словах огромную важность творчества перуанского писателя Марио Варгаса Льосы, который однажды, в 1990 г., баллотировался на пост Президента Перу и который, к счастью для своих читателей, уступил этот пост Альберто Фухимори, который впоследствии вошел в историю как преступник (Марио Варгас Льоса – выдающийся перуанский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, бывший президент международного Пен-клуба. В 1990 г. выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах в Перу, но проиграл

Альберто Фухимори, предпринимателю японского происхождения, который был переизбран шесть лет спустя, а по завершении второго мандата вновь выдвинул свою кандидатуру – в нарушение перуанской конституции – на третий срок и одержал победу. Однако вскоре после этого скандального переизбрания Фухимори, находясь с официальным визитом в Японии, попросил в этой стране политического убежища. В настоящее время отбывает наказание в перуанской тюрьме). (Комментарий переводчика).

В примере (10) оправданным видится обширный политологический комментарий переводчика (в виде примечания) к небольшому фрагменту статьи из аргентинской газеты, в которой упоминался *líder de la revolución naranja*:

(10) *La pésima situación de los derechos humanos en aquel país asiático no impidió al líder de la revolución naranja aplaudir al sátrapa ante un auditorio de adoradores en Ashjabad.* – Ужасающая ситуация в области прав человека в этой азиатской стране не помешала лидеру оранжевой революции аплодировать диктатору совместно с его почитателями в Ашхабаде (Оранжевой революцией журналисты назвали приход к власти на Украине в 2004 г. сторонников правоцентристских партий и избрание Президентом страны Виктора Ющенко. Подобные образные названия журналисты использовали при описании политических событий, имевших место в ряде других стран Восточной Европы и на постсоветском пространстве: в конце 80-х годов прошлого века в тогдашней Чехословакии, где от власти мирным путем в результате бархатной революции (*revolución aterciopelada*) были отстранены коммунисты, бурные события в начале этого века в Грузии, Киргизии, Тунисе, получившие названия соответственно революции роз (*revolución de rosas*), революции тюльпанов (*revolución de tulipanes*), финиковой революции (*revolución de dátiles*). Впрочем, подобная традиция образного политического языка восходит к апрелю 1974 г., когда революция в Португалии, носившая мирный характер и совпавшая по времени с цветением гвоздик, была названа

революцией звездик (revolución de claveles). (Примечание переводчика).

Приемлемость политологических комментариев, осуществляемых переводчиками или редакторами в рамках примечаний либо в сносках к тексту перевода и недопустимость подобных модификаций в самом корпусе переводного текста объясняются особым статусом переводного текста, «внетекстовой» сущностью комментариев и дистанцированностью переводчиков (редакторов) от оригинальных текстов.

Обращает на себя внимание еще одна отличительная особенность экстралингвистической составляющей испанской национально-языковой картины мира. Эта особенность проявляется в том, что в испаноязычной журналистике принято обозначать даты самых кровавых террористических актов последнего десятилетия, используя сокращения типа «*el 11-M*» – *11 марта*. Именно в этот день в 2004 г. прогремели взрывы на мадридском вокзале Аточа, которые унесли жизни 200 человек. *11 сентября* 2001 г. (*el 11-S*) жертвами невиданных террористических актов в Нью-Йорке, Вашингтоне и других городах США стали несколько тысяч человек.

(11) *Poco después del 11-S, Bush se lanzó a la política de democratización de lo que llamó el «Gran Oriente Medio», considerando que la falta de democracia en esta zona del planeta era uno de los orígenes de los males del mundo. – Вскоре после террористических актов 11 сентября 2001 г. Буш начал проводить политику демократизации, которую он назвал «Великий Ближний Восток», полагая, что отсутствие демократии в этом регионе планеты было одной из причин мировых бедствий.*

Впрочем, в последнее время подобные сокращения на страницах испанских газет уже не ассоциируются с печальными и трагическими событиями. Они используются для обозначения важных политических событий в жизни страны, например, досрочных парламентских выборов в Испании, состоявшихся 20 ноября 2011 года:

(12) *El legado positivo que se le reconocerá algún día, tiene un peso liviano con vistas al 20-N.* – Положительное завещание, которое когда-нибудь будет признано, имеет незначительный вес в преддверии предстоящих 20 ноября 2011 г. всеобщих выборов в Испании.

Экспликация в переводном тексте предметной импликации, содержащейся в оригинальном тексте, в ряде случаев обязательна, так как получатель переводного текста из-за отсутствия у него необходимых «фоновых» знаний не в состоянии сделать требуемый логический вывод и извлечь имплицитный смысл коммуникативного задания автора исходного текста:

(13) *«Ahí viene La Lechuza» – exclamaba la Mayoralía Elmira, cuando veía aparecer, en la Plaza Mayor, alguna carroza mortuoria, camino del cementerio. – «¡Sola Vaya!» – respondía el Primer Magistrado, uniendo el índice y el meñique de ambas manos en signo conjuratorio de Malas Sombras (Carpentier A. El recurso del método, p. 179).* – «Опять Совушка пожаловала!»* – Воскликнула Мажордомша Эльмира, завидев катафалк, державший путь на кладбище. «Чур меня!» – Отвечал заклинанием Глава Нации, подворачивая на обеих руках указательный палец под мизинец, чтобы отвести напасть».

Национально-культурной обусловленностью в ее политическом и географическом преломлении обладает и такой способ нейтрализации культурологической идентичности при переводе, как замена-переосмысление:

(14) *Todo el sur del río Bravo* (букв.: «весь юг от реки Браво») – все страны, расположенные к югу от границ США.

В качестве резюме отметим, что национально-культурное мировидение испаноговорящих народов в его переводческом

* В переводе на русский язык в конце книги дается следующая сноска от переводчиков: «В некоторых странах Латинской Америки сова служит символом несчастья». – Карпентьер А. Превратности метода. Перевод с испанского языка М. Былинкиной и Ю. Дашкевича. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 329.

измерении в значительной степени обуславливает коммуникативную деятельность переводчиков по выбору вариантов адекватного перевода и принятию ими оптимальных решений по осуществлению перевода. Процесс перевода объективно опосредован несовпадающими проявлениями национально-культурных мировидений лингвоэтнических общностей, вступающих в переводческое посредничество, а также необходимостью учета указанных различий при создании переводных текстов.

* * *

¹ Цит. по: Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: КомКнига, 2006. С. 27.

² Дуран Луке Х., Монхон Посас Ф. Испанский язык и национальный характер испанцев (пример видения мира) // Язык и речевая деятельность. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1998. С. 88-99.

³ Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-69.

⁴ Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Academia, 1998. С. 15.

⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб.: Искусство, 1994. С. 387.

⁶ Цит. по: Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. С. 48.

**ЕДИНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В последние 20-30 лет тенденции к национальной самоидентификации и национальному обособлению внутри стран и одновременному «собираению» в единое культурное пространство всех стран испанской речи привели к необходимости поиска общего культурного опыта, *объединяющей истории*, лишенной политической и идеологической составляющей. Так, придуманный греками топоним стал объединяющей идеей, общей колыбелью: *Hispanoamerica* была заменена на политкорректное – *Iberoamerica*, а понятие *Mundo iberico* объединило не только исторические области Испании, но и Португалию, и Новый Свет. Топоним превратился в концепт, ядром которого оказалось племенное обозначение народа, история которого до сих пор не ясна и как история вообще мифологична. Цель любого мифа – создать образ действительности, отвечающий чаяниям и системе ценностей носителей мифологического сознания, а конечная цель при этом одна: определить свое место в мире. Миф изначально направлен на сокрытие его идеологического характера, т.е. навязывания в качестве единственно верного взгляда на мир. Авторитет предков, вековая мудрость, испокон веков существующая данность, заявленные как основа мифа, позволяют создать своего рода знаковую систему, понятную современникам; затем она забывается и каждой эпохой интерпретируется и актуализируется по-своему.

В этом смысле идея *ибери́стства*, реконструкция мифа об иберийской цивилизационной модели, актуализируемой на наших глазах, интересна для понимания современных процессов взаимодействия цивилизаций. В эпоху глобализации спасение национальной идентичности в одиночку оказывается невозможным, а попытки отстоять право на национальное само-

сознание приводят к актуализации общих для конкретного этнокультурного сообщества кодов, собиранию «разбросанных камней». Например, объединение славянского мира на основе общих духовных корней – процесс во многом схожий с собиранием иберийского мира. Важно отметить, что обе эти цивилизационные модели можно рассматривать как сложные типы пограничных цивилизаций. Эти цивилизации в силу геополитического положения разделяли западную, европейскую цивилизационную модель развития и восточную, однако пограничные цивилизации оказываются не глухими кордонами, а *мостами*, связывающими цивилизации и способствующими их развитию¹.

Понятия *иберийского мира, иберийской культуры, иберийского характера и духа* существуют в нескольких ипостасях: с одной стороны, как малоизученная и вызывающая бурные споры проблематика истории и археологии, философии и культурологии, а с другой – как неотъемлемая часть менталитета и национального характера, а кроме того, как важнейшая составляющая языкового и мифологического сознания населяющих пиренейский полуостров народов, отраженная в мифах и легендах, топонимах, антропонимах, а также в довольно большом количестве обнаруженных артефактов и, наконец, в до сих пор не расшифрованных письменных памятниках на иберийском языке.

Понимание иберийского мира как лингвокультурного пространства, а не этноса, исключительно важно, потому что с момента появления в VII–V вв. до н.э. сведений об Иберийском полуострове и населявших его иберах, которыми назывались жители юго-восточного побережья полуострова. Затем греко-римские историки также придерживались географического, а не этнического подразделения племен полуострова, называя иберами народы, проживавшие от Роны до Гибралтара.

В настоящее время даже в Латинской Америке архетип безжалостного конкистадора-испанца подменяется рассуждениями об *иберийских корнях, иберийском характере*. Как известно, понятие «национальный характер» соотносится с уже

сложившимися нациями, и поэтому, как правило, оно идеологизировано и мифологизировано одновременно. Сравним, например, понятия «русский характер» и «славянская душа», одно из которых воплощает исторически и идеологически обусловленный опыт, а второе по сути своей – общепринятый, но трудно объяснимый психоэмоциональный феномен, ставший мифологемой. В Испании ситуация иная: говорить об испанском характере вообще невозможно, в этом мультикультурном и полиэтничном государстве национальных типов характера даже больше, чем языков.

Характер и образ жизни любого народа складывается под влиянием окружающего его ландшафта, климата, наличия или отсутствия природных богатств и т.п.² Независимость, гордость, свободолюбие, индивидуализм, бесстрашие и ловкость, склонность к приключениям, нелюбовь к рутинной работе (когда выбор бедняка – не рабский труд или попрошайничество, а добыча золота, разбой или удача наемника), жестокость и выносливость, бой и религиозный культ как праздник, показная роскошь и бахвальство, темперамент и стремительность – это те качества иберийского характера, которые можно выявить в исследованиях и выводах испанских историков и философов.

Однако их совокупность представляет собой готовый архетип будущих покорителей Нового Света. Одновременно это и архетип *экзотического* народа, живущего на краю Европы и знакомого европейцам по отзывам путешественников и произведениям искусства XIX и XX в., в том числе и русского. Мифологема иберийского характера «закольцована» опосредованным восприятием других культур, и она давно стала частью универсального мифологического сознания.

Разделяя мысль М.Хайдеггера о том, что «Язык – это дом бытия», следует подчеркнуть, что, несмотря на лингвистическое разнообразие пиренейского ареала и уж тем более ареала Нового Света, при всех оговорках речь все же идет об испанском или *кастильском* (как теперь все чаще называют его в самой Испании) языке как языке, цементирующем этот иберийский мир в эпоху глобализации. Возникает вопрос: так энер-

гично устанавливаемые общественными институтами очерта-ния единого языкового пространства по обе стороны Атланти-ки подразумевают распространение иберийской модели в Но-вом Свете или все-таки нет? Да и возможно ли это в эпоху гло-бализации?

Феноменом и мощным инструментом глобализации стал Интернет, но одновременно он стал и лабораторией, в которой, как в пробирке, рождался новый *наднациональный* язык. Конечно, в нем преобладали англицизмы и самый дух англо-саксонского прагматизма, миру предлагался один алфавит и приглашение срочно учить английский. Но наступил XXI в., процессы глобализации начали уравниваться стремлением к поиску национальной идентичности, и вот уже в языке Ин-тернета в России, Испании, Франции и многих других стран англицизмы активно вытесняются кальками, адаптациями и аналогами родного языка, англицизмы почти отсутствуют в общении пользователей национальных социальных сетей, пе-реход на национальные алфавиты стал повсеместным.

Исключительно важным представляется то, что Интернет сменил привычные представления о лингвистическом прост-ранстве, об участниках межъязыковой и внутриязыковой ком-муникации и привычном представлении об их функциях, о тра-диционном «разделении полномочий». Лингвистическое прост-ранство существовало внутри национального социокульту-рного контекста, отражало особенности языковой политики государства и представляло собой многоуровневую систему, где один уровень занимали пользователи языка, другие уровни – исследователи, преподаватели и обучаемые, отдельный уро-вень принадлежал реформаторам языка – писателям, особый статус имели хранители сокровищницы языка – лексикографы и грамматисты. В Интернете все эти уровни смешались, ведь пользователь-блогер сам становится творцом-реформатором, а когда захочет – исследователем, учителем; он может менять маски, игровая и творческая природа человека, реализующего себя в сети довольно часто как *homo ludens*, а не *homo sapiens*, именно в национальных языках Интернета еще раз доказывает,

что человек как языковая личность – продукт культуры, причем совсем не обязательно общенациональной или шире – европейской, мировой и т.п., но и достаточно герметичных субкультур или контркультур – когда речь идет о языке молодежи или жаргонах.

Изменились в новом контексте и роли важнейших институтов, структурирующих лингвистическое пространство. Так, даже библиотеки, традиционно статичные хранители текстов культуры благодаря технологической революции сами «пришли» к читателям в виде виртуальных библиотек, и сейчас ищут другие формы коммуникации с потенциальными пользователями библиотек, осуществляя научно-популярные проекты и т.п.³

Национальные академии испанского языка в странах Латинской Америки и старейшая Королевская Академия языка Испании – традиционно наиболее консервативные институты, занимающиеся кодификацией языка и защитой языковой нормы, ранее игнорировали актуальные языковые процессы и особенности испанского языка и национальных вариантов языка в странах американского континента. А в XXI в. они вышли из состояния «закапсулированности», обратились к описанию и анализу испанского языкового пространства, охватывающего свыше 450 млн говорящих во всем мире от Филиппин до США (где по статистике на нем говорят 35 млн, и язык стал официальным языком ряда штатов и Нью-Йорка в том числе). В 1998 г. в Мехико состоялся I Всемирный конгресс испанского языка, в котором участвовали все 22 Академии языка, включая самые молодые: Академии испанского языка Филиппин и США (основана в 1973). Ласаро Карретер (в то время – председатель Испанской королевской Академии языка) сказал на конгрессе: «Испанский язык в мире стал языком, который позволяет объединять разные народы в языковое братство». Провозглашенный тогда девиз: «La unidad en diversidad» – «Единство в многообразии» определил направления деятельности национальных Академий. Именно Академии испанского языка стали инициаторами *глобализации испанского лингвистического про-*

странства, приступив к созданию того, что в разных документах называлось «*lengua estandar, español/castellano globalizado, español/castellano neutro*», а самые радикальные реформаторы предложили даже номинацию-термин – «*dialecto general neutro*». Мы стали свидетелями настоящей лингвистической революции – «новой паниспанской языковой политики», отражающейся в попытках создания *паниспанской* языковой нормы, по словам академиков нескольких национальных Академий испанского языка – это пиренейская норма с учетом и допустимостью национальной специфики, но на деле – это так привлекающий глобалистов универсальный *всеобщий испанский* – *español general*.

Все вопросы нормализации и кодификации испанского языка теперь 22 Академии решают сообща⁴. На наших глазах рождается новый термин, отражающий новые представления об этом языке: *lengua panhispánica* или *hispana*. Я хочу отметить то, что дивергенция национальных вариантов сильнее всего заметна в лексике, и мы знаем множество примеров несовпадения значений общеупотребительных испанских слов в национальных вариантах латиноамериканских стран. И в качестве яркого примера приведу метаморфозы со значением слова «*caballo*», невиданного Южной и Центральной Америке до Колумба животного, которое обладает здесь как минимум еще 15(!) значениями (не считая десятка значений его дериватов): от «превосходного» до «ужасного» – в Чили общеамериканского «непристойно предложения» или «хама» до знаменитого прозвища Фиделя Кастро – «*Caballo*» – с большой буквы^{5,6}!

Подчеркну, что именно единая орфографическая норма сегодня, пожалуй, самая сильная из «скреп», объединяющих национальные варианты и отраженная в языковом сознании социума.

В последние годы мы наблюдаем, как меняются представления ведущих испанских и латиноамериканских лингвистов о языковой норме. В большинстве стран Латинской Америки (включая Аргентину) в школах и колледжах базовой стала иберийская норма, а с особенностями национального варианта носители сталкиваются в реальном узусе. С этой точки зрения ин-

интересно мнение директора Филологического института «Андрес Бельо» при Центральном Университете Венесуэлы Мерседес Седано, заявившей на конгрессе в Вальядолиде, что наряду с академической нормой существует и привычная – *habitual*, которая передается неосознанно. Именно психологические установки (законы) обуславливают специфику национального сознания, и здесь уже проблема нормы, в том числе и языковой – это проблема, связанная с национальной культурной ситуацией в целом и обусловленная национально-культурной идентичностью. Можно сделать вывод о том, что дихотомия *норма* – *узус* сегодня невозможна.

Вероятно, что эти процессы приведут к известной унификации национальных вариантов испанского языка, несмотря на существовавшие в XIX–XX вв. тенденции национальных элит к самоидентификации, в том числе и языковой. Отмечу, что в последние годы участниками конгрессов Ассоциации Академий испанского языка, помимо академиков, стали известные писатели, редакторы, журналисты, преподаватели: словом, носители, пользователи и реформаторы языка. Один из участников такого конгресса – выдающийся испанский писатель Мигель Делибес подчеркнул, что испанский язык является инструментом, который направляет в нужное русло и роднит – «*canaliza y hermana*» – испанскую и иберо-американские культуры.

Издатели быстро подхватили рыночно привлекательную идею публикации учебников испанского языка для нескольких или всех сразу стран испанской речи. Прагматичные цели издателей, преподавателей и исследователей оказались созвучны основному направлению деятельности академий языка и языковой политики большинства стран испанской речи – формированию единого информационно-коммуникативного пространства, т.е. в конечном итоге дидактические средства также оказались направлены на глобализацию и унификацию испанского языка. При этом новой чертой образовательного пространства в Латинской Америке и в Испании стала забота о сохранении языков коренного населения. Обязательным становится межкультурное двуязычное образование⁷.

На рубеже XX–XXI вв. отчетливо проявились последствия игнорирования важности культурных кодов национальных культур, а без овладения ими невозможна полноценная межкультурная коммуникация в мультикультурных социумах и профессиональная реализация личности. Постигание культурных кодов оказалось задачей неизмеримо более тяжелой, чем постижение системы иностранных языков и их изучение на уровне коммуникативной достаточности, а это часто приводит участников межъязыковой коммуникации к так называемому *когнитивному диссонансу*, к непониманию, ошибкам интерпретации знаков и текстов культуры (причем не только вербальных), неверным стратегиям речевого поведения, психологическому дискомфорту.

Так долго и активно пропагандируемая модель погружения в иноязычное пространство как оптимальная для изучения языка не сработала в Германии. Незнание и неприятие инокультурного кода эмигрантами-франкофонами во Франции привело к трагическим последствиям. Незнание инокультурного кода не позволяет представителю принимающей иностранца цивилизации понять мотивацию поведения соседа-иностранца, приводит к *культурному шоку* в общении, причем особенности поведения принимаются за проявление национального характера, а присущие данной культуре знаковые коды — за невоспитанность или чуждость. Так, громкая речь испанцев часто трактуется иностранцами как агрессивное поведение, хотя и не имеет никакого отношения к агрессии.

Проблемы культурной ассимиляции существуют и в Испании: хлынувшие туда эмигранты из Латинской Америки и арабских стран представляют нации с богатой культурой и своим собственным культурным опытом и кодом. Право быть другим, обладать другой культурной памятью, традициями и культурным опытом не дает права считать ошибочным или неполноценным чужой культурный опыт, но непонимание этой истины сейчас стоит очень остро. Иберийская цивилизационная модель, по мнению многих испанских культурологов, не просто в опасности, она меняется, стремительно разрушается

на наших глазах. Особую роль в этом процессе играют такие мощные технологические ресурсы глобализации, как Интернет.

Иберо-романские языки и культуры, равно как и сама иберийская цивилизационная модель на Пиренейском полуострове, оказавшись в контексте технологической революции и одновременно в контексте активных миграционных процессов, столкнулись с проблемами, вызванными остро обозначившейся в XXI в. тенденцией к сохранению и герметизации эмигрантами базовых цивилизационных достижений и ценностей своих исконных восточных или южно-американских культур. Иберийская цивилизация оказалась не готова к новому типу культурной коммуникации, которая на протяжении предыдущих тысячелетий (от коммуникации с финикийцами и кельтами до арабского владычества) представляла собой мягкое взаимопроникновение цивилизаций, сращение и поглощение и, в конце концов, утверждение иберийской модели.

Известно, что система ценностей в обществе коррелирует с экономикой конкретной страны или региона, а экономика в свою очередь отражает национальный психотип и культурную идентичность народа. Национально-культурная идентичность не связана с государственностью или языковым единством, поскольку государственный язык давно уже не является показателем принадлежности к определенной нации, ведь истоки культурного единства нации – в семейной традиции, коллективной памяти или опыте, фольклорной, литературной традиции (в том числе и бесписьменной).

Цивилизационные «метания», современный конфликт ценностей и мифологий свидетельствуют о важности в этой связи вопроса о цивилизационной самоидентификации нации и позволяют понять противоречивость суждений по этому поводу не только латиноамериканцев или испанцев. Примером неоднозначности национально-культурной самоидентификации народов в рамках пограничной славянской цивилизации являются сомнения в их принадлежности к европейской цивилизации, причем речь идет не только о русских, но и о поляках. Например, достаточно вспомнить популярную польскую шутку о том, что польский Папа

(Кароль Войтыла), наконец, расскажет полякам, чего им не хватает, чтобы превратиться в европейцев.

Отдельность каждой европейской страны очевидна, несмотря на то, что мы говорим о европейской цивилизации, а вот для иберийского мира за Пиренеями оказываются достаточно мучительными размышления о едином европейском пространстве или даже о существовании единого евро-атлантического цивилизационного пространства. Действительно существовавшие модели соотношения национально-культурной идентичности испаноговорящих стран с определенной цивилизацией оказываются либо механистическими, либо неработающими. Можно ли создать модель автономного развития нации, ориентированной на сохранение своей национальной идентичности, которая даст возможность движению вперед, национально-культурной самореализации и саморазвития?

Попытки утверждения политической идентичности народов Испании, безусловно издавна обладающих национальной идентичностью, – это, как теперь говорят, тренд. Трендом в Европе становится приход националистов к власти и сами попытки «разыграть» национальную карту – по сути попытки перенаправить растущее возмущение масс, изменив его вектор: от социальных проблем к национальным конфликтам. При этом национальные элиты в Европе становятся все более космополитичными. Но тогда можно ли сделать вывод о том, что именно народные массы (или так называемый низовой ксенофобский национализм) подталкивают их к национализму? Неужели защита национальной идентичности титульной или нетитульной нации – это всегда путь к нацизму?

Учитывая тот факт, что национальная идентичность не сводима к языку, попытаемся ответить на еще один важный вопрос: «Способны ли сохранить испаноговорящие жители США, равно как и турки в Германии, свою национально-культурную идентичность, или она невозможна без политической идентичности?»

Культура в современном мире стала важнейшим политическим фактором – это факт, с которым должны считаться все

те социальные группы, которые раньше рассматривали культуру как достояние национальных элит. На самом деле современное состояние все более истончающейся «пленки цивилизаций» Старого и Нового Света – это реальность, которая предопределяет развитие цивилизаций и мира в целом.

Литература

Коваль, Т.Б. Испания: регионы, этносы, языки // Расы и народы. Вып. 14. М.: Наука, 1984.

Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.

Bendala Galan, M. Tartesios, iberos y celtas. Pueblos, culturas y colonizadores de la Hispania Antigua. Madrid. 3-a ed. 2010.

Coseriu, E. Los conceptos de «dialecto», «nivel» y «estilo de lengua» y el sentido propio de la dialectología // Linguística española actual. Vol. 3, N. 1. Madrid: Arco Libros S.L., 1981.

Nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española. Madrid: Espasa Libros S.L., 2009.

Obolenskaya, Y. La globalización del español en el actual espacio lingüístico y educativo // El español frente a los retos del siglo XXI: investigación y enseñanza. Moscú: Universidad MGIMO, 2012.

* * *

¹ Так, без сложившихся в Средние века в Испании культурных институтов, подобным так называемым «школам переводчиков» (самая известная из них Толедская школа переводчиков XII-XIII вв.), невозможно было бы осуществить столь стремительное и эффективное распространение передовых научных знаний арабского востока и восточных форм светской литературы в Европе. В конце XVI в. Испания стала еще одной границей – рубежом Старого и Нового Света.

² Для иберов существенным фактором оказалось неравномерное распределение плодородных земель и полезных ископаемых на занимаемых ими территориях. Постоянная борьба и противостояние посягавшим на то и на другое соседей воспитывало в них суровость нрава и жестокость обычаев, свободолюбие и такую важную черту характера, как племенной индивидуализм.

³ В Испании такой библиотекой будущего становится толедская библиотека Кастилия-Ла-Манча, в которой создается пространство «непрерывного цикла библио-коммуникации»: программы и деятельность библиотеки ориентированы на посетителей от 2,5 до 100 лет, получающих доступ к манускрипту, к редкой книге или к виртуальному фонду цифровой библиотеки или международного абонемента.

⁴ Плодом их работы стала новая орфография испанского языка, новый словарь испанского языка Королевской академии и самое главное – «Новая грамматика испанского языка», подготовленная Королевской академией языка и изданная в 2009 г., а десятью годами ранее – фундаментальная «Дескриптивная грамматика испанского языка» (1997), включившая словоформы, признававшиеся ненормативными в литературном языке, однако зафиксированные в диалектах и национальных вариантах испанского языка.

⁵ Вспомним, кстати, расхождение значений общеупотребительных слов в славянских языках: в Болгарии, например, «питомец» значит «дурак».

⁶ Привожу некоторые значения слова «caballo» (по «Большому испано-русскому словарю» 2011 г. под ред. Н.М.Фирсовой): в Никарагуа – «сильный, выносливый», в Чили – «удивительный, необыкновенный, превосходный» и «ужасный, чудовищный» (ветер, дождь). На Кубе – «ловкий, умелый» или «ясновидящий». Общеамериканское – «невежа, хам», а также – «непристойное предложение». Куба, Центр.Америка – «глупый юноша» и «мера веса». Уругвай – «красивая женщина». Центр. Америка – «брюки». Венесуэла, Эквадор – «близкий друг», а кроме того, в ряде стран – это название нескольких карточных игр.

⁷ Любопытно, что в Испании еще в начале 80-х годов XX в. осуществлялся дубляж латиноамериканских сериалов на нормативный испанский язык, а сейчас об этом редко кто из испанцев вспоминает.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК РЕАЛИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

В настоящее время языковая политика стала одним из важнейших инструментов управления в странах, находящихся в постоянной миграционной динамике, ее гибкость и продуманность явились факторами, гарантирующими стабильность и поступательность общественного развития. Однако языковая политика любой власти должна отражать ту языковую реальность, в которой живет социум: иными словами, речь идет о его лингвистической идеологии, которая постулируется как важнейшая составляющая его национальной идентичности.

Сам по себе термин «лингвистическая идеология» был предложен относительно недавно – примерно десять лет тому назад, но на сегодняшний момент он находится в фокусе пристального внимания наряду со знакомым всем термином «языковая политика».

Если говорить о взаимном соотношении языковой политики и лингвистической идеологии, то следует указать на имманентную сущность последней, поскольку, если языковая политика является выражением некоей политической воли со стороны государства, движимого некими интересами, и на совсем ранних этапах общественного развития ее не было вообще, то лингвистическая идеология как некая когнитивная данность говорящего коллектива присутствовала всегда. По мере развития языка как инструмента социальной реализации индивида происходит и оформление его лингвистической идеологии в рамках лингвистической идеологии всего говорящего коллектива.

На разных этапах развития общественного сознания и общественной жизни лингвистические идеологии проявляются по-разному. В настоящее время они стали одной из важнейших составляющих общественной идеологии вообще.

В современном мире язык, будучи основным инструментом коммуникации, является еще и одним из основных инструментов познания и потребления информации. В связи с тем, что коммуникация есть проявление некоего социального знания, основанного на опыте предыдущих поколений, можно заключить, что данный опыт утверждается в результате многократного наследования. Следовательно, вместе с ним наследуется и вполне определенная лингвистическая идеология, соответствующая конкретному этапу общественного развития.

В современном глобальном информационном обществе как никогда возрастает престиж того или иного языка, открывающего доступ к самому широкому информационному полю в его устной и письменной формах. Однако нельзя забывать и об обратной стороне языковой медали, чреватой большими проблемами: в эпоху глобальных перемен деление по национальному признаку становится атрибутом социального самоопределения, а национальная идентичность и вместе с ней и язык – одними из немногих устойчивых ориентиров в меняющемся мире. В настоящее время лингвистическая идеология позиционируется как важнейшая составляющая национальной идентичности. «Регулирование государственного языка представляет еще одно измерение, в котором происходит взаимодействие нации и государства в целях установления и кодификации общей идентичности» (Шевлякова).

В любом государстве сфера языковой политики является одним из важнейших регуляторов взаимоотношения власти и общества. Языковая политика государственной власти должна учитывать лингвистическую идеологию тех этносов, которые проживают на территории страны. Ее игнорирование, как показывают события последнего времени, может привести к серьезным политическим ошибкам.

Под лингвистическими идеологиями в целом понимаются непосредственно наблюдаемые в социальной жизни репрезентации (эксплицитные или имплицитные) концептуальных схем отношения говорящих к своему языку. При этом лингвистиче-

ская идеология отражает вполне однозначное восприятие языка, зиждущееся на интересе определенной социальной или культурной группы, и определяет тем самым каждодневное лингвистическое поведение (коммуникацию) членов социума, которое в свою очередь имеет непосредственный выход в социальной практике.

Лингвистическая идеология как и идеология вообще предстает как систематизированная совокупность идей, связанных прежде всего с определенным пониманием общественной жизни, оценкой ее качества, перспектив ее преобразования. Таким образом, лингвистическая идеология непосредственно связана с реальной лингвистической практикой этноса, имеющего в арсенале своего бытования вполне определенную лингвистическую традицию.

Следуя общеизвестной формуле Карла Маркса о том, что бытие определяет сознание, можно констатировать жесткую взаимозависимость данных проявлений, ибо любое изменение лингвистической практики, т.е. традиции, в сторону ее ограничения будет встречено по меньшей мере негативно, если не сказать агрессивно, со стороны практикующего ее этноса. Любой социум, привыкший к определенному уровню лингвистической практики, при которой его язык выполнял вполне определенный объем общественных функций, никогда не согласится добровольно сдать позиции в этой сфере. И наоборот, расширение этой функциональной нагрузки будет только приветствоваться, и сразу повлечет за собой изменение лингвистической идеологии данного этноса в сторону повышения престижности его лингвистической практики. Именно поэтому любая государственная власть должна очень хорошо просчитывать свои шаги в сфере той языковой политики, которую она проводит.

В последние десятилетия в современном социально-политическом контексте тематика лингвистической идеологии как одной из составляющих национальной идентичности привлекла к себе пристальное внимание политиков, социологов и лингвистов благодаря широкому спектру своих как закономер-

ных, так и неожиданных проявлений. Продолжающаяся глобализация современного общества не только затрагивает экономическую и политическую жизнь социумов, но, прежде всего, проявляется непосредственно в языковой сфере, которая живо реагирует на данный вызов времени.

На современном этапе можно говорить о принятой в обществе лингвистической культуре (Schiffman, 1996), которая репрезентирует совокупность абстрактных и универсальных представлений о языке, речи, обучении языку и лингвистическом сообществе в целом. Как и лингвистическая идеология, лингвистическая культура является достоянием всего языкового сообщества, но если первая представляет собой в большей степени некий идеологический код, вторая имеет чисто практические цели по обустройству общественной жизни в таких наиважнейших ее сферах, как образовательная, общественно-политическая, культурная, религиозная и т.п.

Именно лингвистическая культура определяет норму лингвистического поведения или лингвистическую практику: в странах с устоявшейся гетероглоссией сосуществуют различные нормы лингвистического поведения, объединенные общей тенденцией взаимной приспособляемости в определенном коммуникативном контексте. Очень показателен пример андалусского политика социалиста Хосе Монтильи, избранного в 2007 г. на пост президента Каталонского правительства, когда он, ревностно защищая свою смешанную идентичность, назвал себя каталонцем из Иснахара.

И хотя каждая из этих норм ассоциируется с разными культурами, их сосуществование и сложное взаимодействие воспринимаются как присущая конкретному обществу имманентная данность, которая уже самим фактом своего существования конституирует групповую идентичность. При этом не только факт коэзистенции, но и сама возможность комбинированного использования различных норм и таящийся в этом потенциал являются источником, порождающим чувство причастности к более сложноорганизованному языковому сообществу, т.е. к идентичности, экстраполированной на гете-

рогенный социум. Таким образом, лингвистическая культура ориентирована на решение практических задач, стоящих перед социумом в определенную историческую эпоху.

При этом соотношение лингвистической идеологии и лингвистической культуры несколько отличается от соотношения идеологии и культуры вообще: если идеология представляет собой неотъемлемый элемент культуры как системы и существует на уровне теоретического и обыденного сознания индивида, то лингвистическую идеологию можно определить как бессознательно приобретенное и интуитивно сложившееся языковое самосознание этноса.

Интересна метафора, употребленная бывшим президентом Женеалитата Жорди Пужолем еще 20 лет назад в отношении каталанского языка: «каталанский язык – нерв нашей нации» (*el catalán es el nervio de nuestra nació*n). Ему предшествовали слова вице-секретаря по автономной и местной политике Народной партии Хавьера Аренаса: «наш язык как нерв определяет наше бытие и деятельность».

Лингвистическая идеология как составная часть национальной идентичности может оказывать определяющее воздействие на такие сферы общественной деятельности, как религия и мораль, и испытывать их обратное влияние. В целом, исходя из возможности как позитивной, так и негативной связи идеологии и культуры, следует принимать во внимание и тот факт, что лингвистическая культура, как и культура вообще, выполняет ряд функций, среди которых значатся воспитательная, человекотворческая и ценностно-ориентационная, а это значит, что вектор их направленности во многом определяется лингвистической идеологией социума.

Более того, как показывают исследования, степень этничности как некоего показателя самоощущения этноса может меняться: «она возрастает или ослабевает в ответ на внешние условия» (Van den Berghe). Соответственно может усиливаться или ослабевать необходимость проявления всех составляющих данного самоощущения, в том числе и лингвистической идеологии, что сразу же отражается на лингвистической практике:

всплеск регионалистских настроений в Испании после смерти Франко является ответом на те внутривнутриполитические условия, в которых долгое время существовала страна.

Тематика лингвистической идеологии очень актуальна для современного испаноязычного социума как на Пиренейском полуострове, так и в Латинской Америке. В настоящее время центральная власть в Испании прикладывает огромные усилия к дальнейшему продвижению испанского языка на международной арене, что объясняется чисто экономическими причинами последних лет.

В этой связи следует упомянуть о беспрецедентном по своему реализационному масштабу историческом решении учредить Международный конгресс испанского языка, которое было принято испаноязычным сообществом в конце XX века. Первый и второй Международные конгрессы Испанского языка состоялись в 1997 и 2001 гг. и были посвящены проблеме поиска единого языкового стандарта в средствах массовой информации, а также месту испанского языка в информационном сообществе. Однако уже через три года явно обозначилась насущная необходимость определить роль испанского языка как символа плюринациональной идентичности, противостоящей нарастающим процессам глобализации: *Identidad lingüística y globalización* – главная тема третьего конгресса испанского языка, состоявшегося в 2004 году. Тем самым испаноязычный социум быстро отреагировал на главный вызов времени и максимально успешно использовал язык как действенный инструмент социальной политики, поскольку за всем этим кроется простая причина: стандартизованный язык, помимо выполнения инструментальной и коммуникативной функций, является выразителем национального духа и символом национального единения. Испаноамериканским академиком не откажешь в тонком чутье: они вовремя смогли уловить веяния эпохи.

Интересно, что в 2013 г. на 6-ом Международном конгрессе Испанского языка лауреат Нобелевской премии в области литературы Марио Варгас Льоса, будучи сторонником языко-

вого пуризма, сделал очень смелое предложение: «Нам нужно защищать наш язык, не отгораживаясь от других иностранных языков, а открывая им двери для взаимного обогащения».

Языковая ситуация в Латинской Америке всегда характеризовалась исключительным мультилингвизмом, имеющим как положительные, так и проблемные стороны, которые по отношению к политическим и образовательным программам стали серьезно рассматриваться лишь в последние два десятилетия. Вместе с тем в настоящее время латиноамериканские страны (как Испания) все более утверждают в осознанной необходимости продвигать испанский язык как язык единой культуры (*lengua de cultura común*) из чисто политических соображений.

В современном обществе лингвистическая идеология является реализацией динамичной социальной модели, она всегда «целеориентирована». В США организации испаноязычных иммигрантов требуют ввести билингвальное обучение при поддержке правительств латиноамериканских стран и Испании, экономически заинтересованных в продвижении испанского языка на данной территории.

С другой стороны, будучи в современном государстве неотъемлемой частью культуры, лингвистическая идеология является устойчивым коммуникационным фоном социальных взаимодействий. Нельзя преуменьшать роль лингвистической идеологии в жизни общества, так как на современном этапе она выступает «знаковым фоном» деятельности и, следовательно, позиционируется как элемент повседневной культуры.

Самый яркий пример данному явлению представляет собой SPANGLISH, чей статус далек от своего точного определения, но по крайней мере в специальной литературе известен как некий лингвистический код для носителей испанского языка в США. Интересно, что в настоящее время, по данным опросов, SPANGLISH не только стал своеобразной лингвистической идеологией, но уже позиционируется как неотъемлемая составляющая этнической идентичности испаноговорящих членов американского социума. Нельзя не отметить прозорливость американских политиков, сознательно допу-

сивших такую лингвистическую практику, которая является прямым следствием социально-экономической практики общества – когда государство–реципиент сделало своеобразный шаг навстречу многочисленной испаноязычной диаспоре в знак признания ее многолетнего присутствия и участия в экономической жизни. Сфера рекламы и бизнеса обеспечивает экономическую жизнедеятельность общества, и использование SPANGLISH первоначально было подчинено чисто практическим целям в сфере профессиональной коммуникации. Однако его дальнейшая судьба оказалась очень интересной: в настоящее время SPANGLISH продолжает завоевывать позиции в этническом сознании.

Таким образом, в современном обществе лингвистическая идеология регулирует социальные отношения и в совокупности с лингвистической культурой представляет собой систему образцов мышления и деятельности, поэтому ее необходимо воспринимать как внешний эталон, как предлагаемый способ символического поведения, основанный на многовековой традиции лингвистической практики.

Литература

Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.

Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001.

Лурье, С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. Академический проект, 2005.

Привалова, И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). Монография. М., Гнозис, 2005.

Раевская, М.М. Лингвистическая идеология как важнейшая составляющая этноса культуры. «Материалы международной научно-практической конференции Первые Фирсов-

ские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации, М.: РУДН, 2014.

Шевлякова, Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. М.: Университетская книга, 2011.

Díaz Rojo, J.A. Lengua, cosmovisión y mentalidad nacional. Disponible en internet [http:// Tonos digital](http://Tonosdigital.com): Revista electrónica de estudios filológicos, ISSN-e 1577-6921, №7, 2004.

Domínguez Seco L., *Aproximación interaccional a la conceptualización del habla: las ideologías lingüísticas en Galicia como índice de la diferenciación social*. 2000. Disponible en internet [http:// es.scribd.com/.../Las-ideologias-linguisticas-en-...](http://es.scribd.com/.../Las-ideologias-linguisticas-en-...)

Schiffman, H. Linguistic Culture and Language Policy. London: Routledge, 1996.

Van den Berghe, P. L. The Ethnic Phenomenon. New York, Oxford: Elsevier, 1981.

Zentella, A.C., Othegui, R. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity (Oxford Studies in Sociolinguistics). Oxford: Oxford University Press, 2012.

**LENGUA-LITERATURA Y SU PROYECCIÓN SOCIAL
EN LAS OBRAS DE ONELIO JORGE CARDOSO**

“*La lengua es más vasta que la literatura. Es su origen, su manantial y su condición misma de existencia; sin lengua no habría literatura*” afirma Octavio Paz para señalar que la obra literaria es una expresión de la lengua y sin ella no puede existir (1). El escritor cubano Onelio Jorge Cardoso (1914-1986) en su obra cuentística se preocupó por de la función de la literatura y del arte en general en la sociedad. “El cuentero”, “Los sinsontes” y “Dos álamos” son unos ejemplos representativos, en los cuales el cuentista desenvuelve sus ideas acerca de la importancia y necesidad de la literatura y del arte para el ser humano y para la sociedad en general, sin dejar de criticar a todos aquellos que utilizan su creación literaria solo para beneficio propio.

Onelio Jorge Cardoso, en una entrevista con el título “La obra literaria se construye en esencia de realidades”, hablando de su propia experiencia en cuanto a la esencia de la obra literaria, señala:

“Yo solo uso como fuente de información los recuerdos y mis propias vivencias. [...] mis relatos, como lienzos, habían recogido las imágenes puestas delante de mí. [...] Sin embargo, no quiero decir que mis narraciones sean reproducciones, porque entonces dejarían de ser una literatura interpretativa de la problemática social de una época” [...] (1985: 393-34).

En estas afirmaciones se nota que el escritor en sus cuentos ficcionaliza la realidad inmediata y utiliza como fuente de inspiración el contexto histórico y social de la época en la que le tocó vivir, sin descuidar las cualidades estéticas de la literatura y el balance armónico entre forma y contenido. De esta manera se aclara que hay una relación estrecha entre literatura y entorno social: la literatura parte de él y al mismo tiempo es necesaria para él.

Otros escritores comparten opiniones parecidas. Juan Rulfo remarca que la obra literaria “*es mentira; pero de esa mentira sale una recreación de la realidad; revelar la realidad; es, pues, uno de*

los principios fundamentales de la creación” (1). Así entendida la literatura no es una simple imitación de la realidad, sino la creación de otra realidad en la cual se inserta la perspectiva personal del autor, su punto de vista emocional e ideológico. “*Hay una memoria [...] un submundo acumulado de recuerdos del verdadero mundo [...] cargado de imágenes, de tensiones secretas*”, sostiene Jorge Cardoso precisando sus ideas acerca de la relación escritor – obra – realidad advirtiendo que la literatura debe tener finalidad formadora y educativa para el ser humano (1966: 10). Jorge Cardoso reflexiona sobre esta relación que ha preocupado a los pensadores en todas las culturas empezando desde la antigüedad, cuando Platón (427-347) refiriéndose a la poesía y su impacto sobre el lector, así como a su función en la sociedad declara que la obra literaria -la poesía- debe tener carácter moral y educativo, mientras que Aristóteles (384-322) remarca que el propósito de la literatura –poesía- es causar efectos emocionales y ofrecer placer al público.

Onelio Jorge Cardoso siguiendo las propuestas de los grandes maestros del cuento hispanoamericano, Horacio Quiroga y Juan Bosch entre otros, escoge su temática cuidadosamente; plantea ideas y valores morales y filosóficos relacionados con el entorno social de su época, que benefician al lector, porque como afirma Octavio Paz, “*la misión del escritor es expresar la realidad de su mundo y su gente, es cierto, pero hay que añadir que, más que expresar, el escritor explora su realidad, la suya propia y la de su tiempo. Su exploración comienza y termina con el lenguaje. [...] El poeta y el novelista descifran el habla colectiva y descubre la verdad escondida de aquello que decimos y de aquello que callamos. El escritor dice, literalmente, lo indecible, lo no dicho, lo que nadie quiere o puede decir. De ahí que todas las grandes obras literarias sean cables de alta tensión, no eléctrica sino moral, estética y crítica*” (1).

Desde temprano, el autor cubano, mediante su propia obra cuentística, comenta la función social y económica de la literatura, que se revela como manifestación de la lengua y de la imaginación. Él concibe la capacidad creativa, la expresión, la imaginación como un impulso de liberación y como fuerza para soportar las dificultades

de la vida. Así, en 1944 escribe “El cuentero”, que es una alabanza a la imaginación y al don creativo.

“Una vez hubo un hombre por Mantua o por Sibanicú, que le nombraban Juan Candela y que era de pico fino para contar cosas.

Fue antes de la restricción de la zafra, que se juntaban por esos campos gente de Vueltarriba con gente de Vueltabajo. Yo recuerdo bien a Candela. Era alto, saliente en las cejas espesas, aplanado y largo hacia arriba hasta darse con el pelo oscuro. Tenía los ojos negros y movidos, la boca fácil y la cabeza llena de ríos, de montañas y de hombres” (Jorge Cardoso, 1975: 58).

Con este comienzo, típico del cuento popular “Una vez hubo”, Jorge Cardoso intenta dar valor diacrónico a su narración. Al mismo tiempo, sitúa al lector en un espacio indefinido “*por Mantua o por Sibanicú*” ofreciendo universalidad a los hechos presentados, dado que ellos pueden suceder en cualquier lugar del campo cubano o en cualquier otro lugar de Latinoamérica o del mundo en general. Sus personajes son un grupo de campesinos que trabajan bajo condiciones inhumanas para ganarse la vida y por la noche se reúnen para hablar de asuntos de su vida diaria. Entre ellos está Juan Candela, un personaje especial “*de pico fino para contar cosas*”, que tenía “*la boca fácil y la cabeza llena de ríos, de montañas y de hombres*”, como afirma el narrador heterodiegético, desde las primeras líneas de la diegesis, que con el uso de estas metáforas subraya su capacidad y conciencia creativas (Jorge Cardoso, 1975: 58). Juan Candela, agrega Salvador Arias, “*teje y desteje sus imaginativas urdimbres*”, es una figura arquetípica que representa a todos los narradores anónimos que se encuentran en todas las épocas y en todas las culturas, desde la época de Homero (23).

De este modo los compañeros de Juan, gracias al poder de la lengua de sus narraciones, “*evaden una situación limitante o francamente opresiva para refugiarse en el mundo creado por la imaginación*” (Prado Oropeza 24); escapan de la dura realidad de la vida cotidiana, del trabajo, de las enfermedades y de la pobreza, porque “*uno se ponía bobo escuchándolo [...]. Allí, con vales para la tienda, y el cuerpo doblado con el sol a cuestas todo el día, uno*

llevaba metido dentro, el oído para las cosas que pidieron haber sido y no fueron” (Jorge Cardoso, 1975: 58).

Con estas aclaraciones el autor esfuerza la doble función de la obra literaria: la espiritual y la material/económica. La literatura para Onelio Jorge Cardoso es elemento necesario para una sociedad sana, porque como advierte en el cuento “El caballito blanco”, “*el hombre siempre tiene dos hambres*” (1975: 195).

No obstante las historias de Juan crean desconfianza entre sus compañeros por su nivel de objetividad, mediante la cual Jorge Cardoso hace referencia a la relación de la realidad objetiva y realidad ficticia expresada en la obra literaria. Sin embargo, “*las semillas de las palabras caen en la tierra del silencio y la cubren con una vegetación a veces delirante y otras geométrica*”, por eso lo que triunfa es el poder de la lengua, de la expresión literaria y lo que se expresa por medio de ella (Paz, 1). Por eso también, al final el narrador observa que “*después de comer y en cualquier latitud del mundo no es posible dejar de oír la maravillosa palabra de Juan Candela*” (Jorge Cardoso, 1975: 68), puesto que, como indica uno de los personajes del relato, la literatura “*seguirá en pie*” (Prado Oropeza 33), a pesar de que, como advierte el escritor cubano, “Hay muchas cosas que son y sin embargo no parecen” (Jorge Cardoso, 1975: 67).

Jorge Cardoso además de señalar la legitimidad y la necesidad de la literatura para una vida humana sana y feliz, hace otra valoración del papel de la literatura en la sociedad en varios de sus cuentos, como en “Los sinsontes” y “Dos álamos”. En ambos cuentos hay una crítica a la vanidad intelectual del escritor, que afecta profundamente la función de su obra, especialmente en lo que respecta a la relación hablante-público.

En “Los sinsontes”, el protagonista Pepe Lesmes tiene la capacidad de la creación literaria, pero le falta “*la integridad moral de Juan Candela*” (Prado Oropeza 34) y la concepción correcta de la esencia del arte que es transformar positivamente el mundo material y espiritual del hombre. Él cuenta relatos a su público; pero no para ofrecer algo, sino para satisfacerse a sí mismo a través de su gran capacidad creadora:

“También le gustaba oírse, facultad esta que es de pájaros y poetas, porque usted ve un sinsonte clavado ahí en la rama de un ocuje cantándole sus lindezas al viento y vaya a creer que solo lo hace por celebrar la mañana. No, también lo hace porque lo oigan, por bañarse con su canto como hacen los gorriones con el polvo de los ciscos en las carboneras” (Jorge Cardoso, 1975: 265).

Por eso sus oyentes se apartan de él, causando un rompimiento entre emisor-receptor. No obstante, la vanidad de Pepe Lesmes es tan exagerada que, en vez de mirarse a sí mismo y reevaluar sus principios respecto al arte, huye buscando una salida fácil. Se aprovecha de la curiosidad y del espíritu chismoso de su público para contar mentiras e infamias sobre una pobre mujer solamente con el propósito de atraer a sus oyentes y sentirse aplaudido por ellos: *“Y habló. Le sacó la risa a la gente y los tuvo a todos bajo su palabra [...]. Y lo malo no era que hablaba, sino el relleno que le ponía a sus demonios”* (Jorge Cardoso, 1975: 265). En este caso el escritor representa un papel negativo para su público, que, en vez de construir, destruye, por la falta de ética que caracteriza su obra. Así, la mujer de quien habló mal Pepe Lesmes, terminó con su vida, y él, dándose cuenta de las consecuencias destructivas de sus palabras, se vio obligado a desaparecer del pueblo.

“Dos álamos” es otro cuento de Jorge Cardoso en el cual el escritor critica la responsabilidad del artista hacia el público y su ética. En esta obra el protagonista tiene oficio literario; es un poeta. Desde las primeras líneas el autor le presenta con una capacidad limitada de imaginación y una vanidad ridícula que empieza a notarse a través de la descripción del paisaje que ofrece el protagonista:

“Lo primero que vio el flamboyán estallante de rojo en el fondo del potrero y enseguida sintió que acudía la imagen precisa: “un clavel”, se dijo, y sonrió [...].

Entre el flamboyán y él había muchas cosas más cercanas que ver. [...] Pero se podía jugar con la imaginación. Era casi un hábito y mejor que un hábito, su puro oficio. Así pues, nadie pudo evitar que analizara a su antojo el paisaje.

Y por eso empezó a ver el mundo como le daba su gusto de verlo. De la yunta ya no era negro el uno y el otro de azafrán, sino ambos de los mezclados colores del flamboyán. Además, les salían flores y frutos de los cuernos y al hombre, en lugar de sus brazos, dos alas largas pendientes de la manquera". (Jorge Cardoso, 1975: 296)

Los pensamientos y el monólogo interior del protagonista muestran la discriminación y el elitismo que caracterizan todo por el exclusivo valor intelectual. Además, la historia imaginada por éste presenta a un ser humano sin sensibilidad que "lo miraba todo con ojos que no entendían". Se porta como un mero comerciante, calculador y vulgar, que es otra afirmación de estas características negativas suyas. (Jorge Cardoso, 1975: 297)

En "Dos álamos" Jorge Cardoso satiriza al artista que convierte su ego artístico en centro de todo, menospreciando todo aquello que no es intelectual, y es incapaz de manejar la relación imaginación – realidad, limitándose solamente al empleo de su imaginación para escapar de la realidad. El protagonista anónimo de este cuento, que regresa a su pueblo en tren, se siente importante y superior a los otros pasajeros por sus cualidades artísticas, que en realidad son limitadas y de poco valor.

Concluyendo, notamos que en la obra cardosiana, en lo que respecta a la función social de la literatura, se señala que la obra literaria es tan útil como cualquier otra expresión artística para la comunidad humana, y que dicha obra, además de entretener y divertir, sirve como instrumento para educar y concientizar a su receptor acerca de los problemas de la realidad espacio temporal en la que vive, dado que la literatura, gracias a la imaginación, "*abre en este mundo su dimensión oculta: el horizonte nuevo, ajeno a la limitante realidad*" (Prado Oropeza 31). Por otro lado, la obra literaria debe tener un equilibrio entre valores estéticos e ideas y una relación armónica entre realidad e imaginación para poder lograr una alta calidad artística.

Bibliografía

Arias, S. Onelio Jorge Cardoso y el cuento popular // Coloquio sobre la cuentística de Onelio Jorge Cardoso. La Habana: Ediciones Unión, 1983. P. 23-27.

Jorge Cardoso, O. A manera de prólogo // Iba caminando. La Habana: Ediciones Granma, 1966.

Jorge Cardoso, O. Cuentos. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1975.

Jorge Cardoso, O. La obra literaria se construye en esencia de realidades // Quienes escriben en Cuba. Bernard, Jorge L. y Juan, A. Pola (ed.). La Habana: Editorial Letras Cubanas, 1985. P. 93-94.

Paz, O. Nuestra lengua. Ponencia en el I Congreso Internacional de la lengua (Zacatecas), 1997 // [http://congresosdela-lengua.es/zacatecas/ inauguracion/paz.htm](http://congresosdela-lengua.es/zacatecas/inauguracion/paz.htm)

Prada Opopeza, R. Poética y liberación en la narrativa de Onelio Jorge Cardoso. Xalapa: Universidad Veracruzana, Instituto de Investigaciones Lingüístico – Literarias, 1988.

Rulfo, J. El desafío de la realidad. 1-4 // <http://www.ciudadseva.com/textos/teoria/opin/rulfo1.htm>

**ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ РУССКО-ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ИЗДАНИЯХ «ЦЕНТРА КНИГИ РУДОМИНО»**

Дорогие друзья, коллеги, гости!

Для меня большая честь присутствовать и выступать сегодня здесь перед Вами. Большое спасибо всем предыдущим ораторам за замечательные доклады и отдельное спасибо Институту Сервантеса и господину Де Сагара за приглашение на это замечательное и, несомненно, очень важное мероприятие.

Наш форум посвящен месту испанского языка в современном мире. Сегодня мы услышали множество статистических сведений и отчетов, подтверждающих, что позиции и значение испанского языка постоянно крепнут. И действительно сегодня сложно представить себе какую-либо сферу – экономическую, политическую, финансовую, в которой знание испанского языка не являлось бы одним из ключевых условий успешного взаимодействия и сотрудничества.

Однако я бы хотел говорить о языке как о культурном феномене, способном на своем уровне оказывать не меньшее, чем на уровне политическом и экономическом, влияние на развитие международных отношений. Я хотел бы рассказать о практическом методе популяризации языка и через него – культуры, с которым мне пришлось столкнуться.

Так сложилось, что по роду своей деятельности я постоянно связан с языком. Я работаю в издательстве при Библиотеке иностранной литературы в Москве, и труд мой посвящен созданию книг, а книга, несомненно, является одним из важнейших инструментов развития и функционирования языка, а также развития межкультурных контактов между разными странами, языками и литературами.

Библиотека иностранной литературы всегда была площадкой диалога различных культур. Сейчас в Библиотеке успешно сосуществуют несколько культурных центров – Великобритании, Голландии, Японии, Болгарии, Ирана, Азербайджана.

Пожалуй, трудно себе представить другую такую организацию, способную объединить под своей крышей столько стран.

Издательскую деятельность Библиотека иностранной литературы ведет довольно давно – почти с момента своего основания. Регулярно готовились и издавались специализированные методические издания, библиографии и справочники – некоторые из них выходят и по сей день.

В 1990 г. при Библиотеке было создано издательство «Рудомино», и количество публикуемых книг серьезно выросло, как и спектр литературных жанров. Многие книги, повествующие о бытовании определенных писателей и культур в России, были подготовлены совместно с Научно-библиографическим отделом. Книги о Петрарке, В. Незвале, Бальзаке, Ибсене, Вольтере и др. получили признание российских читателей и специалистов. К сожалению, в 2000-х годах издательство «Рудомино» вынужденно закрылось. Однако его дело и традиции подхватил Редакционно-издательский отдел, который был сформирован в 2007 г., и позднее – Издательство «Центр книги Рудомино», официально учрежденное в 2008 году.

Сегодня «Центр книги Рудомино» публикует самые разнообразные произведения – художественную иностранную литературу, русскую классику, книги признанных философов и теологов, продолжает традиционные серии библиографических изданий, каталогов и работ, посвященных месту иностранных писателей в российской культуре. Особо хочется отметить билингвальные издания русской и иностранной литературы, а также своеобразные «национальные» литературные серии – словенскую, болгарскую, швейцарскую, македонскую и др., которые пользуются успехом в читающих кругах.

Большая часть изданий Центра принимает участие в программе «Большое чтение», а также программе «Экслибрис». В рамках этих программ книги попадают в региональные библиотеки, где потом проводятся специальные мероприятия, презентации, встречи с писателями и переводчиками, – все для повышения престижа чтения и воспитания любви к печатному слову. Именно такие простые действия, как ни

странно, оказываются наиболее результативными. После того, как человек участвовал в чем-то увлекательном, необычном, ему, скорее всего, действительно захочется взять в руки книгу и прочесть ее.

Программа «Большое чтение» проводится с 2008 года. За это время к нам присоединилось множество партнеров: более 30 российских регионов и городов, но также и партнеры за пределами нашей страны. Одна из наиболее ценных и любимых дружеских организаций – это, конечно, Институт Сервантеса. Вместе с Институтом мы выпустили уже 10 книг, и не собираемся на этом останавливаться. Основной смысл и цель данной литературной серии – рассказать и представить испанскую культуру и литературу российскому читателю и, наоборот, русскую культуру читателю испанскому.

Первыми ласточками в этой серии стали книги Федерико Гарсиа Лорки и Афанасия Фета. В книге Лорки была представлена его проза, статьи и заметки о культуре Испании в переводе мэтров отечественной школы перевода Анатолия Гелескула и Натальи Малиновской. В книгу же Фета вошли его стихотворения в переводе на испанский, выполненные славистом, специалистом по русской литературе и культуре Хоакином Торкемадой Санчесом. Стоит отметить, что в этой книге тексты представлены как на русском, так и на испанском языке, они параллельны, что, на мой взгляд, является настоящим подарком для тех, кто изучает русский язык за рубежом, поскольку в случае параллельности читатель имеет уникальную возможность непосредственно сравнить оба текста – увидеть работу переводчика, прочувствовать стиль автора и понять выбор тех или иных слов. Именно поэтому такие книги очень востребованы за границей; я знаю, что они представлены во многих Российских центрах науки и культуры именно как подспорье для изучающих русский язык.

Среди следующих проектов можно назвать книгу «Испанские мотивы в русской поэзии XX века», в которую вошли стихотворения русских поэтов, так или иначе связанные с Испанией; книгу «Русские в Испании», рассказывающую о

русских путешественниках, посещавших Иберийский полуостров начиная с XVII в. и уже тогда понимавших, что мы многому можем научиться у испанцев и испанской культуры; книгу «Испанский квадрат», в которую вошли четыре современных испанских пьесы, в том числе нашумевший «Метод Гронхольма» (пьеса с успехом шла в Москве); большую антологию переводов мэтра Анатолия Гелескула – настоящий золотой срез испаноязычной поэзии разных эпох; восхитительный сборник испанских народных сказок в переводе Натальи Малиновской, Натальи Ванханен и Бориса Дубина; письма Хулио Кортасара в переводе Эллы Брагинской.

Любопытно, что когда мы готовили книгу испанских сказок, оказалось, что многие сюжеты, несмотря на безусловный испанский колорит, явно перекликаются не только со сказками других европейских стран, но и с так хорошо знакомыми русскому читателю традиционными фольклорными историями нашей страны, что в очередной раз свидетельствует о близости наших культур и ширине литературного и культурного пространства, в котором мы живем.

Совсем недавно вышла уникальная книга, посвященная Кадисской конституции 1812 года. Этот важнейший для испанской истории и культуры документ представлен в виде уникальных, доселе не публиковавшихся факсимильных воспроизведений конституции. В книгу также вошли документы, свидетельствующие о бытовании Кадисской конституции в России – императорские декреты, российско-испанский союзный договор, письма декабристов, статьи известных историков и юристов.

Ну и, наконец, настоящим подарком всем любителям Испании, испанского языка и культуры станет книга Натальи Малиновской «Тема с вариациями», посвященная стране, с которой автор связала всю свою жизнь.

В общем, выпуская все это многообразие литературы, мы, прежде всего, хотели подчеркнуть не только глубину и богатство испанской и русской культуры, но и их взаимосвязь и взаимопроникновение в самых разных аспектах и на самых

разных уровнях жизни. Мы хотели показать, как много у нас есть общего и в то же время сколь многому мы можем друг у друга научиться. Например, мы в Библиотеке с удовольствием переняли замечательный праздник, проходящий в Испании с необыкновенным размахом, а именно – международный день книги. Теперь 23 апреля каждому посетителю библиотеки мы дарим книгу и розу. Большое спасибо нашим испанским друзьям и коллегам за эту замечательную традицию и за ту поддержку, которую они оказывают Библиотеке и нашему издательству, а также за понимание необходимости диалога не только на политическом, но и на культурном уровне. Мы очень надеемся, что и в дальнейшем наше плодотворное сотрудничество в области продвижения русской и испанской культуры и русского и испанского языка продолжится и принесет еще множество замечательных плодов.

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
В РАЗВИТИИ КОЛУМБИЙСКОГО ВАРИАНТА
ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

Автор разделяет точку зрения большинства авторитетных специалистов¹ и определяет социолингвистический статус испанского языка в различных странах Латинской Америки как национальные варианты, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, однако приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности².

Национальные варианты рассматриваются в качестве подсистем более высокого уровня по сравнению с диалектами и могут иметь собственные диалектальные разновидности. Эти утверждения в полной мере соответствуют и испанскому языку, обособившемуся от иберийского оригинала и получившему широкое распространение за пределами Пиренейского полуострова, прежде всего в Латинской Америке. Основная дифференциация местных национальных разновидностей испанского языка в значительной степени определяется расхождениями в области словарного состава³.

Как справедливо утверждала известный российский филолог-романист Наталия Михайловна Фирсова, для успешного осмысления функционирования испанского языка в этом регионе и для развития междисциплинарных направлений необходимо проводить специальные исследования в рамках *отдельных* латиноамериканских государств с последующим сопоставительным анализом⁴.

Огромное влияние на развитие языка оказывают экстралингвистические факторы, относящиеся к социальной, культурной, религиозной и политической истории народа, важность которых неоднократно подчеркивали корифеи отечественной романистики Владимир Федорович Шишмарев, Георгий Владимирович Степанов, Наталия Михайловна Фирсова, Вадим

Павлович Григорьев, Валерий Алексеевич Иовенко и другие⁵. Об опасности недооценки экстралингвистических факторов при переводе неоднократно писала Зинаида Давыдовна Львовская⁶.

С учетом вышеупомянутых факторов на протяжении второй половины прошлого столетия окончательно сформировалась социолингвистика – особая научная дисциплина, образовавшаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества⁷.

Коммуникативные средства, используемые различными социальными группами, помогают определить профессиональную принадлежность, уровень образования и доходов, место происхождения или проживания и т.д. На наш взгляд, активизация политических процессов, обострение политического противостояния и соперничества, которые находят отражение в дискурсе лидеров, организаций, партий и движений, свидетельствуют об отпочковании или формировании еще одной смежной дисциплины – *политической лингвистики*, поскольку анализ языка конкретного деятеля или партии позволяет безошибочно определить не только их политическую принадлежность и взгляды, но и программные установки в сфере внутренней и внешней политики. Это замечание в равной мере относится и к языку печатных и электронных СМИ.

Данная статья посвящена лексическим особенностям колумбийского варианта испанского языка, в первую очередь неологизмам, связанным с изменениями в социальной и политической ситуации страны. В качестве источников использовались современная художественная литература, научные монографии и статьи, электронные и печатные средства массовой информации и личные наблюдения автора во время его пребывания в Колумбии.

Для этой латиноамериканской страны характерен целый ряд парадоксов и противоречий общественного развития. В отличие от большинства государств региона здесь практически не было военных диктатур, это – одна из самых старых и устойчивых демократий континента. Тем не менее политическая культура страны в значительной мере определяется непрекращающейся волной насилия. Оно настолько многолико, а его формы так переплетены, что нередко трудно понять, где причины, а где следствие того или иного явления. Источниками насилия являются леворадикальные Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC) и Армия национального освобождения (ELN), «эскадроны смерти» и ультраправые вооруженные формирования из расформированной Объединенной самообороны Колумбии (AUC), связанные и не связанные с наркомафией уголовные преступники. Много злоупотреблений допускают и силы правопорядка, превышающие свои полномочия во время антитеррористических операций⁸.

Разгул насилия способствовал созданию типично колумбийской отрасли политической социологии – *виолентологии*. В сфере языка это нашло отражение в появлении многочисленных неологизмов или изменении значения лексических единиц, чаще всего не зафиксированных в существующих словарях:

sicario – наемный убийца-подросток,
territorialidad – район, контролируемый одной бандой,
calibrar – оценить,
jauría – небольшая банда,
atraco – разбойное нападение,
muñeco – труп.

Слова и выражения из криминальной лексики пополняют молодежный сленг и проникают в обычный разговорный язык:

fierro – револьвер («пушка», «ствол»),
changón – обрез,
abalear, tumbar, despachar, bajar, quebrar – убить (прикончить),
balín – дробь или пуля малого калибра,
plomazo – ранение,

abrirse – «слинять», *bajar la billetera* – вырвать бумажник,
encender la bala – выстрелить,
culebra – кровная месть,
anfiteatro – морг,
peces milagrosos – «золотые рыбки» (состоятельные граждане, имеющие при себе много наличности),
paseo millonario – доходная операция по пополнению финансовых ресурсов за счет вымогательства и т.д.

С наркомафией и наркотрафиком связаны:
sapo – средний наркоторговец,
mula – перевозчик наркотиков,
basuco y perica – разновидности кокаина,
maracachafa – марихуана,
sacol – галлюциногенный клей,
ventanilla siniestra – банк, отмывающий незаконные средства;
lavanderia – отмывание денег,
drogas ilicitas – наркотики (*drogas* – в Колумбии обычные медикаменты).

В результате деятельности леворадикальных военно-политических организаций появилась *Farclandia* – территория, контролировавшаяся FARC (генштаб партизан называется *Casa Verde*, а зона, из которой выведены правительственные войска – *despeje*), самих партизан называют *farianos* или *chusmeros*. Ультраправые военизированные формирования получили название *paramilitares* (*paras, paracos*), скандалы, вызванные разоблачением связей с ними ряда известных политиков – *parapolitica*. Силы правопорядка пытаются окружить партизан и заставить их сдаться (*acorrallar*), а для улучшения статистики убивают предварительно переодетых в униформу выходцев из бедных семей (*falsos positivos*).

Взаимоисключающая оценка тех или иных явлений и процессов привела к возникновению синонимичных концептов:

guerra civil – гражданская война;
conflicto interno – внутренний вооруженный конфликт;
contrainsurgente – противоповстанческий;
antiterrorista – антитеррористический;

guerrilla – партизанские отряды;
insurgencia armada – вооруженные повстанцы;
bandas terroristas – террористические банды;
uniformados, fuerza pública – силовые структуры;
esbirros – шпики, сыщики;
subversión – подрывные элементы;
resistencia – сопротивление;
extorsión – вымогательство;
impuesto revolucionario – революционный налог;
frente revolucionario – революционный фронт;
grupo narcoterrorista – террористическая группировка, занимающаяся торговлей наркотиками;
ayuda norteamericana – американская помощь,
ingerencia imperialista – империалистическое вмешательство и т.д.

Для понимания многих колумбийских политических реалий необходимы фоновые знания, учитывающие особенности истории, политического устройства и функционирования политической системы. В данном случае многие слова приобретают иное значение, не зафиксированное в других национальных вариантах испанского языка, нередко имеет место метафорический перенос⁹. Так, испанский зооморфизм *mico* (маленькая обезьяна) в Колумбии означает закон, принятый без предварительного обсуждения, а *narcómico* – этот же закон, пролоббированный наркомафией; *mermelada* (варенье) – синекуру или высокооплачиваемую работу, полученную в знак благодарности за требуемые итоги голосования или за другие услуги (во время одной из акций протеста демонстранты несли плакат ¡*Mermelada para todos!*). Определенные трудности при переводе могут вызвать:

almendrón de la agenda –ключевой вопрос повестки дня (досл. миндаль),

maquinaria aceitada de la Registraduría –хорошо отлаженная работа избирательной комиссии,

el chicharrón del proceso de paz –крайне острые (горячие) мирные переговоры (досл. шкварка),

el pacto social es un conejo del gobierno – призыв к социальному миру представляет очередную уловку правительства (досл. кролик) и т.д.

Особенно ярко многие явления политической лингвистики проявились во время избирательной кампании 2014 г., которая началась накануне парламентских выборов 9 марта и достигла своего апогея между первым (24 мая) и вторым турами (15 июня) борьбы за президентское кресло¹⁰. В этот период в колумбийской прессе появился целый ряд неологизмов, понять которые невозможно без знания экстралингвистических факторов. Поскольку наибольшей популярностью среди электората пользовались представители правоцентристов (действующий президент Хуан Мануэль Сантос) и кандидат правых (Оскар Иван Сулуага), оба в какой-то мере представлявшие политический истеблишмент, СМИ отмечали нереальность победы третьей политической силы (*no ha surgido la tercera*). Только колумбийскому читателю известны *JJ* (возглавлявший избирательный штаб Сантоса политтехнолог Хуан Хосе Рендон (*J.J. Rendón*), якобы получивший в свое время от наркомафии 12 млн долл. за лоббирование запрета экстрадиции преступников в США) и *hacker* (работавший на Сулуагу Андрес Сепульведа, взломавший секретную переписку президента). Электоральная терминология обогатилась неологизмами:

tarjetón – избирательный бюллетень,

cubiletero – обманывающий избирателей политик-популист (досл. игрок в кости),

manzanillo – политик-интриган (досл. особый сорт маслины),

cedulados – зарегистрированные избиратели (получившие соответствующее удостоверение) и т.д.

Поскольку экономическая программа основных кандидатов отличалась лишь незначительными нюансами, основные разногласия сводились к отношению к внутреннему вооруженному конфликту и к политическому кризису в Венесуэле. Президент Х.М. Сантос, переизбранный в конечном счете на второй срок, не исключает политического решения вооруженного конфликта и выступает за сохранение дружеских отношений с

соседней страной, несмотря на идеологические и политические различия, в то время как его оппонент высказывался за подавление герильи и выступал с резкой критикой внутренней и внешней политики венесуэльского правительства Николаса Мадуро. Эта разница в подходах отразилась и на политическом дискурсе кандидатов и их сторонников. Так, Х.М. Сантос говорил о вооруженном конфликте (*conflicto armado*), примирении (*reconciliación*) и страстном желании к миру (*ansiada paz*), а участников вооруженной оппозиции называл противником, с которым необходимо договариваться (*contraparte, con la cual hay que pactar*). Напротив, О.И. Сулуага призывал к ожесточенной борьбе с наркотерроризмом (*fiera guerra contra el narcoterrorismo*) и определял герилью как наркокартель, стремящийся разрушить Колумбию под прикрытием «социализма XXI в.» (*narcocartel que pretende destruir a Colombia con el disfraz del socialismo del siglo XXI*), а мирные переговоры в Гаване – как переливание из пустого в порожнее под недремлющим оком кубинских советников (*gestatorio habanero bajo la pupila de asesores cubanos*). В то время как действующий глава государства заявлял, что соседние страны должны жить в добрососедстве и сохранять братские отношения (*buena vecindad y hermandad condenada*), его оппонент обвинял руководство Венесуэлы в правительственном терроризме и оказании помощи колумбийской герилье, называемой коммунистической и чавистской (*guerrilla comunista y chavista*).

Многие лингвисты и переводчики указывали на адъективную тенденцию испанского языка¹¹, что характерно и для колумбийского варианта (*uribista, santista, chavista, etc.*), при этом прилагательные, образованные от имен собственных, могут носить оценочный характер. Так, сторонники Фиделя Кастро называются *fidelistas*, в то время как прилагательное *castrista* имеет негативную коннотацию – *régimen castrista*. В то время как в самой Венесуэле прилагательное *chavista* (последователь Уго Чавеса) нейтрально, в Колумбии оно имеет негативную окраску.

Распад социалистической системы и снижение популярности идей социализма вызвало появление таких фразеологических оборотов, как *andar más en bancarrota que el comunismo* или *estar más en bancarrota que Marx* (полностью разориться) и т.д.

Устойчивые католические традиции способствуют:

– более широкому, по сравнению с другими испаноязычными странами, использованию библейской и церковной лексики:

misericordia – милосердие, сострадание,

mano caritativa – благотворительность (рука дающего),

matusalénico – древний (от имени библейского долгожителя

Мафусаила),

antediluvianiano – допотопный,

lógica divina – божественная логика,

demonios interiores, cristiano común y corriente – обычный

человек;

– возникновению фразеологизмов:

Dios libre y grande, Cristo agotado, Cristo caído, Cristo crucificado, abrir brazos en cruz, por la verdad murió Cristo,

marcar cruces – отдать Богу душу,

tener el alma partida – сердце разрывается,

decir el milagro callando el santo – рассказать о происше-

ствии, не выдавая его участников;

– появлению новых значений слов:

escapulario – оберег,

peregrinación – поездка,

éxodo – прогулка,

desensotantar – разоблачать,

incienso – марихуана,

catecismo – широко известный факт.

На лексических особенностях колумбийского варианта испанского языка отразились и социальные проблемы страны:

comunas – трущобы (первоначально строились коллективно выходцами из одной деревни),

gamines – беспризорники,

carretillero – старьевщик,

granero – лотошник.

Детей из благополучных семей называют *hijos del papá, jai, jailoso*, жертв финансовой пирамиды – *demegistas* (аббревиатура от инициалов сбежавшего за рубеж организатора пирамид Давида Мурсиа Гусмана), собственные становятся нарицательными (*transmilenio* – сеть скоростных автобусов).

Ономастика в определенной степени позволяет судить о социальном происхождении и даже о политических убеждениях: детям из бедных семей в надежде вытащить их из нищеты родители часто дают экзотичные для Колумбии имена: *Eder, Wilson, Wilfer, Rommel, Yeison*, сторонники левых взглядов – *Lenin, Stalin, Ivan, Vladimir, Fidel*.

Особенности колумбийской системы образования могут привести к «ложным друзьям переводчика»:

colegio – средняя школа, а не колледж;

bachiller – выпускник средней школы, а не бакалавр;

pregrado – высшее, а не довузовское образование;

maestría – магистратура, а не мастерство;

doctorado – аспирантура, а не докторантура, и *doctorando* – соответственно аспирант.

Ряд лексических особенностей колумбийского варианта испанского языка ассоциируется с типичной для страны фауной и флорой:

cotorra – болтун (досл. попугай);

tirar a langostas con escopeta – стрелять из пушки по воробьям и т.д.

Для молодежной субкультуры и частично для разговорной речи характерно широкое использование неологизмов:

punkero, metalero, rosca – попойка;

pelao – пацан и т.д.

Знание колумбийских реалий (фоновые знания) имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку даже при свободном владении классическим вариантом испанского языка без хорошей страноведческой подготовки и владения экстралингвистическими реалиями той или иной страны невозможно адекватное понимание устной и письменной речи и сохранение стилистических особенностей при переводе.

- ¹ Г.В. Степанова, Н.М. Фирсовой, Н.Ф. Михеевой и др.
- ² Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М.: УРСС, 2004. С. 7; Фирсова Н.М. Испанский язык в странах Латинской Америки. Колумбия. Эквадор. Пуэрто-Рико // Фирсова Н.М. Избранные труды. Т. 2. М.: РУДН, 2009. С. 413; Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. М.: АПКИ-ПРО, 2003. С. 166-167 и другие.
- ³ Степанов Г.В. Указ. соч. С. 187.
- ⁴ Фирсова Н.М. Указ. соч. С. 25.
- ⁵ Шишмарев В.Ф. Очерки по истории языков Испании. М.: УРСС, 2010; Степанов Г.В. Указ. соч.; Фирсова Н.М. Указ. соч. С. 51; Григорьев В.П. История испанского языка. М.: УРСС, 2006. С. 5; Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. М.: МГИМО – Университет, 2013. С. 179-180.
- ⁶ Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. М.: УРСС, 2008. С. 15.
- ⁷ Хухуни Г.Т. Предмет и задачи социолингвистики. Национальный язык и его дифференциации // Лингвист – XXI. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2008. С. 5.
- ⁸ См. подробнее: Ивановский З.В. Колумбия: государство и вооруженная оппозиция // Латиноамериканский альманах. 2011. №11. С. 234-258.
- ⁹ Журавлева Е.В. Газетный текст в национально-культурном аспекте // Актуальные проблемы современного языкознания. М.: РУДН, 2009. С. 58.
- ¹⁰ См. подробнее: Ивановский З.В. Колумбия: политическая панорама после парламентских выборов // www.ilagan.ru/?n=921; Ивановский З.В. Президентские выборы в Колумбии: каким будет новый президент и его курс? // russiancouncil.ru/inner/?id_4=3856#top
- ¹¹ См. напр.: Иовенко В.А. Указ. соч. С. 95.

Литература

- Americanismos. Diccionario ilustrado. Barcelona: Sopena, 1982. 670 p.
- Breve diccionario de colombianismos. Bogotá: Academia Colombiana de la Lengua, 2012. 124 p.

El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal. Bogotá, 1982.

Parapolítica. Bogotá: Corporación Nuevo Arcoiris, 2007. 472 p.

Montes Giraldo, J.J. Motivación y creación léxica en el español de Colombia. Bogotá, 1960.

Montoya, R. Diccionario comentado del español actual en Colombia. Bogotá: Párrafo, 2006. 356 p.

Santos, J.M. Jaque al terror. Bogotá: Planeta, 2009. 348 p.

Situación lingüística en América Latina. Moscú: ILA ACR, 2003. 162 p.

Быкова, И.А. Межвариантная специфика испанского языка как категория пресуппозиций акта коммуникации //Актуальные проблемы современного языкознания. М.: РУДН, 2009. С. 16-24.

Григорьев, В.П. История испанского языка. М.: УРСС, 2009. С. 178.

Журавлева, Е.В. Газетный текст в национально-культурном аспекте //Актуальные проблемы современного языкознания. М.: РУДН. С. 55 –60.

Ивановский, З.В. Колумбия: государство и гражданское общество. М.: ИЛА РАН, 1997. С. 294.

Ивановский, З.В. Колумбия: государство и вооруженная оппозиция //Латиноамериканский альманах. 2011. №11. С. 234-258.

Ивановский, З.В. Колумбия: от демократической безопасности к демократическому процветанию? //Латинская Америка. 2011. №5. С. 18-38.

Ивановский, З.В. Колумбия: политическая панорама после парламентских выборов // <http://www.ilaran.ru/?n=921>

Ивановский, З.В. Президентские выборы в Колумбии: каким будет новый президент и его курс? // Russian-council.ru/inner/?id_4=3856#top

Ивановский, З.В., Чумакова, М.Л. и др. Колумбия: обнадёживающие перемены. М.: ИЛА РАН, 2010. С. 126.

Иовенко, В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. М.: МГИМО – Университет, 2013. С. 219.

Испанско-русский словарь. Латинская Америка / под ред. Н.М.Фирсовой. М.: Русский язык – Медия, 2004. С. 609.

Львовская, З.Д. Современные проблемы перевода. М.: УРСС, 2008. 224 с.

Михеева, Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. М.: АПКИПРО, 2003. С. 220.

Степанов, Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М.: УРСС, 2004. С. 328.

Фирсова, Н.М. Испанский язык в странах Латинской Америки. Колумбия. Эквадор. Пуэрто-Рико //Фирсова, Н.М. Избранные труды. Т. 2. М.: РУДН, 2009. С. 305-441.

Хухуни, Г.Т. Предмет и задачи социолингвистики. Национальный язык и его дифференциации //Лингвист – XXI. М.: МГИ им. Е.Р.Дашковой, 2008. С. 5-18.

Хухуни, Г.Т., Валуйцева, И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. С. 171.

Чеснокова, О.С. Автостереотипы колумбийцев и межвариантная синонимия // Актуальные проблемы современного языкознания. М.: РУДН, 2009. С. 385-392.

Чеснокова, О.С. Колумбия в мире испанского языка. М.: РУДН, 2011. С. 118.

Шишмарев, В.Ф. Очерки по истории языков Испании. М.: УРСС, 2010. С. 344.

**LENGUA ESPAÑOLA COMO INSTRUMENTO
DE INTERNACIONALIZACIÓN DE LA ENSEÑANZA
Y LA CREACIÓN DE UN ESPACIO EDUCATIVO**

1. Desarrollo:

En el siglo XXI están muy difundidos tales conceptos como la internacionalización del producto educativo y, en general, *la internacionalización* de la educación. Por *internacionalización* en la esfera de la educación se comprende un proceso objetivo de integración del componente internacional en la actividad educativa, científica y social de las universidades, en el cual la oferta de los servicios educativos adquiere un carácter internacional (Knight; Scherba; Yarotskaya). La internacionalización de la educación comprende la preparación de especialistas para la colaboración internacional, con grandes capacidades adaptativas, aptos para competir en el mercado laboral del siglo XXI, así como para abordar su futuro laboral. Estas tendencias sirvieron de base para fomentar un espacio educativo único y para promover los estándares europeos únicos que facilitan la colaboración y la movilidad académica. Se formó así el mercado internacional de la educación, donde las universidades de diferentes países ofrecen sus productos y sus servicios a todos los estudiantes sin límites nacionales.

La internacionalización de la educación tiene las siguientes formas:

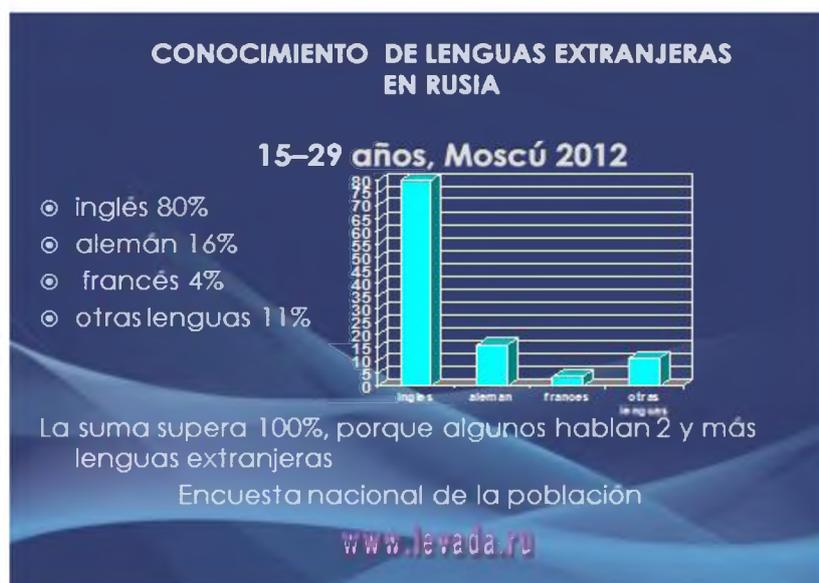
1. Movilidad estudiantil y académica (del profesorado); participación de los alumnos y profesores en el intercambio internacional de conocimientos.

2. Movilidad del producto educativo: programas de estudio transfronterizos, programas de estudio conjuntos, dobles/dos titulaciones y educación postsecundaria transfronteriza.

3. Movilidad institucional, apertura de campus o centros de aprendizaje en el extranjero y formación de alianzas internacionales educativas.

4. Estándares internacionales: certificación, convalidación y reconocimiento de diplomas, de sistema de créditos, evaluación de la calidad de la educación y su garantía (OECD).

La lengua base para la aplicación práctica de la teoría de la internacionalización es el inglés. En inglés reciben educación prestigiosa (en Gran Bretaña y EE.UU.) los jóvenes de muchos países. Rusia es un gran mercado educativo, donde se inicia una dura lucha competitiva por un alumno no sólo a nivel nacional, sino también a nivel internacional, en primer lugar europeo. El conocimiento de la lengua extranjera es una condición básica e imprescindible, sine qua non, para los estudios fuera del país. En el Dibujo 1 está representado el conocimiento de lenguas extranjeras entre los jóvenes moscovitas de 15 a 29 años.

Dib. 1

Como vemos, el español no ha encontrado renglón separado, sino que está presente bajo la denominación “otras lenguas”. Según los estudios realizados por la Cátedra de Sociología de la Universidad Estatal Lingüística de Moscú, la combinación de lenguas que más se requiere en el mercado laboral capitalino es inglés-alemán.

Dib. 2

No obstante, el estudio del mercado laboral realizado en 5 ciudades rusas de más de un millón de habitantes, de las 15 que hay en total, – Moscú, San Petersburgo, Novosibirsk, Ekaterinburgo, Nizhny Nóvgorod – muestra que el conocimiento del español ocupa *el cuarto lugar* en la esfera profesional (Véase Dib. 3).

El nivel de conocimiento de la lengua extranjera que se requiere se distribuye de la forma siguiente: A2 – 5%; B1– 16%; B2 – 19%; C1 – 55%; C2 – 5%, o sea, el nivel de conocimiento de la lengua extranjera que más se requiere en la esfera profesional de Rusia es *C1*.

COMBINACIÓN DE LENGUAS EXTRANJERAS

LA MÁS CORRIENTE ES INGLÉS – ALEMÁN

FUENTE: O. Titkova. Deutschlernen als Zusatzqualifikation in Russland. Ulrich Ammon, Dirk Kemper Die deutsche Sprache in Russland. Geschichte, Gegenwart, Zukunftsperspektiven. IUDICIUM Verlag, München, 2011, S. 200-211

Dib. 3

Según el Censo de Población efectuado en 2010 por Rosstat (Comité de Estadísticas de Rusia), el número de hablantes de español es de 152.147 personas (sin precisar su nivel de competencia lingüística). La presencia de alemán y francés en términos absolutos es muy superior, pero el español es el idioma que ha crecido más en términos relativos desde el Censo de Población de 2002 y muestra un incremento de un 36%.

Este aumento del interés por el español en Rusia está inspirado por el sector turístico, la capacidad de viajar, la inversión inmobiliaria, etc., de la población rusa (Véase Dib. 5). En 2012, la Federación Rusa aportó a España, según los datos de la Embajada de España en Moscú, *más de un millón cien mil turistas*.

El español está compitiendo con el alemán y el francés (el inglés está fuera de toda competencia) no sólo en la esfera profesional (Véase Dib. 3), sino también en la esfera de la formación

reglada, por ser *la segunda lengua extranjera* en la enseñanza media y en la formación universitaria.

ciudadanos rusos con conocimiento de lenguas extranjeras

idioma	Censo de población 2002	Censo de población 2010	Increment./decrem.
alemán	2.895.147	2.069.949	- 28,5%
francés	705.217	616.394	-12,6%
español	111.900	152.147	+ 36%

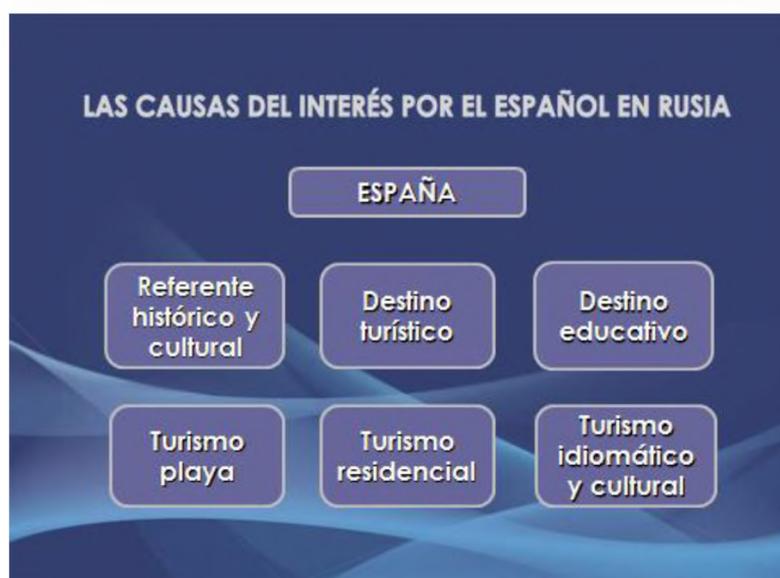
ROSSTAT 2012

Dib. 4

En cuanto al número de alumnos, contamos con los datos de la Agregaduría de Educación de la Embajada de España (2013), relativos a las secciones bilingües y colegios con presencia del español como segunda o tercera lengua extranjera, que cifran el número de estudiantes en torno *a treinta mil*; a su vez, un reciente estudio de campo de la Universidad Estatal Lingüística de Moscú (2013) cifra el número de *estudiantes en la enseñanza media y superior reglada en torno a cincuenta mil*.

Los tres niveles de enseñanza (Véase Dib. 6) tienen un gran potencial en la esfera de la internacionalización. A nivel escolar, están empezándose los contactos entre las escuelas rusas, las escuelas de idiomas y los centros internacionales de español en España. Con frecuencia, se organizan cursos de español para los

períodos vacacionales (enero y junio – agosto) para los alumnos de este nivel.

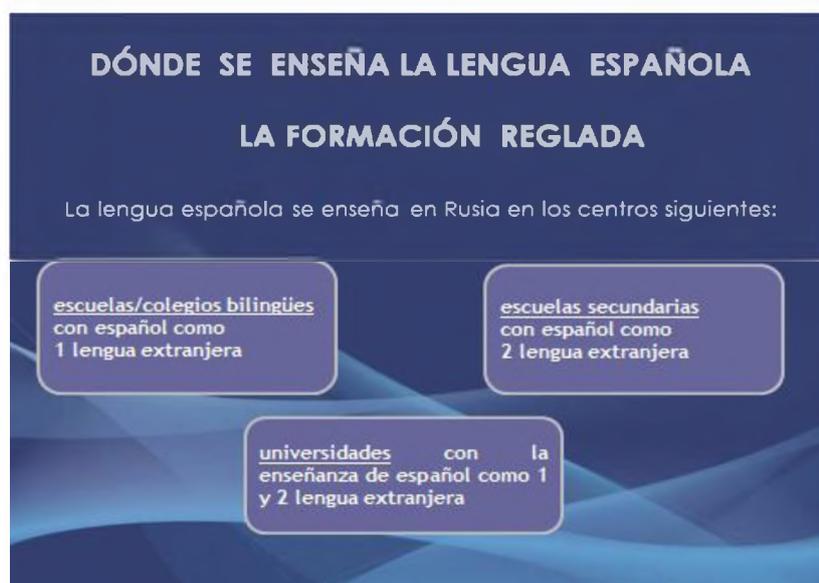

Dib. 5

La principal forma de educación transfronteriza que practican las universidades rusas está en obtener una doble titulación (dos titulaciones) combinando la formación en dos carreras, una de una universidad rusa, y la otra de una universidad europea. Debido a las dificultades de la compatibilidad de los programas de estudio, su reconocimiento es más aceptable para Rusia con dos titulaciones que una doble titulación y más fácil hacerlo para los estudios de postgrado (Máster o Doctorado conjunto) que para un grado. Los postgrados se realizan en titulaciones relacionadas con humanidades, ciencias políticas y sociales, turismo o servicios.

La forma más común que se practica es la llamada *formación integrada* (los llamados *stay abroad*, estancia en el extranjero), es decir, cuando un estudiante puede cursar parte de sus estudios en una

universidad europea. El período más corriente para realizar las clases presenciales en una universidad europea es de 3 meses a 6 meses.

Dib. 6

La política de las universidades rusas está en mandar a las universidades españolas no sólo a los lingüistas para perfeccionar el español, sino también a los alumnos de otras carreras (derecho, económicas, empresariales, relaciones internacionales, relaciones públicas, periodismo, sociología, politología, etc.) a seguir su carrera en la lengua española en una universidad de España o para hacer un máster en España. Hay un gran interés por obtener titulaciones también en ingenierías, medicina y carreras técnicas.

La Asociación de Hispanistas de Rusia (creada en 1992) se ha fijado un ambicioso objetivo que no es sólo contribuir a la difusión

de la lengua española en el territorio de Rusia y los países de la CEI¹, sino garantizar la sostenibilidad de este proceso.

Para ello, el español debe enseñarse como primera y segunda lengua extranjera en las principales universidades de la Federación Rusa. Hasta la fecha, el español se enseña en 50 universidades rusas, principalmente para especialidades lingüísticas (lengua española y literatura; comunicación intercultural; metodología de la enseñanza de idiomas extranjeros; traducción e interpretación). En el Dibujo 7 están representadas las principales ciudades donde se enseña español.

La Asociación se plantea la tarea de contribuir a la difusión de la lengua española en la formación universitaria de especialidades de humanidades (derecho, relaciones internacionales, sociología, ciencias políticas, ciencias económicas, turismo y hostelería, periodismo) y algunas especialidades de perfil diferente a las humanidades (medicina, tecnologías para la protección y la seguridad de la información, transporte ferroviario, construcción ferroviaria, construcción de carreteras, etc.).

El conocimiento de la lengua española permitirá a los estudiantes rusos pensar en *España* como *destino de sus estudios universitarios* (programas de formación, títulos dobles, másteres, etc.) y, en un futuro, crear comunidades (espacios) profesionales, atrayendo a las estructuras españolas de negocio hacia la economía rusa. El español, en este caso, actúa como herramienta de construcción de conocimientos profesionales.

La consecuencia de la difusión de la lengua española en las universidades de Rusia y los países de la CEI será la preparación de maestros de escuela, incluso a nivel regional. Los hispanistas de Rusia están orgullosos de que el español entre en los exámenes de selectividad (junto con el inglés, el francés y el alemán). Mejoran el prestigio de la lengua española las Olimpiadas Nacionales Escolares,

¹ En el IV Congreso de hispanistas de Rusia (Moscú, septiembre de 2013) se creó la Asociación de Hispanistas de los Países del Espacio Postsoviético, donde entraron los hispanistas de Armenia, Bielorrusia, Kazajstán, Moldavia, Rusia y Ucrania.

conocer el sistema de educación y cultura de España no sólo a las instituciones educativas de Rusia, Bielorrusia o Ucrania, donde tradicionalmente se estudia el idioma español, sino también a aquellas donde el idioma español no se estudiaba a pesar de existir un gran deseo de organizar su enseñanza y crear vínculos de colaboración. Como resultado de este trabajo este año (2014), ya empiezan a funcionar los acuerdos bilaterales de movilidad académica entre la Universidad Complutense de Madrid y las siguientes universidades de Kazajstán: Universidad Nacional de Eurasia “L. Gumilev”, Universidad de Relaciones Internacionales y Lenguas Modernas de Kazajstán “Abilay Khan”, Universidad Estatal de Kizil Orda “Korkit Ata”, Universidad Estatal de Kokshetau “Sh. Ualikhanov”, Universidad Estatal de Pavlodar “S. Toraiyirov”, Universidad Estatal de Taraz “M.Kh. Dulati”, Universidad Estatal de Atirau “Kh. Dosmukhamedov”.

A modo de conclusión:

La internacionalización de la educación está en búsqueda de nuevas formas y nuevos motivos. El conocimiento de la lengua española permitirá a los estudiantes rusos pensar en España como destino de sus estudios, como un centro de excelencia en el ámbito de la educación secundaria y superior. Además, el idioma español sirve de instrumento para crear un espacio educativo transnacional, incluso con las universidades del espacio postsoviético.

Bibliografía

1. OECD. Internationalisation and Trade in Higher Education: Opportunities and Challenges // OECD Multilingual Summeries, 2004. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/9604064e5.pdf> (fecha de lectura: 9.11.2014)
2. Knight, J. Internacionalización de la educación superior. URL: http://www.anuies.mx/servicios/d_estrategicos/libros/lib62/1.html (fecha de lectura: 18.10.2014)
3. Scherba, I. V. Movilidad académica de los estudiantes en el período de la internacionalización de la educación superior en Rusia: problemas y perspectivas (en ruso). URL: <http://conf.vgi.volsu.ru..> (fecha de lectura: 9.11.2014). [Щерба, И.В. Академическая

мобильность студентов в период интернационализации высшего образования в России. [Электронный ресурс] // Международная научно-практическая заочная конференция «Интернационализация экономического образования в вузах России». 28 мая – 10 июля 2012 г.].

4. La concepción de la política científica, científico-técnica e innovadora en el sistema de la educación de la Federación Rusa hasta el año 2015. Ministerio de Ciencia y Educación de la FR (en ruso). – URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/do-dokumenty/r9g.htm> (fecha de lectura: 18.10.2014) [Концепция развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года].

5. Yarotskaya, L. V. Fundamentos linguodidácticos de la internacionalización de la preparación profesional del especialista. Tesis Doctoral (en ruso). – Moscú, 2014. [Яроцкая, Л.В. Лингводидактические основы интернационализации профессиональной подготовки специалиста (иностраннный язык, неязыковой вуз). Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. М., 2014].

**ЭКСПАНСИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ:
МИГРАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ
И ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ**

Трансформация системы международных отношений, которую можно наблюдать в начале текущего века, тенденция к формированию полицентричной модели существенно повысили активность стран во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах. Растет число стран, претендующих на региональное лидерство, на усиление позиций в международных организациях, расширяется спектр негосударственных акторов, задействованных в этих процессах.

Активная позиция стран естественным образом ведет к разнообразию набора инструментов, расширяющих границы политического и экономического влияния. В этом ключе все более важную роль начинают играть базовые элементы культуры, к которым относится язык. Язык определяет смысловое наполнение коммуникации, формирует характер идентичности. Владение языком существенно облегчает непосредственное общение, деловую коммуникацию и способствует пониманию культурных моделей, стоящих в основе национального характера.

Распространению языка в мире способствует государственная политика отдельных стран: формируются институты, целями работы которых является развитие программ языкового обучения, продвижение культуры и искусства, поддержка исследований по страновой тематике. Ярким примером может служить плодотворная работа Института Сервантеса в Москве.

Но, рассматривая возможности языка как инструмента «мягкой силы», хочется обратить внимание на другой аспект развития языка, также оказывающего непосредственное воздействие на экономическое развитие и политическую ситуацию в разных странах, продемонстрировать, как язык становится

фактором, самостоятельно влияющим на обозначенные сферы. В современном мире испанский язык является не только инструментом «мягкой силы» конкретного государства. Будучи одним из базовых элементов ибероамериканской цивилизации, он начинает играть важную роль в трансформации культурно-языкового и социально-политического пространства Западного полушария. Особенно ярко это проявляется не только в его экспансии в США, но и внутри самой латиноамериканской цивилизации происходит развитие испанского языка, прежде всего во взаимодействии с Бразилией.

Испанский язык в мировом масштабе

Испанский язык – один из наиболее распространенных европейских языков в мировом масштабе. Если с лингвистической позиции мы обратим внимание на Восточное полушарие, то сможем увидеть фантастическое разнообразие языков в этой части планеты. На таком фоне отчетливо видно, что современная языковая панорама в Западном полушарии была сформирована совершенно другим механизмом, прежде всего, связанным с перемещением людей – миграционным механизмом.

Подавляющее число испаноговорящих проживает за пределами Европы, к ним относятся жители стран Латино-Карибской Америки, а также Экваториальной Гвинеи. По этому показателю сама Испания занимает третье место в мире (46,704 млн человек), уступая Мексике (113,591 млн) и Колумбии (47,093 млн)¹. Согласно демографическим тенденциям, число говорящих по-испански будет продолжать расти, и к 2030 г. они составят 7,5% населения мира. При этом парадоксальным образом существует большая вероятность того, что в 2050 г. США станут страной с крупнейшим в мире испаноязычным населением².

Как видим, современным ареалом распространения испанского языка является Западное полушарие, где продолжают свое развитие интересные процессы его распространения и транс-

формации, связанные как с активным миграционным движением людей, так и с развитием интеграционных проектов.

История стран Западного полушария сложилась таким образом, что на его развитие определяющее воздействие оказали три державы – Испания, Англия и Португалия. Именно языки этих стран определили развитие общей языковой ситуации в данной части света.

Попробуем дать оценку масштаба и соотношения элементов сложившейся языковой композиции. Если смотреть в обобщенном виде, исходя из оценки численности населения стран Западного полушария, говорящих на этих языках, то соотношение будет следующим: численность населения стран, где официальным языком является английский – почти 351 млн человек (США – 316 млн, Канада – 34,8 млн), португальский – 201,5 млн (Бразилия), испанский – 394,6 млн человек (страны Латино-Карибской Америки)³. Мы видим некоторую условную сопоставимость численности ареалов распространения языков, при этом они не находятся в изоляции. Именно испаноязычный мир находится в непосредственном контакте, во взаимодействии с двумя другими лингвистическими пространствами.

Как отмечалось выше, по прогнозам, к 2050 г. США станут страной с крупнейшим в мире испаноязычным населением. Эта радикальная трансформация стала происходить во второй половине XX в., и уже в настоящее время она влияет на многие сферы жизни – культурно-языковую, экономическую и внутривнутриполитическую. И поводом для этого стали последствия процесса массовой миграции из латиноамериканских стран.

Миграция в США: социально-культурные последствия

О каких показателях здесь пойдет речь? Прежде всего – численность испаноязычного населения. На 2014 г. она составляла 49 млн человек, или 15,6% от общей численности⁴. В настоящее время *латинос* являются самой быстрорастущей группой населения Америки, чему способствуют два обстоятельства – с одной стороны, неконтролируемая иммиграция постоянно подпитывает это сообщество, с другой – для них ха-

рактен самый высокий уровень рождаемости в США. В совокупности это сказывается на общем возрастном распределении – на долю лиц в возрасте до 14 лет приходится 30 % – одна треть всех испаноговорящих граждан США⁵. Эта молодая когорта будет оказывать влияние как на показатели рождаемости, так и на общие характеристики рынка труда, на структуры занятости, на активность политического участия.

Тем не менее данную группу, выделенную по языковому признаку, сложно назвать однородной. Она чрезвычайно разнообразна и обладает различным потенциалом взаимодействия с североамериканским социумом. Состав подразделяется, прежде всего, по странам происхождения. Здесь выделяются сообщества мексиканского происхождения (65%), пуэрториканцев (9%), выходцев из Центральной (8%) и Южной Америки (6%), кубинцев (4%), а также из карибских и других стран (8%)⁶. Эти группы имеют отличные друг от друга характеристики и различным образом влияют на формирование восприятия испаноговорящих в США.

Проиллюстрируем данное утверждение. Положение социальной группы в обществе складывается из совокупности характеристик, одной из которых является уровень образования (влияющий в дальнейшем на профессию и уровень дохода). Испаноязычная диаспора, будучи динамично развивающейся в демографическом смысле, в то же время занимает один из нижних пластов социальной структуры по уровню образования. В ряде случаев образование может служить индикатором процессов, происходящих внутри этнических сообществ, так как зависит и от финансового состояния, и от социальной мотивации, и от общего понимания необходимости образования как такового. Для испаноговорящих характерна высокая доля (35,7%) людей старше 25 лет с незаконченным средним (в российской градации) образованием⁷.

Современная ситуация с уровнем образования основной массы испаноязычного населения США во многом является отголоском событий и развития межрасовых и межэтнических отношений начала и середины XX века. Вплоть до 70-х годов

XX в. в образовательной системе США существовал скрытый языковой ценз, когда все образование велось исключительно на английском языке, и плохо говорившие на нем мексиканские и пуэрториканские дети оставались в числе неуспевающих.

Кубинское сообщество стоит особняком в этом ряду, так как специфика этой группы давала возможность обучения в частных католических школах, где испанский язык не был преградой для получения качественного образования. В результате они стали наиболее образованной группой латиноамериканского происхождения: 18% людей старше 25 лет имеют образование уровня бакалавра и еще 8,8% – магистра⁸.

Плохое владение английским языком становилось настоящим препятствием для получения образования. Для детей сельхозрабочих, чьи родители зачастую были необразованными, подобная форма занятости не способствовала мотивации повышения образовательного уровня. Это формировало устойчивый автостереотип пассивного, низкоквалифицированного *латино*.

Ситуация в отношении неравного допуска к образованию для этнических меньшинств начала постепенно меняться только в 60-е годы. Фактическая двуязычность на бытовом уровне и преобладающее использование в обиходе испанского языка требовали нового подхода к образовательному процессу. Таким шагом был отход от доктрины языкового единообразия и признание возможности для представителей языковых меньшинств двуязычного обучения. Ответом на требования стремительно растущего и все более политически активного испаноязычного населения стало принятие в 1968 и 1974 гг. Конгрессом США законов о двуязычном обучении⁹.

Первоначально двуязычное обучение было задумано как средство помощи учащимся, плохо владеющим английским языком, в преодолении трудностей начального этапа обучения. Во второй половине 60-х годов в ряде школ Юго-Запада начали предприниматься попытки обучения «испанских» детей на родном языке, вводиться специальные программы обучения английскому языку. В 70-х годах в результате принятия законов

о двуязычном обучении и под давлением снизу существенно расширилась сама концепция двуязычного обучения – из вспомогательных программ она трансформировалась в изучение языка, культуры и исторического наследия различных меньшинств США. Вместе с этим значительно увеличились и масштабы двуязычного обучения: если в 1969 г. оно охватывало 25 тыс. учащихся, то в 1980 г. – 500 тыс.¹⁰

Помимо предоставления помощи в изучении школьных программ и возможности изучать культуру и историю своего народа на родном языке, Закон 1968 г. о двуязычном обучении предусматривал предоставление финансовой и другой помощи местным органам просвещения для проведения программ двуязычного обучения. Принятый в дополнение к нему Закон 1974 г. предусматривал меры по подготовке преподавательских и административных кадров для нужд двуязычного обучения, а также создание в Министерстве здравоохранения, образования и социальных услуг специальных подразделений, призванных заниматься проблемами испаноязычных американцев.

Насколько подобная практика была эффективной? Есть разные точки зрения. С одной стороны, дети имели возможность получить базовые знания, это было прогрессивным шагом. Однако образование более высокого уровня велось на английском языке, и отсутствие навыка восприятия предмета на этом языке тормозило возможность дальнейшего развития.

Массовая миграция латиноамериканцев в США привела к тому, что на территории Юго-Западных штатов испанский язык постепенно приобрел официальный статус. Это официальное закрепление статуса языка стало происходить в 1970-х годах. Так, в Калифорнии в 1973 г. Законом Дималли – Алаторре официально установлено двуязычие¹¹, в Нью-Мексико испанский язык имеет равные права наряду с английским, а в Техасе государственные учреждения обязаны публиковать официальные документы на двух языках. Принятие подобных законов было вызвано необходимостью предоставить людям гарантии пользования государственными и социальными услугами вне зависимости от уровня владения английским языком. При этом

калифорнийский закон не устанавливал напрямую официальный статус испанского языка. Его целью было предоставление официальных услуг на языке, которым пользовалось более 5% населения штата¹². По факту испаноязычное население штата заметно превышало обозначенный порог (в 2014 г. оно составляло 39%¹³), что привело к официальному использованию испанского языка.

Однако тенденция закрепления официального статуса испанского языка на территории США не получила дальнейшего развития. Это выявляет ту неоднозначность и тревогу, с которой воспринимается активное увеличение численности испаноязычного населения для цивилизационной и культурной основ североамериканского общества. Обострение проблем безопасности, сопровождающее миграционные потоки, также связывается именно с испаноязычным населением, что формирует общее негативное восприятие этой группы.

Рост испаноязычного населения в США оказывает серьезное воздействие на внутреннюю политику, внося в повестку дня и вопрос реформы миграционного законодательства, и поиск эффективных форм взаимодействия с этими социальными группами, обладающими растущим экономическим и политическим влиянием. В политической элите США владение испанским языком постепенно начинает восприниматься как естественный навык. Так, экс-президент Джордж Буш-младший и его брат Джеб Буш, бывший губернатор Флориды, свободно говорят по-испански. Появление на национальном уровне политиков, выходцев из семей *латинос*, уже становится нормой.

Латиноамериканская миграция: влияние на внутреннюю политику

При том, что активное присутствие испанского языка в США – признанный факт, говорить о его «победной поступи» во многом преждевременно. Бурный рост численности испаноязычного населения вызывает высокую обеспокоенность в американском обществе, в американской элите. Опасения

трансформации национальной идентичности оказывают значительное воздействие на внутреннюю американскую политику. Один из ярких примеров – подготовка реформы миграционного законодательства, направленной в первую очередь на нелегальных иммигрантов из Латинской Америки.

Разработка комплексной миграционной реформы была заявлена одним из приоритетов в период работы второго президентского срока администрации Б. Обамы. Эта инициатива давно ожидалась американским обществом, однако в нем самом пока нет консолидированного мнения, какой именно результат и какими средствами можно и нужно достичь. Миграционная инициатива воспринимается как новаторский шаг уже просто по самому факту постановки проблемы. Однако при более подробном рассмотрении американской истории последних пятнадцати лет, становится очевидным, что мы наблюдаем как минимум третью попытку разработки всеобъемлющей миграционной реформы, затрагивающей интересы испаноязычных мигрантов.

В чем состоит особая значимость данной проблемы? Выше уже были приведены данные статистики, демонстрирующие высокую долю присутствия латиноамериканцев в США. Но значимость этой группы велика и в электоральном процессе, ее голоса оказывают все большее воздействие на итоги выборов и президента, и обеих палат конгресса. В 2012 г. испаноязычный электорат представлял 10,8% имеющих право голоса, но составил всего 8,4% всех избирателей, так как среди латиноамериканцев велика доля не участвующих в голосовании. Но принципиально важно, что это молодая по возрасту группа, часть которой еще не достигла возраста участия в выборах, и соответственно она имеет объективную тенденцию к росту. На последних выборах президента в 2012 г. 71% латиноамериканцев поддержали Б.Обаму, 29% – Мита Ромни, продемонстрировав традиционную поддержку кандидата Демократической партии¹⁴.

Что же препятствует реализации предвыборных инициатив, ожидаемых обществом? Прежде всего – отсутствие

консолидированного понимания целей и средств их достижения. Задача подготовки комплексной миграционной реформы была объявлена во время выступления президента в средней школе Дель-Соль в Лас-Вегасе в январе 2013 г., состоявшегося через неделю после вступления Обамы в должность на второй президентский срок.

Однако на пути реформы возникли препятствия. Накануне выступления в Лас-Вегасе инициативная группа сенаторов, состоявшая из четырех республиканцев и четырех демократов, представили свой вариант комплексной реформы. Активным разработчиком был Дж. Маккейн – один из протагонистов предыдущих инициатив подобной реформы. Эта группа сенаторов уже интересна тем, что одним из ее лидеров стал сенатор от штата Флорида, американец кубинского происхождения Марко Рубио. Именно он является одним из активных защитников жесткого варианта миграционного закона, настаивающего на укреплении пограничной линии и ужесточении возможности амнистии. И в преддверии старта очередной президентской кампании М. Рубио видится одним из потенциальных лидеров Республиканской партии.

В целом обращает на себя внимание тот факт, что суть концепции миграционной реформы не меняется с 1986 года. Набор предлагаемых мер от раза к разу стабилен, варьируются лишь детали. При том что исторически демократы лояльнее относились к нелегальным мигрантам, на деле их политике свойственно ужесточение силовых мер, прежде всего депортаций. Это косвенно свидетельствует о фактической трансформации партийной идеологии и невозможности реализации предвыборных обещаний в рамках традиционных политических подходов. Игры вокруг этого вопроса не прекращаются и скорее всего обострятся по мере приближения к очередным президентским выборам 2016 года.

Таким образом, мы видим, как постоянно увеличивающаяся группа, выделяемая в американской статистике по лингвистическому признаку – *хиспэникс*, оказывает возрастающее влияние на внутривнутриполитические и экономические

процессы. Но оценка этой ситуации далека от радужной и позитивной. Вокруг нее ведутся активные споры, призывающие к ужесточению политики, сокращению программ социальной поддержки, усилению конфронтационной составляющей.

Феномен *спэнглиши*

Продвижение испанского языка на североамериканской территории проявляется не только в экономике и политике. Происходит процесс активной языковой диффузии, наблюдаемый в Юго-Западных штатах. Появлению промежуточной языковой формы, получившей название *спэнглиши* (spanglish), способствовало активное передвижение людей на приграничных североамериканской и мексиканской территориях, прежде всего в парных городах: Тихуана – Сан-Диего, Сиудад-Хуарес – Эль-Пасо, Нуэво-Ларедо – Ларедо. Именно из активного общения на пограничных территориях зарождался этот языковой феномен, разошедшийся в глубь стран, как в США, так и в Мексике. Эта языковая форма представляет собой спонтанно устоявшуюся смесь английских и испанских слов и фраз, используемых в общении. В том числе наблюдается трансформация лексической нормы одного языка под воздействием другого. *Спэнглиши* позволяет упростить процесс коммуникации между испано- и англоговорящими людьми, участвующими в торговле или в других формах бизнеса. Его использование расширяется при помощи радио, локальной прессы и бытового общения. Это явление стало довольно устойчивым на пограничном пространстве с обеих сторон границы, и зачастую оно воспринимается как форма активного проникновения испанского языка. Однако представляется, что данный феномен скорее отражает промежуточное состояние социальной общности, которая отрывается от одной культурно-лингвистической нормы и не примыкает полностью к другой. Тем не менее факт остается фактом – физическое взаимодействие носителей разных языков способствует выработке локального гибридного варианта, который едва ли сможет стать действенным меха-

низмом развития полноценного языка в ином социолингвистическом пространстве.

Анализ развития испанского языка в североамериканском англоязычном пространстве показывает, что основным механизмом его распространения является массовая миграция. Это не только влечет за собой целый комплекс ответных реакций, вызываемых появлением иного культурно-лингвистического кода, но и усугубляется самим феноменом миграции. В итоге взаимодействие испано- и англоязычных пространств развивается с видимым напряжением. Причем интеграционные процессы на этом пространстве, например НАФТА, не оказывают видимого воздействия на экспансию испанского языка. Тем не менее продвижение испанского языка на север является свершившимся фактом, оказывающим комплексное влияние на всю североамериканскую экономику и внутреннюю политику.

Южная Америка. Португалоговорящая страна в испаноязычном окружении

Если обратимся к процессам, развивающимся на южной границе распространения испанского языка – в Южной Америке, то сможем увидеть в чем-то сходные, но в большей степени отличные тенденции.

Схожим проявлением расширения пространства распространения испанского языка становится его востребованность на территории Бразилии. Несмотря на то, что крупнейшая южноамериканская страна довольно ревностно относится к сохранению своего варианта португальского языка, развитие интеграционных процессов на континенте, активные экономические связи внутри ибероамериканского сообщества стимулируют использование именно испанского языка.

Являясь одним из признанных лидеров континента, Бразилия развивается в окружении испаноязычных стран. Это в некоторой степени создает технические сложности в процессе взаимодействия с близкими по культурно-историческим параметрам странами. В этом ключе развитие испанского языка в Бразилии имеет глубокие основания.

Ведущую роль в экономической интеграции региона играет созданный в 1991 г. Общий рынок стран Южного конуса (Меркосур) – крупнейший таможенный союз на континенте, объединяющий Бразилию, Аргентину, Уругвай, Парагвай и Венесуэлу. «Причины формирования блока во многом классические: поиск скоординированных ответов на вызовы глобализации, соединение внутренних рынков участников, укрепление их переговорных позиций с ведущими внешне-торговыми партнерами»¹⁵. За четверть века, прошедшую с момента основания проекта, были и периоды интенсивного развития, и явного торможения темпов интеграции, и напряженности отношений между странами-участницами. Тем не менее он остается одним из важнейших механизмов торгово-экономического развития на континенте. Наблюдаемая в последние годы активизация альтернативных интеграционных проектов, таких, как АЛБА и Тихоокеанский альянс, требует от Бразилии проявления большой гибкости как в двусторонних отношениях, так и в качестве одного из лидеров Меркосур.

В ситуации, когда Бразилия является активным участником глобальной мировой экономики, сотрудничество со странами континента способствует дополнительной устойчивости экономики. Так, при наблюдавшемся в первом десятилетии XXI в. взлете цен на сырьевые товары, приведшем к укреплению национальной валюты Бразилии, латиноамериканские страны компенсировали проблемы продвижения бразильской продукции на глобальные рынки более свободным доступом на свои (рынки), регулируемые региональными интеграционными соглашениями типа Юг – Юг¹⁶.

Несмотря на то, что в 2013 г. азиатские страны укрепили свои позиции в качестве крупнейших покупателей бразильских товаров (37% экспорта Бразилии), а поставки в Китай составили 19%, страны Латинской Америки и Карибского бассейна занимали второе место с долей в бразильском экспорте около 22%, в том числе государства, входящие в Меркосур – 12,2%. Экспорт в Аргентину, являющуюся основным торговым парт-

нером Бразилии в регионе, увеличился в 1,5 раза по сравнению с 2009 годом¹⁷.

Роль испаноязычных стран региона важна и в качестве партнеров по строительству общей политической и социально-культурной платформы региона. Действенность механизмов Союза южноамериканских наций (Унасур) была неоднократно продемонстрирована при выработке согласованной позиции в вопросах внутриконтинентальной интеграции и при возникновении кризисных ситуаций в некоторых странах. Будучи португалоязычным лидером в испаноязычном пространстве, Бразилия занимает активную позицию в качестве «мотора» интеграционного строительства в южноамериканской зоне и генератора новых инициатив, однако такая активность может вызывать у некоторых стран настороженную реакцию. Опасения «гегемонистической» политики южноамериканского гиганта могут быть преодолены путем диалога и более тонкой настройки новых процессов¹⁸. Хотя существующая культурная и языковая близость позволяет португалоязычной стране активно реализовывать свое лидерство на континенте, дополнительным элементом демонстрации уважения суверенитета латиноамериканских партнеров и сближения культурного пространства может стать признание необходимости развития испанского языка на своей территории.

Важной инициативой стал принятый в 2005 г. закон о введении в бразильских школах испанского языка в качестве первого иностранного. На реализацию закона отводилось пять лет. Также испанский язык вводился в программу общественных Центров изучения иностранных языков.

Комментаторы этого закона отмечали, что его введение во многом обуславливается значением латиноамериканской интеграции и прежде всего в рамках Меркосур. С момента создания Меркосур значение испанского языка стало неуклонно повышаться. Отмечалось, что «испанский язык имеет большое значение для Бразилии и его обязательное преподавание позволит, помимо решения экономических задач, облегчить культур-

ное взаимодействие со всеми близкими странами, среди которых Бразилия – единственная, говорящая по-португальски»¹⁹.

Перечень причин повышения роли испанского языка в бразильской образовательной системе не ограничивается важностью региональной интеграции. С начала XXI в. все большую роль в экономике страны играет испанский бизнес, активно пришедший в Латинскую Америку. И предпринимательский класс, и руководство страны заинтересованы в активном взаимодействии с испанскими компаниями и также стремятся использовать появившееся «латиноамериканское преимущество». Другим немаловажным фактором стало увеличение численности испаноговорящих в США, что также воспринимается в качестве дополнительной возможности для расширения деловых контактов с крупнейшей экономикой мира²⁰. В совокупности эти факторы стимулируют поиск новых инструментов, позволяющих расширить горизонты новых возможностей.

Введение испанского языка в школьное образование было поэтапным, оно началось на волне обозначенного интереса еще в 1990-е годы. Появление закона 2005 г. оформило имеющийся лингвистический запрос. Однако реализация проекта оказалась не столь легка. Он потребовал подготовки значительного числа специалистов, изменения стандартов школьного обучения. Нехватка в учителях оценивается в несколько десятков тысяч, поэтому быстро решить задачу укомплектования подготовленными кадрами образовательных учреждений довольно непросто. Но представляется, что Бразилия будет последовательно развивать данное направление, чтобы максимально использовать возможности, которые дает испанский язык как в региональной интеграции, так и в более широком формате международного взаимодействия.

Пограничный феномен *портуноля*

Как и в случае соприкосновения английского и испанского языков на Севере Западного полушария, так и в Южной его части можно наблюдать диффузные языковые формы.

Естественным результатом соприкосновения португальского и испанского языков стало появление *портуньоля* (portunhol), порту-гало-испанского гибрида.

Территориально он зародился в пограничном пространстве стран Южного конуса. Выделяются два основных очага – район «тройной границы» между Бразилией, Аргентиной и Парагваем в районе водопадов Игуасу. Он возник как результат активной торговой коммуникации в локальных географических условиях, смешав в себе португальский, испанский, элементы гуарани и отдельные английские слова. Второй очаг *портуньоля* находился южнее, на границе Бразилии и Уругвая – так называемый *фронтерисо*, возникший в приграничных городах-близнецах Ривера, с одной стороны, и Сантана-ду-Ливраменту, с другой. Этот «*риверенсе портуньоля*» считается более структурированным, но ему также присущи гибридная фантазия, спонтанность, свобода и инновации говорящих – предпринимателей, туристов, коммерсантов, водителей такси, уличных разносчиков и даже звезд латинского футбола²¹. Он свободно комбинирует оба языка, где испанскому глаголу предшествует португальское существительное, а португальский глагол управляет испанским дополнением. В целом такого рода гибридные формы стали возникать по всей границе Бразилии в местах развития пограничных городов-близнецов.

Как мы видим, формирование гибридных форм является естественной реакцией на активное соприкосновение различных языков. В ситуации единого культурно-цивилизационного кода возникновение подобного феномена не воспринимается как проявление промежуточной идентичности, как это происходит в ареале мексикано-американской границы.

Тем не менее считать появление подобных форм языка в качестве полноценного инструмента общения скорее всего преждевременно. Их противники опасаются за чистоту португальского языка и видят в этом процесс его поглощения испанским. Поэтому их рекомендация – развивать классическое двуязычное образование в школах, несмотря на свою консервативность, имеет глубокие основания. Это даст возможность не

только обезопасить будущее португальского языка, но и овладеть полноценным инструментом общения с народами соседних стран.

* * *

Подводя итог краткого анализа развития испанского языка в Западном полушарии, можно отметить происходящее расширение пространства его использования. Если в США он стал неоспоримым фактом реальности, который вызывает противодействие со стороны элит, где он отвоевывает свое положение, то в рамках Южной Америки испанский язык воспринимается как дополнительный ресурс экономического развития и повышения политического статуса стран. Иллюстрацией сложившегося различия может служить численность представительств Института Сервантеса: если в США работают четыре представительства и в перспективе открытие еще трех, то в Бразилии их уже двенадцать, и это самое большое число для отдельно взятой страны. Можно сказать, что испанский язык расширяет присутствие и повышает свой статус в Западном полушарии. При сохранении современных демографических тенденций, а также при условии динамичного роста экономик стран региона это может создать новую платформу для продвижения культурного наследия и современных достижений стран, способствовать дополнительной узнаваемости глобальных брендов испанских и латиноамериканских производителей, способствовать реализации новых подходов во внешней политике стран.

* * *

¹ CEPAL. Anuario Estadístico de América Latino y el Caribe. 2012. – CEPAL. // <http://www.eclac.org>; Instituto Nacional de Estadística // <http://www.ine.es>

² El español: una lengua viva. Informe 2012. – Instituto Cervantes. // <http://cvc.cervantes.es>

³ US Census Bureau. www.census.gov; Anuario Estadístico de América Latino y el Caribe 2013 // www.ceprl.org; CIA World Factbook // <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>

- ⁴ US Census Bureau. The Hispanic Population in the United States: 2011 // <http://www.census.gov/population/hispanic/data/2011.html>
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Кудеярова Н.Ю. Социальное положение испаноязычной общины США / Латиноамериканские диаспоры в США. М.: Наука, 2003. С. 246.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ The Dymally-Alatorre Bilingual Services Act, 1973.
- ¹² California Department of Human Resources. Bilingual Services Program. // <http://www.calhr.ca.gov/state-hr-professionals/Pages/Bilingual-Services.aspx>
- ¹³ Lopez M.H. In 2014, Latinos will surpass whites as largest racial/ethnic group in California // <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/01/24/in-2014-latinos-will-surpass-whites-as-largest-racial-ethnic-group-in-california/>
- ¹⁴ Lopez M. H. and Gonzalez-Barrera A. Inside the 2012 Latino Electorate. Washington: Pew Hispanic Center, 2013. P. 5.
- ¹⁵ Нутенко Л.Я. Опыт Mercosur: есть ли резон в его наложении на постсоветское пространство? // Латинская Америка. 2012. № 3. С. 37.
- ¹⁶ Шеров-Игнатъев В.Г. Mercosur и Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: проблемы асимметричных таможенных союзов // Латинская Америка. 2013. № 12. С. 46-47.
- ¹⁷ Бразилия – «тропический гигант» на подъеме. Отв. ред. Давыдов В.М. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 50; данные: International Trade Center. // www.trademap.org.
- ¹⁸ Разумовский Д.В. Интеграция в Южной Америке на старте нового века: инициативы, трудности, достижения // Латинская Америка, 2011, № 4. С. 24.
- ¹⁹ Roque Amaral E.T. e Mazzaro D. Repercussões da lei nº 11.161/2005: reflexões sobre o ensino de espanhol no Brasil // <http://ojs.gc.cuny.edu/index.php/lljournal/article/view/239/256>
- ²⁰ Reatto D. e Bissaco C.M. O ensino do espanhol como língua estrangeira: Uma discussão sócio-política e educacional / Revista Letra Magna. 2007. № 7. P. 5.
- ²¹ Langellier J.P. El Portuñol Nació en la Triple Frontera y está de moda // Clarin. 23.07. 2011. // http://www.clarin.com/sociedad/Portuñol-Nacio-Triple-Frontera-moda_0_522547931.html

**О ХАРАКТЕРЕ СООТНОШЕНИЯ
ЯЗЫКА, ТЕКСТА И ШРИФТА
В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Тема данного симпозиума, несомненно, отразила значимую реальность современной жизни: язык действительно выступает как важнейший экономический и политический фактор международных отношений. Но это далеко не единственные сферы, в которых язык играет ключевую роль. Его экономическое и политическое значение, и не только в области международных отношений, в свою очередь обусловлено тем, что язык является глобальным культурообразующим фактором, действующим на протяжении всей истории человечества. Однако следует подчеркнуть, что он выступает в этом качестве всегда в неразрывном единстве с иными аналогичными инвариантными факторами. Выявление и изучение характера этой взаимосвязи в различных социокультурных средах актуально необходимо для более глубокого понимания происходящих в мире процессов.

Особенно значительный вклад в разработку данной проблематики внес выдающийся отечественный мыслитель Григорий Соломонович Померанц. Данный текст (как и уже опубликованные работы автора этих строк*) представляет собой одновременно попытку дальнейшего развития его концепции и полемику с некоторыми ее основными положениями.

* * *

Померанц выделяет совокупность критериев, сочетание которых превращает ту или иную человеческую макрообщность в особый, цельный в своей основе, культурный мир. К их числу относятся: «Во-первых, единое священное писание, ка-

* Более глубокое и развернутое изложение моей концепции см. в статьях: [Шемякин Я.Г. 2014^а. С. 113-123; 2014^б. С. 119-129.

ким бы оно ни было. Им может быть и корпус изречений Конфуция, и Библия. Во-вторых, каждый культурный мир охвачен единым языком и шрифтом. Для Дальнего Востока язык и шрифт совпадают. Границы иероглифической культуры – это границы дальневосточного культурного мира. Если описать таким образом индийский мир, не вдаваясь в метафизику, можно сослаться на авторитет Вед, шрифт деванагари, язык санскрит. Мир ислама – это Коран, арабский язык, арабский шрифт, сохраняемый и персидским, и тюркским, и любыми другими языками, на которых говорят люди исламской культуры. В результате единства Текста, Языка и Слова (шрифта) возникает некое общее поле информации..., связанное неким общим духовным содержанием. Например, латинский мир, определяемый латинской Библией, латинским шрифтом, латинским языком. Латинский язык лег в основу многих языков и так или иначе участвовал в формировании других европейских языков. Латинский шрифт даже сам по себе именно как шрифт сыграл важную роль в создании латинского мира. В латинском шрифте, так же, как и в шрифте деванагари, так же, как в иероглифах и в арабской вязи, есть глубокая связь с эстетикой пластических искусств. Китайские иероглифы, которые выписываются на картинах эпохи Сун, органически связаны с художественным текстом... иероглифы прекрасно гармонировали с китайскими картинами. Арабская вязь шрифта не даром связывается с узором, декором. В то же время латинский шрифт скорее ближе к стилю латинской архитектуры» [Померанц, 2003, с. 125-126].

Далее в цикле рассуждений культуролога несколько неожиданно возникает еще один исторический персонаж: «Был и еще один культурный мир – византийский. В нем был особый порядок и особый склад искусств, но он не сумел удержаться, он умер. В набор культурологических понятий следует ввести понятие «устойчивость». По этому параметру Византия проиграла, потому что не умела учиться на своих ошибках. Если говорить о наборе показателей, характеризующих ее культурный мир, то это были греческий текст Писания с греческой

разработанной традицией аскетической литературы... Помимо Писания, в составляющие византийского культурного мира входили шрифт и сам греческий язык. Однако у византийцев не было энергии, чтобы перенести его за пределы первоначальной зоны распространения. Получилось так, что при дальнейшем распространении христианства греческие тексты Писания переводились. Это и стало началом распада византийского мира» [Померанц, 2003, с.126].

Итак, выходит, что причина крушения византийской культурной ойкумены – нарушение изначального единства Языка, Текста и Шрифта в результате перевода Священного Текста христианства с греческого на языки других народов. Что ж, в рамках логики излагаемой им концепции Померанц вполне последователен: если жесткая функциональная взаимосвязь между тремя выделенными глобальными культуuroобразующими факторами – обязательный признак самостоятельного «культурного мира», то там, где этой связи нет либо она потеряна, нет и такого мира.

Следует признать, что применительно к действительности выделенных им изначально четырех культурных миров («суб-экумен», по его прежней терминологии [См.: Померанц, 1995, с. 205-227]) аргументация Померанца выглядит в целом (с некоторыми оговорками, на которых нет возможности здесь останавливаться) вполне убедительной. Однако в мировой истории присутствует и оказывает на ее ход существенное воздействие и иной тип культурно-исторических общностей, для адекватного описания которых схема Померанца либо вообще не годится, либо нуждается в существенной коррекции. К их числу относилась Византия и относится Россия. Ярким свидетельством в пользу этого утверждения являются те очевидные противоречия, которые немедленно обнаруживаются при попытке применить рассматриваемую концепцию к иной по своему характеру реальности, к примеру, к России, которая, по логике культуролога [Померанц, 2003, с. 126-127], не попадает в число «культурных миров»: «Евразию я считаю фантомом. Потому что самостоятельный культурный мир тре-

бует особого Священного Писания и особого языка, чего в «Евразии» нет. Из признаков самостоятельного культурного мира в России есть только славянский перевод греческого Писания» [Померанц, 2003, с. 127]. Акцентируя внимание на том, что различные «слои» культурно-исторического «тела» России, ставшие его неотъемлемой органической составляющей, представляют собой результат восприятия иноцивилизационных воздействий (византийского, татарского и западного), Померанц находит тем не менее очень емкий и точный образ-символ, характеризующий специфику цивилизационного статуса России. По его определению, «Россия – страна, складывавшаяся на перекрестке миров, легко втягивалась то в один, то в другой мир. От этого опыта – пласты русской культуры, ни один из которых не может быть отброшен, как шелуха, чтобы открыть ядро. Россия – луковица. Целостность луковицы – это единство всех ее слоев. Каждая попытка отбросить что-то как наносное (или устаревшее) разрушает целое» [Померанц, 1996, с. 152].

Но ведь от того, что в луковице нельзя обнаружить никакого «ядра» или «центра», и соответственно ни один из слоев не является менее важным, чем другие, «периферийным» по отношению к ним, она не перестает быть чем-то целостным, т.е., собственно, луковицей, а не помидором или яблоком. То есть речь должна идти об особом типе целостности, качественно отличном от того, который представлен великими мировыми цивилизациями – «субэкуменами» – четырьмя «культурными мирами» в классификации Померанца. Эту специфическую разновидность цивилизаций я условно называю «пограничными». Собственно, к попытке осмысления специфики этого культурно-исторического типа вплотную подошел и сам Померанц, выделивший, наряду с субэкуменами, особую разновидность «стыковых» культур, к которым он отнес в том числе и Россию. Выдвигая образ «России – луковицы», страны, которая «обречена на диалог византийского, татарского... и западного» и которая имеет поэтому свою особую «задачу» в мировой истории, «подобную вселенской», Померанц фактиче-

ски признает за Россией статус особого культурного мира, качественно иного по своим характеристикам по сравнению с «субэкуменами» [Померанц, 1996, с. 152, 222-226]. И это прямо противоречит тем его утверждениям, в которых подобный статус отрицается.

Вместе с тем существует целый ряд определяющих признаков, которые объединяют Россию с другими представителями «пограничного» цивилизационного типа. Так же, как и Россия-Евразия, это – «миры-луковицы». Позволю себе проиллюстрировать данное утверждение словами всемирно известного мексиканского мыслителя Леопольдо Сеа, практически полностью совпадающими по смыслу с приведенными высказываниями Померанца. Характеризуя определяющую черту человеческого мира Латинской Америки, Сеа подчеркивал, что «проблема нашей расовой и культурной метисации столь сложна, что, утверждая одну культуру, чтобы отвергнуть другую, мы тем самым отрицаем самих себя» [Сеа, 1984, с. 37].

В последние два десятилетия было выдвинуто несколько концепций цивилизационной «пограничности». Одна из них принадлежит автору этих строк. Поскольку все дальнейшее изложение основывается на выводах, непосредственно вытекающих из этой концепции, позволю себе предельно кратко сформулировать ее основоположения.

Любая цивилизация представляет собой нечто единое в своей основе. В то же время каждая из них многообразна, состоит из множества самых различных элементов – этнических, религиозных, культурных, языковых. Однако соотношение между началами (принципами) единства и многообразия, гомогенности и гетерогенности принципиально отличается в цивилизациях, которые я условно называю «классическими», и в «пограничных» цивилизационных общностях. Четыре субэкумены Померанца – наиболее полное воплощение «классического» цивилизационного типа. Его определяющая структурная характеристика – доминанта принципа единства, который довлеет над многообразием: здесь есть некий духовно-ценностный стержень, который пронизывает собой, скрепляя

воедино все многообразие составляющих цивилизацию элементов. Следует особо подчеркнуть, что доминанта единства, наличие относительно монолитной культурно-религиозной основы не означает единообразия. Эта основа может быть представлена самыми различными традициями и направлениями, однако все они едины в подходе к решению ключевых, коренных проблем-противоречий человеческого существования.

В противоположность этому, «пограничные» цивилизации характеризуются доминантой принципа многообразия, который преобладает над принципом единства. Цельная относительно монолитная духовная основа в этом случае отсутствует. Религиозно-цивилизационный фундамент состоит из нескольких качественно различных частей, разделенных глубочайшими трещинами, вследствие чего основание всей цивилизационной конструкции внутренне неустойчиво. К этому цивилизационному типу исторически принадлежали эллинистическая и наследовавшая ей византийская цивилизации. В настоящее время цивилизационное «пограничье» представлено Россией-Евразией, Латинской Америкой и Балканской культурно-исторической общностью. Вплоть до второй половины XX в. к типу «пограничных» образований полностью принадлежала и Пиренейская Европа. В последние десятилетия XX – начале XXI вв. определяющей тенденцией ее цивилизационного развития стал процесс интеграции в западную субэкумену, который, однако, отнюдь не завершен: есть и контртенденция к сохранению и воспроизведению «пограничного» цивилизационного качества.

Сама действительность «пограничных» цивилизаций является собой сложнейший узел различных типов взаимодействия качественно разнородных традиций. [Шемякин, 2001; 2007^a, с. 75-84; 2008, с. 100-148; 2009^a, с. 112-124; 2011, с. 87-103; 2012; 2013, с. 23-45]. Самый главный парадокс «пограничной» реальности заключается в том, что в условиях доминанты многообразия единство тоже вполне реально.

Термин «доминанта» предполагает формирование определенного исторически устойчивого качества (даже если речь идет об «устойчивой неустойчивости»). Исходный пункт развития всех цивилизаций – реально существующее и первоначально ничем не скрепленное множество составляющих «мира людей». Дальнейшая их эволюция зависит от того, какое из начал – единство или многообразие – возобладает в формирующемся цивилизационном качестве. Для того чтобы сложилась та или иная доминанта (иными словами, тот или иной принцип соотношения указанных начал), должен сформироваться определенный тип взаимосвязи элементов исходного множества, т.е. качественно различных традиций, которые и составляют это множество. Традиций, каждая из которых является (в семиотическом смысле) культурным текстом, базирующимся на естественном языке ее носителей и обладающим соответствующими ему средствами знакового самовыражения, главным из которых в письменных культурах является шрифт. Для того чтобы сформировались «культурные миры» Померанца, необходим один порядок сочетания Языка, Текста и Шрифта как ключевых культуuroобразующих факторов для возникновения «пограничных» цивилизационных систем – качественно иной. Острота и прочность того духовноценностного стержня, который пронизывает, скрепляет все огромное многообразие элементов, составляющих «классические» цивилизации, обеспечивается жесткой функциональной взаимосвязью данных факторов. В цивилизационном «пограничье» подобная жесткость отсутствует, и сами эти факторы, и их взаимосвязь выглядят совсем по-иному.

* * *

В первую очередь, очевидно, следует сказать о языке. Лингвистический фактор представляется в определенном смысле основополагающим, учитывая особенности языка, «характеризующие его в противовес другим социальным учреждениям», на которые указывал Фердинанд де Соссюр: «1) то, что ни одно из этих учреждений не распространяется на

всех индивидов в любой момент времени и никакое другое социальное явление не связано со всеми индивидами таким образом, что каждый принимает в нем участие и даже может оказать влияние на него; 2) то, что большинство социальных учреждений в какой-то период времени может быть подвержено замене, исправлению, преобразованию по чьей-то воле, в языке же не бывает ничего подобного, и даже академии никакими декретами не могут изменить тот курс, по которому следует учреждение, именуемое языком». Возражая против уподобления языка вуали, которая наброшена на мир, Соссюр утверждал, что «язык скорее походит на стекла очков, через которые мы созерцаем предметы» [Соссюр, 1990, с. 19]. Есть все основания согласиться с одним из крупнейших отечественных сиологов, Артемом Игоревичем Кобзевым, который рассматривает «естественный язык» как основание всей пирамиды человеческой культуры [Кобзев, 2006, с. 190]. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в языке заключен в концентрированном виде духовный опыт тысячелетий, в нем в неявной форме проявляется свойственная той или иной традиции картина мира [Новая... 2001, с. 507-508; Шмелев, 2002].

Учитывая то, что говорилось выше о характере самой действительности цивилизационного «пограничья» как сложнейшего узла различных типов контакта качественно отличающихся друг от друга традиций и, следовательно, картин мира, представляется очевидным, что в рамках подобной действительности исключена возможность доминирования какого бы то ни было одного языка. Попытка обобщить огромный материал, накопленный в ходе исследований представителями различных гуманитарных дисциплин (историками, культурологами, лингвистами, филологами) – балканистами, испанистами, латиноамериканистами и русистами привела меня к выводу о том, что можно выделить две главные формы организации языкового космоса, соответствующие условиям социокультурного «пограничья», в которых одновременно проявляет себя и обеспечивает условия для своего развертывания его определяющая

характеристика – доминанта многообразия: языковой союз и языковое варьирование.

Понятие «языковой союз» было впервые сформулировано Николаем Сергеевичем Трубецким в его работе «Вавилонская башня и смешение языков». Лингвист выдвинул идею о том, что наряду с классификацией языков по генетическим признакам «географически соседящие друг с другом языки часто группируются независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [Трубецкой, 1923, с. 116]. Международный съезд языковедов в Гааге в 1928 г. принял предложение Трубецкого о необходимости четко различать понятия «языковые союзы» и «языковые семейства». Проблематика «языковых союзов» получила дальнейшую разработку в трудах многих исследователей. Наиболее подробно изучен Балканский языковой союз [Цивьян, 1979; 1990; 2006; Нерознак, 2007, с. 123-131]. Роман Осипович Якобсон выдвинул концепцию Евразийского языкового союза, хотя конкретные фонологические признаки, по которым он выделял эту общность, подверглись критике и последующей корректировке [Якобсон, 1931]. Разные современные исследователи вкладывают различное содержание в понятие языкового союза [Нерознак, 1985; 2002, с. 617-618]. Не останавливаясь на анализе этих различий, обозначу свою позицию.

Мое понимание «языкового союза» наиболее близко изначальному пониманию самого Трубецкого, который, как совершенно справедливо отметила Татьяна Владимировна Цивьян, рассматривал данный концепт в общетеоретическом плане и включал его в комплекс смежных дисциплин, выходящих за пределы лингвистики [Цивьян, 1990, с. 104-105; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 497], ставил задачу его анализа в контексте сравнительного изучения различных «этнологических личностей» (т.е. народов), «национального самопознания», ис-

следование которого должно вестись «сразу несколькими науками – географией, антропологией, археологией, этнографией, статистикой, историей, историей искусства и т.д.» [Трубецкой, 1927, с. 3-7] Если рассматривать проблематику языковых союзов именно в таком, максимально широком историко-культурологическом контексте, то, обобщая наблюдения и выводы коллег, можно выделить следующие отличительные признаки этого типа оформления «пограничного» языкового космоса:

1. Общий для представителей данной культурно-исторической общности характер отношения к языку, которое является, как правило, пристрастным, «горячим». Подобная «особая напряженность слова» (Константинос Кавафис) прямо обусловлена тем, что тема языка неизменно оказывается в центре (и в основе) всей проблематики самоидентификации носителей тех или иных традиций. Вопрос «кто мы?» всегда стоял и продолжает стоять в повестке дня всего цивилизационного «пограничья», неизменно приобретая особую остроту в условиях постоянного столкновения и взаимодействия качественно разнородных начал.

2. Общее понимание характера соотношения языка с другими сферами реальности, утверждение его ключевой роли в культурной системе в целом.

3. Общая оценка особой значимости межъязыкового взаимодействия, неизменно высокая интенсивность такого взаимодействия, чрезвычайно большая «сила общения» взаимодействующих в рамках союза языков [Соссюр, 1977, с. 241].

4. Отражение в языке таких общих цивилизационных характеристик «пограничья», как амбивалентность, «взаимоупор» сторон острейших противоречий, формирование такого соотношения общего и индивидуального, при котором «общее... не только не подавляет индивидуальное, но и существует благодаря ему, им поддерживается и подчеркивается» [Цивьян, 1990, с. 58], преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры, сочетание качественно различных типов межкультурного контакта [Ше-

мякин, 2001, с. 218-221; Кофман, 1997, с. 25-107; Цивьян, 1990, с. 67-68, 93-95, 99, 150; 2006, с. 212, 215, 223, 242].

В связи с последним из перечисленных пунктов хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Очевидно, сам термин «языковой союз» достаточно условен: он отражает реальность сложного комплекса взаимоотношений, сосуществующих на протяжении длительного срока языков, неотъемлемой чертой которой являются отчетливые следы взаимного влияния и появление ряда сущностных общих черт.

Сохранение в рамках этих «условно союзнических» отношений неповторимой индивидуальности каждого из языков не означает, однако, отсутствия конфликтов между ними. Лучше всего характер их взаимоотношений изучен на балканском материале. Так, по словам Цивьян, «в жизни балканца периодически возникали угрозы подавления и потери родного языка, которые шли с разных сторон и реализовывались в разных планах, это могли быть языки, пришедшие извне, т.е. дальние, но и языки ближайших соседей, т.е. ближние» [Цивьян, 1990, с. 95]. Здесь можно было бы привести немало примеров из жизни и других «пограничных» ареалов: Латинской Америки, Пиренейской Европы, да и России, в том числе – современной. По-видимому, общий характер взаимоотношений контактирующих языков определяется триадой основных типов межкультурного взаимодействия-противостояния, симбиоза и синтеза [Шемякин, 2001, с. 85-97, 125, 176-178, 182-184, 315-326]. Хотя как противостояние (о чем было сказано), так и синтез (главным проявлением которого являются, по-видимому, те общие всем участникам «союза» черты, которые выработались в ходе контакта) вполне реальны, определяющую роль здесь необходимым образом должны играть симбиотические формы связи в силу самого их характера: в рамках культурного симбиоза участники контакта объединены уже нерасторжимой системной связью, но при этом каждый остается собой, сохраняя собственную идентичность, а нового культурного качества не возникает [Шемякин, 2001, с. 87-91, 127-130, 176-178, 315-326].

Для того чтобы понять и описать второй способ реализации и проявления доминанты многообразия в сфере языка, необходимо обратиться к впервые сформулированной Ф. де Соссюром мысли о существовании дихотомии «язык–речь» [Соссюр, 1999, с. 17-19, 21-23, 27, 30, 32-33]. Как справедливо отметила Нина Давидовна Арутюнова, в феномене языка в самом широком смысле (в терминологии Соссюра *langage* - это речевая деятельность) «соединены объекты принципиально разной природы: язык (*langue*) и речь (*parole*)». Хотя «в своем существовании они взаимообусловлены, они несводимы друг к другу» [Арутюнова, 2002, с. 415]. Согласно Соссюру, «разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного».

«Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку». В противоположность этому «в речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны... Речевая деятельность, взятая в целом, непознаваема, так как она неоднородна...» [Соссюр, 1999, с. 19, 21-22, 27, 30]. Итак, язык, по Соссюру, – воплощение принципа единства, он однороден и целостен, речь же, как нечто разнородное и индивидуальное, есть воплощение многообразия.

Из приведенных цитат видно, что для Соссюра было характерно очень жесткое, абсолютное противопоставление языка речи, прямо вытекающее из аналогичного противопоставления социального и индивидуального. Подобная позиция подверглась вполне справедливой критике и побудила многих лингвистов XX в. к попыткам выдвижения альтернативных концепций. К числу наиболее интересных принадлежит концепция Эухенио Косериу. В ней дуальная оппозиция язык–речь была дополнена третьим членом – нормой. Под ней понималась интерпретация общих принципов языковой системы той или иной конкретной культурно-исторической общностью [Косериу, 1963, с. 172; Нарумов, 2005]. Концепция Косериу стала

одним из главных исходных пунктов теории языкового варьирования Георгия Владимировича Степанова, разработанной на испанских и латиноамериканских материалах. По мысли последнего, та разновидность испанского языка, которая возникла по другую сторону Атлантики в ходе освоения представителями иберийских народов совершенно новой для них действительности, представляла собой нечто существенно более значимое, чем диалект или совокупность диалектов; в Латинской Америке сформировался особый вариант испанского языка, выработавший свою, особую языковую норму (исторически – «норму второго порядка»), отличную от языковой нормы собственно Испании [Степанов, 1963, с. 8]. «Национальные варианты испанского языка имеют значительные отличия в фонетике, грамматике и особенно лексике...» [Степанов, 1979, с. 113]. Тем не менее испанский язык в целом как система сохраняет свое единство по обе стороны Атлантики: основы его структуры – одни и те же и в Испании, и в Латинской Америке.

Степанов показал, что языковое варьирование – основная форма проявления и средство реализации в социально-культурной практике принципа доминанты многообразия в мире испанского языка. Причем уровни варьирования могут отличаться по своей глубине – от наиболее глубокого (складывание различных вариантов языка, формирующих собственные языковые нормы) до возникновения региональных диалектов и местных говоров [Степанов, 1963, с. 13-14].

В этой связи следует особо отметить, что пиренейская и ибероамериканская проблематика вообще не рассматривалась через призму концепции языковых союзов. Между тем, на мой взгляд, для этого имеются определенные и достаточно серьезные основания. Здесь в первую очередь следует отметить факт глубокого взаимного влияния романских языков Пиренейской Европы [Зененко, 1982^а, с. 13-17; 1982^б, с. 18-25; Косарик, 2009, с. 72-75; Мунгалова, 2010, с. 113-119; Панченко, 2009, с. 81-89], процессы интенсивной интерференции испанского и баскского языков в некоторых регионах, особенно в Наварре [Зеликов,

2010, с. 43-45]; в том, что касается Латинской Америки, – глубину и силу взаимного воздействия друг на друга испанского и индейских языков, прежде всего в регионах, где особенно интенсивно шел процесс метисации (наиболее ярким примером здесь может служить Мексика и взаимодействие испанского и науатль [Степанов, 1979, с. 241-242; 1963, с. 35-36]. И на Пиренейском полуострове, и в регионе к югу от Рио-Гранде-дель-Норте можно обнаружить все те структурные признаки наличия языкового союза, о которых говорилось выше. Все это дает основания для выдвижения гипотезы о существовании также Пиренейского и ибероамериканского языковых союзов.

Следует особо подчеркнуть, что языковой союз и языковое варьирование отнюдь не исключают друг друга; по-видимому, они, как правило, соотносятся по принципу дополнительности, причем какая-то одна из этих двух форм утверждения доминанты многообразия играет в том или ином культурно-историческом контексте ведущую роль: если для Балкан это языковой союз, то для Иберийской Европы и Латинской Америки – языковое варьирование. В отношении России не могу на данном этапе исследования высказать сколько-нибудь определенного суждения. Для меня ясны две вещи: во-первых, то, что в России-Евразии представлены обе рассматриваемые формы организации языкового космоса; во-вторых, что они реально дополняют друг друга, выполняя одну и ту же стратегическую функцию обеспечения условий для реализации принципа преобладания многообразия при сохранении единства цивилизационной системы. В контексте этой проблематики закономерно поставить вопрос о факторах, обуславливающих процесс языкового варьирования. И здесь необходимо вернуться к концепции Соссюра.

Если абсолютизация противопоставления языка речи действительно неправомерна, то в самой этой дихотомии заключен глубокий смысл: в ней фиксируется тот факт, что язык может существовать в двух ипостасях: как система и как процесс. Язык-система соответствует соссюрскому *langue*, язык-процесс (т.е. речь) обозначается термином *parole*. И если речь

(язык-процесс) действительно является воплощением начала многообразия, она необходимым образом должна приобрести в «пограничных» цивилизационных системах ключевое значение. Именно речь выступает здесь в качестве движущего фактора процесса языкового варьирования и одновременно той среды, в которой данный процесс осуществляется. Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией этого утверждения может служить языковая реальность испаноговорящего мира: наиболее существенные различия между «пиренейским» и «латиноамериканским» вариантами испанского языка прослеживаются именно на уровне речи; именно в этой сфере шел (и продолжает идти) интенсивный процесс «иначения» классических образцов, задаваемых испанским академическим стандартом [Степанов, 1963; 1979; Владимирская, 2012].

Разумеется, в этой связи нужно иметь в виду, что речь, как известно, может быть как устной, так и письменной. Все то, что говорилось выше о роли речи, в первую очередь относится именно к устной форме ее бытия. Письменная речь в гораздо большей степени подвержена воздействию системности того или иного языка. Так, по словам Степанова, «очевидно, что процессы дифференциации вариантов испанского языка в значительной степени сдерживаются письменной традицией, в основе которой лежит испанская орфография». Причем «при сопоставлении латиноамериканских вариантов с пиренейскими отчетливо видно, что в американском ареале расхождение между устной и письменной речью особенно значительны, хотя и в Испании, особенно после завоевания Нового Света, начиная с XVI в., орфография превращается в серьезную общественную проблему» [Степанов, 1979, с. 116]. В свете сказанного вполне можно сделать вывод, что в условиях цивилизационного «пограничья» роль устной речи оказывается более значительной, чем письменной. Это утверждение совпадает с выводами Герберта Маршалла Маклюэна об «устной» ориентации «пограничных» культур России и Испании [2001, с. 331-332].

Следует упомянуть о том, что стихия речи (в первую очередь устной) в условиях «пограничья» может и захлестывать

бастионы языковой системы. Так, по меньшей мере в двух «пограничных» ареалах, на Балканах и в Латинской Америке, зафиксировано такое явление, как «аграмматизм»: в ситуации интенсивных контактов грамматические системы языка становятся легко проницаемыми, в результате чего их логический строй, система правил грамматики нарушаются и изменяются под натиском речевой стихии. Так, по словам Т.В. Цивьян, «определенные стремления к аграмматичности – признанная тенденция системы Балканского языкового союза» [Цивьян, 1990, с. 93, 154, 177]. Юрий Николаевич Гири́н пришел к выводу, что «в латиноамериканской онтологии... логический синтаксис тяготеет к аграмматизму, к морфологическим изменениям, вообще к метаморфозу. Та же тенденция проявляет себя и в области естественного языка, и в сфере культуротворчества» [Гири́н, 2008, с. 7].

* * *

Для понимания специфики роли Текста в цивилизационном «пограничье» прежде всего важно учитывать (об этом уже вскользь говорилось выше), что с семиотической точки зрения любая культура может быть интерпретирована как текст. Именно в этом смысле Владимир Николаевич Топоров говорил, например, о «Балканском макротексте» [Топоров, 2007, с. 20-25]. Те Священные Тексты великих традиций, о которых писал Померанц, – это концентрированное кристаллизованное выражение той или иной культуры в целом. Причем свойственные этой культуре ценностные ориентации проявляются на всех уровнях социокультурного бытия, и в сознании (индивидуальном и социальном), и в разного рода жизненных практиках, как в вербальной, так и в невербальной сферах. Учитывая то, что говорилось ранее о самом характере действительности «пограничных» цивилизаций как поля сложнейшего взаимодействия разнородных традиций, в этих цивилизационных общностях исключено доминирование какого-либо одного Текста, смыслы которого пронизывают собой, структурируют все «идеальное тело» цивилизации. Здесь может идти речь

лишь о диалоге Текстов различного характера (точнее, в большинстве случаев – даже о полилоге, учитывая множественность взаимодействующих традиций).

В связи с проблемой диалога Текстов нельзя не затронуть один принципиально важный вопрос, который уже давно стал предметом острой дискуссии. Дело в следующем. Для того чтобы оказался возможен реальный диалог различных традиций, они должны быть по меньшей мере сопоставимы по уровню сложности и глубины. Когда речь идет о взаимодействии религиозно-философских систем, основы которых были заложены в «осевое время», с точки зрения померанцевской концепции, решение представляется вполне очевидным: они полностью равноценны. Однако, помимо этих систем, в цивилизационном «пограничье» выступает еще один участник взаимодействия, причем проявляющий себя очень активно, – архаика. Вопрос стоит следующим образом: возможен ли диалог между «осевыми» традициями (т.е., иными словами, теми великими священными Текстами, которые положены в основание субэкумен) и архаикой? Можно ли вообще говорить об архаическом наследии как о сколько-нибудь цельном (по крайней мере в своих основаниях) культурном Тексте? У Г.С. Померанца обнаруживаются два варианта ответа на эти вопросы, которые прямо противоположны по своему смыслу.

Полемизируя с Сэмьюэлем Хантингтоном, Померанц заявляет, что последний «взял и слепил восемь цивилизаций, которые, будучи мелкими, ступшевываются перед Западом, и в результате остается один Запад. На самом деле есть четыре великих культурных мира, претендующих на мировое духовное значение – подчеркну, именно духовное, а не какое-либо другое, – и промежуточные культуры. Слепить восемь цивилизаций – значит смешать культурные миры, равные по значению Западу, с какими-то эскапистскими» [Померанц, 2003, с. 141]. Итак, по логике Померанца получается, что человеческие культуры резко делятся на две неравные части: духовная элита, представленная четырьмя «великими культурными мирами» (субэкуменами или субглобальными цивилизациями), между

которыми возможен или даже необходим диалог, и остальные традиции. И эти две категории несопоставимы по своему значению. Если это так, то ни о каком диалоге великих религиозно-мировоззренческих систем и архаических традиций не может быть и речи.

Я категорически не согласен с подобным подходом. Прежде всего, он противоречит реальности: как уже отмечалось, архаические по своему характеру традиции – неотъемлемая составляющая действительности цивилизационного «пограничья». Разумеется, в различных цивилизациях «пограничного» типа удельный «вес» и соответственно роль архаики в социокультурной системе неодинаковы. Если в Пиренейской Европе и на Балканах, несмотря на сохраняющееся влияние архаики, основными участниками взаимодействия являлись и являются соответствующие мировые религии «осевого» происхождения и духовно-мировоззренческий комплекс «модерн-эпохи» («вторая ось»), то в России-Евразии и в Латинской Америке архаика проявляет себя гораздо более мощно, выступает как один из главных факторов, воздействующих на сферу межкультурных контактов [Шемякин, 2013, с. 23-45].

Исследования различных ученых (и здесь особо выделяется московско-тартуская школа отечественных лингвистов, в первую очередь труды В.Н. Топорова и В.В. Иванова) убедительно показали, что наследие архаики продолжало играть значительную роль и после «осевой» революции I тыс. до н.э. и утверждения мировых религий. Особенно убедителен в этом плане Топоров, доказавший, что в основе «мифопоэтического» мировоззрения людей древнейшей эпохи лежали «универсальные знаковые комплексы» (УЗК), представляющие собой единый в своей основе Текст культуры, центральной осью которого является символ «мирового древа» как образа Вселенной [Топоров, 2010]. Причем, хотя УЗК доминировали в эпоху господства мифопоэтического мышления, они сохраняли свое значение и впоследствии [Топоров, 2010, с. 21, 45-46, 264, 266-267, 274-275; 1995, с. 77, 479-489; Иванов, 2009, с. 287-289 и др.].

Разумеется, различные культуры эпохи «мирового древа» представляют собой разные выражения единого культурного Текста архаики. Они достаточно существенно отличаются друг от друга по степени сложности и глубины. Критерии отличия очень четко определил Топоров [Топоров, 2010, с. 11]. И тем не менее, если брать картину в целом, архаические традиции эпохи «мирового древа» (и восходящие к этой эпохе) вполне сопоставимы по степени сложности и глубины с «осевыми» Текстами. Во всяком случае, в степени, достаточной для того, чтобы быть участником диалога.

Естественно «осевые» традиции представляли собой качественно новый этап в духовном развитии человечества. Но между ними и архаичным наследием эпохи «мирового древа» – не только разрыв, но и преемственность. Сами религиозно-философские системы, основы которых были заложены в первое «осевое время» (по Карлу Ясперсу), возникли на базе переосмысления предшествовавшего опыта, в ходе и в результате напряженного диалога – спора с наследием архаики. Более того, сами они могут быть интерпретированы как диалог качественно различных способов восприятия и духовно-практического освоения мира человеком – тысячелетних традиций эпохи «мирового древа» и тех новых принципов, которые были выдвинуты в различных центрах Евразии в I тыс. до н.э.

Именно к такому выводу пришел в ходе своих размышлений над ходом мировой истории и Померанц, выдвинувший идею о том, что «христианское мышление можно понять как своеобразно организованный диалог двух семиотических подсистем – понятийно-точной и мифопоэтической». Более того: «Та или другая организация этого диалога характерна (и, по-видимому, необходима) для всех мировых религий. Они упорно вырабатывают правила диалога и хранят их как свою величайшую святыню». Причем особенно важно то, что и в наше время «диалог мифопоэтического и понятийно-точного мышления отнюдь не исчерпан» [Померанц, 1995⁶, с. 340-341, 344]. Таков второй вариант ответа, который дал Померанц на сформулированные выше вопросы и который, повторюсь, по

сути своей противоположен идее о неправомерности и невозможности «смешивать» неравнозначные культурные традиции. Я согласен с этим вариантом ответа с одним лишь уточнением: «мифопоэтическое» мышление имеет свою логику.

Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно вчитаться в многочисленные работы, посвященные архаическим культурам, в том числе и самым древним. Как подчеркивал, в частности, Топоров, мифология – особый тип мышления [Топоров, 2010, с. 26]. И то, что мифологическая система воззрений качественно отличается и от логики Аристотеля, и от столь ярко охарактеризованной Померанцем «тринитарной» логики христианства [Померанц, 1995 а, с. 316-337], отнюдь не значит, что в архаическом мышлении безраздельно господствует алогон. Для этого мышления характерен свой, особый взгляд на мир, в котором человеческий разум проявляет себя совершенно по-иному, чем в религиозных и философских системах более поздних эпох. Взгляд, отнюдь не чуждый стремлению тщательно и подробно классифицировать все известные человеку явления, упорядочивая тем самым свой опыт и свою картину мира [Lévi-Strauss, 1962; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 465-854].

Если попытаться обобщить как работы коллег, так и собственный исследовательский опыт, то закономерно приходишь к следующим выводам. По-видимому, начиная с I тыс. до н.э. основу мирового цивилизационного процесса составляет диалог двух качественно различных духовно-мировоззренческих систем – «мифопоэтической» (эпохи «мирового древа») и той, которая родилась в результате «осевой» революции I тыс. до н.э. Начиная с XVII – XVIII вв. к ним добавился еще один участник – «вторая ось» – ценностно-смысловой комплекс, ядром которого стала новоевропейская наука [Ясперс, 1991, с. 97, 101-105; Eisenstadt, 2001, р. 320-340; Шемякин, 2001, с. 68-82; 2003, с. 11-242; 2009^а, с. 119-122]. Начиная с XIX в. этот «трехсторонний диалог» (точнее, уже полилог) характерен для всех без исключения цивилизаций. Однако соотношение составля-

ющих данного полилога в разных цивилизационных типах существенно отличается.

Очевидно, что в «осевых» цивилизациях, в том числе в субэкуменах, сохраняющиеся элементы УЗК эпохи «мирового древа» включены в новую систему, которая построена на иных, чем в мифологическую эру принципах. В цивилизационном «пограничье» – иная ситуация. Здесь УЗК, лежащие в основе «мифопоэтической» традиции в самых различных вариантах, представляют собой Текст культуры, пусть и трансформировавшийся в ходе взаимодействия с «осевыми» традициями, но сохранивший в определенной степени единую основу, по меньшей мере в степени, достаточной для того, чтобы выступать в качестве активного самостоятельного фактора диалога.

Для того чтобы адекватно осмыслить проблему Текста в цивилизационном «пограничье», нужно иметь в виду еще одно обстоятельство. Мне уже приходилось писать о том, что в самой основе бытия «пограничных» цивилизаций заключен парадокс: они живы до тех пор, пока глубины их экзистенции продолжают непрерывно порождать импульс к обретению целостности и в связи с этим к преодолению ситуации доминанты многообразия. Однако как только данный импульс становится настолько мощным, что реально ставит эту доминанту под вопрос, немедленно следует реакция «пограничной» цивилизационной основы, как правило, восстанавливающей прежнее соотношение [Шемякин, 2009^б, с. 457-458]. С этой динамикой связана проявляющаяся в жизни цивилизационного «пограничья» регулярная смена двух противоположных по своей направленности цивилизационных стратегий: стремление обрести целостность цивилизационной основы на той или иной базе, преодолев качество «пограничности», неизменно сменяется тенденцией к восстановлению «пограничного» статуса, воспринимаемого как воплощение подлинной самобытности [Шемякин, 2001, с. 227-228].

Обе эти стратегии связаны с тем, что часть реальных участников взаимодействия объявляются «неподлинными», чуждыми соответствующей традиции. В результате часть ре-

ально наличествующих Текстов культуры табуируется. Однако они никуда не исчезают, лишь уходят с поверхности социокультурной жизни. Появляется феномен «Скрытого Текста», который может продолжать свое существование в различных формах, как вербальных (разного рода тайные учения, еретические, с официальной точки зрения, произведения), так и невербальных (эстетические традиции, характер изображений героев официально санкционированной священной истории, действительные, а не декларируемые открыто ориентации сознания и поведения). Достаточно вспомнить в этой связи сохранение многочисленных языческих по происхождению и характеру традиций под спудом ортодоксальных православия и католицизма в России и в Латинской Америке [Сea, 1984; Шемякин, 2001; 2007^a; 2007^b; 2008; Шемякин, Шемякина, 2006; 2007; Кофман, 1997]. Появление «Скрытого Текста» означает и появление феномена «скрытого диалога», который продолжается, прячась за внешними формами противостояния. В целом условия для диалога Текстов как в открытой, так и в скрытой форме обеспечиваются языковой ситуацией в цивилизационном «пограничье».

* * *

Шрифт как глобальный культуурообразующий фактор является одним из главных выражений стиля («хабитуса», по Освальду Шпенглеру и Арнольду Тойнби) [Тойнби, 1991, с. 290–291] цивилизации, в котором находит свое проявление специфика ее внешнего самовыражения. Единство стиля – неотъемлемая черта «классического» цивилизационного типа. В цивилизационном «пограничье» же такое единство отсутствует [Бердяев, 1990, с. 7-8; Вейдле, 1991, с. 32-33, 35; Кондаков, 1997, с. 30, 60; Шемякин, Шемякина, 2004, с. 112; Шемякин, 2001, с. 205]. Соответственно отсутствует и та жесткая связь Шрифта с Языком и Текстом, которая отличает субэкумены. Тем не менее именно в Шрифте наиболее легко выражает себя, находит материальное воплощение тот глубинный импульс к обретению целостности, о котором шла речь выше. Поэтому и Шрифт, как правило, даже в «пограничье»

один. Будучи наиболее зримым проявлением начала единства, Шрифт наиболее контролируем, и любые попытки достичь культурной унификации в рамках одной из двух охарактеризованных выше стратегий неизменно связаны со стремлением полностью «зачистить» графическую среду от каких бы то ни было «чуждых влияний».

В то же время общая структурная характеристика «пограничья» – доминанта многообразия – проявляет себя и здесь, хотя и менее явственно, чем в случаях Языка и Текста. Она находит свое отражение в следующих основных формах:

1) в стремлении каждого из участников диалога к формированию и сохранению адекватного себе способа графического самовыражения. Пожалуй, самым ярким примером здесь могут служить русские старообрядцы, упорно сохраняющие традиционную кириллицу [Дутчак, 2007; 2011, с. 75-88];

2) еще более сильно и повсеместно просматривается стремление (также свойственное всем участникам диалога традиций) к приведению в соответствие Шрифта и языкового многообразия в рамках реальности языковых союзов и процессов языкового варьирования. Проявляется отчетливая тенденция к формированию собственного варианта взаимосвязи Языка, Текста и Шрифта у каждой из контактирующих традиций, даже в том случае, если Шрифт остается единым. Едва ли не самым ярким примером здесь может служить создание разных алфавитов на единой графической базе латиницы, соответствующих различным языкам многочисленного языкового семейства майя [Рус, 1996, с. 84-85; Галич, 1990, с. 131; Jackson, 2011, p. 683-726].

* * *

Итак, в цивилизационном «пограничье», в отличие от «классических» цивилизаций (субэкумен), мы имеем: 1) не один господствующий, определяющий всю лингвистическую сферу Язык, а языковой союз и/или языковое варьирование; преобладание языка-процесса (речи) над языком-системой; преобладание в языковом космосе устной речи над письмен-

ной; 2) не один доминирующий Священный Текст, а диалог качественно различных Текстов, проявляющийся как в открытой, так и в скрытой форме; 3) не однозначную жесткую взаимосвязь Шрифта с Языком и Текстом, а многообразие форм такой связи, более гибкой, чем в «классическом» случае. В силу этих обстоятельств есть все основания говорить не об одном информационном поле (понимаемом прежде всего как поле взаимодействия смыслов), как у Померанца, а о комбинации различных информационно-смысловых полей в соответствии с принципом доминанты многообразия в «пограничной» цивилизационной системе.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.

Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Вейдле В.В. Три России // Смена. 1991. № 8.

Владимирская, Т.Л. Аргентина и «аргентинский испанский»: собственные впечатления, соображения и размышления. М., 2012.

Галич, М. История доколумбовых цивилизаций. М., 1990.

Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В IV т. Т. II. Тбилиси, 1984.

Гирин, Ю.Н. Поэтика сверхпредельности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. СПб., 2008.

Дутчак, Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007.

Дутчак, Е.Е. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2011. № 4.

Зеликов, М.В. Баскские истоки иберо-романской редупликации // Вопросы иберо-романского языкознания. Вып. 8. М., 2010.

Зененко, Г.П. Галисийский и португальский языки сегодня // Вопросы иберо-романской филологии. М., 1982^а.

Зененко, Г.П. К вопросу о выражении прямого и косвенного объектов одушевленных существительных в романских языках Пиренейского полуострова // Вопросы иберо-романской филологии. М., 1982^б.

Зубов, А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.

Иванов, Вяч. Вс. О выборе веры в Восточной Европе // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. В 5 т. Т. 5. Мифология и фольклор. М., 2009.

Кобзев, А.И. О противостоянии Запад – Восток // История и современность. 2006. № 2.

Кондаков, И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

Косарик, М.А. Специфика португальского языка – консервативный характер или взаимосвязь архаических и инновационных процессов? // Вопросы иберо-романского языкознания. Вып. 9. М., 2009.

Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.

Кофман, А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М., 1997.

Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2001.

Мунгалова, О.М. Роль орфографии в процессе культурной и языковой интеграции испаноязычного мира // Вопросы иберо-романского языкознания. Вып. 8. М., 2010.

Нарумов, Б.П. Архитектура языка в концепции Э. Косериу // Вопросы иберо-романской филологии. М., 2005. Вып. 7.

Нерознак, В.П. Балканская лингвокультурная общность: генезис и структура // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М., 2007.

- Нерознак, В.П. Языковые союзы // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Нерознак, В.П. Языковой союз // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
- Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. IV. М., 2001.
- Панченко, А.Ю. Взаимовлияние андалузского диалекта и других подсистем испанского языка // Вопросы иберо-романистики. Вып. 9. М., 2009.
- Померанц, Г.С. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Выход из трансa. М., 1995.
- Померанц, Г.С. Великие нации живут мировыми задачами // Померанц, Г.С. Западники и националисты: возможен ли диалог? М., 2003.
- Померанц, Г.С. Иконологическое мышление как система и диалог семиотических систем // Померанц, Г.С. Выход из трансa. М., 1995^a.
- Померанц, Г.С. Троица Рублева и тринитарное мышление // Выход из трансa. М., 1995^b.
- Померанц, Г.С. Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. №10.
- Рус, М.У. Народы майя: пятьсот лет сопротивления // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики. М., 1996.
- Сea, Л. Философия американской истории. М., 1984.
- Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
- Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов, Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
- Степанов, Г.В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979.
- Тойнби, А.Дж. Постигание истории. М., 1991.
- Топоров, В.Н. Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (Общий взгляд) // Восток

и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М., 2007.

Топоров, В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. В 2 т. Т. 1. М., 2010.

Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Трубецкой, Н.С. Вавилонская башня и смешение языков //Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923.

Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самосознания. Париж, 1927.

Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006.

Цивьян, Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979.

Шемякин, Я.Г. Вера и рации в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3.

Шемякин, Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии. М., 2003.

Шемякин, Я.Г. Граница (процесс перехода и тип системности) // Общественные науки и современность. 2009. № 5^а.

Шемякин, Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

Шемякин, Я.Г. Латиноамериканская цивилизация и латиноамериканская литература // Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX – начала XXI веков. М., 2009^б.

Шемякин, Я.Г. Об историческом содержании социокультурного феномена «пограничности» // Новые российские гуманитарные исследования. 2012. № 7 //http://www.nrgumis.ru/articles.

Шемякин, Я.Г. «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. 2007^а. № 7.

Шемякин, Я.Г. Проблема соотношения универсального и локального – центр смыслового пространства и эпистемологический предел цивилизационного исследования // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5.

Шемякин Я.Г. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 42. М., 2013.

Шемякин, Я.Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта: Статья 1 // Общественные науки и современность. 2014. №2.

Шемякин, Я.Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта: Статья 2 // Общественные науки и современность. 2014. №3.

Шемякин, Я.Г. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование. М., 2008.

Шемякин, Я.Г., Шемякина О.Д. Россия-Евразия: специфика формообразования в цивилизационном пограничье. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

Шемякин, Я.Г., Шемякина О.Д. Соотношение веры и ratios в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007^б. № 11.

Шемякин, Я.Г., Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М., 2002.

Якобсон, Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.

Ясперс, К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Eisenstadt, S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // International Sociology. 2001. Vol. 16. № 3.

Jackson, S.E. Continuity and Change in Early Colonial Maya
Community Governance: a Lexical Perspective // *Ethnohistory*. Fall
2011. Vol. 58. № 4.

Lévi-Strauss, C. *La pensée sauvage*. Paris, 1962.

**CRECIMIENTO DEMOGRÁFICO DE LAS CAPITALES
LATINOAMERICANAS, LA EXPANSIÓN DE LAS NUEVAS
TECNOLOGÍAS DE COMUNICACIÓN E INFORMACIÓN
Y EL FORTALECIMIENTO DEL ESPACIO
INTERNACIONAL DEL IDIOMA ESPAÑOL EN LA
PRIMERA DÉCADA DEL SIGLO XXI EN LOS PAÍSES DE
AMÉRICA LATINA**

“Sin querer queriendo”
El chavo del ocho.

La dinámica urbana, demográfica y comunicacional del idioma español en las capitales de América Latina es un fenómeno cultural que ha acentuado en los últimos treinta años el espacio internacional del español en América Latina.

El idioma español es la lengua en que hablan los habitantes de 17 capitales latinoamericanas. Sin el uso y las memorias del idioma español no es posible concebir las culturas, las identidades, los intercambios sociales, económicos y comunicativos de Ciudad de México, San Salvador, Ciudad de Guatemala, de Bogotá, de la Paz, de San José de Costa Rica, de Quito, de Santiago de Chile, del Gran Buenos Aires, de la Habana, de Lima, de Asunción, de Managua, de Ciudad de Panamá, de Montevideo, de Caracas, de Santo Domingo y de Tegucigalpa.

En estas capitales están concentrados los centros políticos, las redacciones de diarios nacionales, los centros de tecnología informativa y las sedes de movimientos culturales y sociales, así como las principales universidades, el mercado de la información y las industrias culturales. En ellas reside un treinta y un cuarenta por ciento de la población que habla, escribe, se informa y se comunica en idioma español. Cerca de ochenta millones de habitantes viven en estas capitales que en las últimas décadas registraron un crecimiento demográfico y una consolidación de sus conglomerados mediáticos sin precedentes.

Las preguntas que pretendo responder en este trabajo son ¿Existe una relación entre el crecimiento demográfico de las capitales hispanohablantes de América Latina y el surgimiento de conglomerados de información? ¿Qué ha ocurrido con el espacio cultural y lingüístico del idioma español en este contexto? ¿De qué manera la incorporación de tecnologías de comunicación ha desterritorializado el espacio cultural del idioma español? ¿De qué manera han contribuido a representar y difundir un específico flujo de imágenes y relatos asumidos como latinoamericanos o como propios de cada país, las producciones culturales de los conglomerados de información?

En los últimos veinte años debe destacarse un hecho demográfico significativo en América Latina: la vigorosa expansión interna y externa del idioma español.

a. La interna se refiere a la expansión poblacional en las capitales latinoamericanas que conlleva la expansión lingüística del idioma español.

Puede ilustrar la anterior afirmación lo siguiente: En diez años la población de Ciudad de México que era de 17.8 millones de habitantes según el censo poblacional de INEGI de 2000, pasó a 21.8 millones de habitantes en el 2014. En Chile en el 2012 la población de su capital Santiago creció en 43.8% según el censo (INE, Instituto Nacional de Estadística), viven en la capital chilena 5720000 personas. En 2001 el Gran Buenos Aires tenía 13837204 habitantes frente a 15 millones del 2014. Bogotá la capital de Colombia pasó de 2868.123 habitantes en 1973 a tener 5724156 en 1995. En 2015 la población será de 9000000.

Lima la capital del Perú está habitada por 8693387 personas (según datos de INE, 2014). En el 2000 la población era de 7496831. Un fenómeno demográfico y sociolingüístico singular es el caso de Montevideo capital del Uruguay donde vive el 43% de la población del país que a su vez concentra más del 50% de la producción de información, comunicaciones e información de todo el país.

Si ha habido una expansión del idioma español en las capitales de las 17 capitales hispanohablantes de América Latina donde viven más de ochenta millones de hispanohablantes, esto significa que el

valor social y cultural y económico del idioma español se ha acrecentado en las últimas décadas. Tanto la expansión interna como la externa han acarreado un aumento de los flujos de comunicación, de los procesos culturales y de los intercambios económicos en idioma español.

b. La expansión externa se refiere al crecimiento del volumen de migrantes latinoamericanos fundamentalmente hacia los EU.

Esta expansión ha traído un crecimiento sin precedentes de servicios culturales vinculados con la demanda de información, educación, información especializada, producción de documentos institucionales, publicidad, visibilidad cultural y política producida en el idioma español oficial de las capitales hispanohablantes latinoamericanas. La población aproximada de ochenta millones de habitantes que viven en las capitales hispanohablantes latinoamericanas, significa una demanda de información, de historias, de relatos sobre identidad y de creación de consensos, trátese de la formación de opinión pública, de creación de grupos identitarios o políticos, de apropiación de mercados, de redes de información científica, de formación de grupos identificados alrededor de demandas culturales y sociales.

En estas dinámicas nuevas, el uso del idioma español es fundamental como vehículo de significados y de discursos con valor e influencia socio comunicativa y cultural. Se puede caracterizar a tres componentes producto de la presencia y expansión urbana del idioma español en las capitales latinoamericanas: 1) La década de los noventa del siglo XX paralelamente con la implementación de tecnologías de comunicación internet, celulares y difusión de la televisión por cable produjo una consolidación de grupos de comunicación e información para producir entretenimiento, noticias, narraciones e información social y política en idioma español en toda América Latina. 2) Los centros de esta novedad tecnológica, cultural e informativa fueron las ciudades capitales de América Latina. La penetración de un nuevo tipo de servicios culturales, la demanda de entretenimiento, de expresión de identidades de grupos culturales y políticos y de orientación noticiosa, así como la representación y la búsqueda de consensos sociales y políticos se

apoyó fundamentalmente en la promoción de sistemas de información, que tuvieron como esfera de implementación las industrias culturales y/o comunicacionales. 3) Se produjo una extraterritorialidad del espacio cultural y lingüístico en idioma español, gracias a la popularidad y promoción más allá de las fronteras nacionales de productos de las industrias culturales latinoamericanas hispanohablantes.

Una noticia, un acontecimiento, un relato, una frase de una celebridad, una noticia económica o un espectáculo masivo es visto, citado, comentado y sentido en idioma español más allá de la ciudad latinoamericana donde tuvo su origen. Fue creado un macondo extraterritorial latinoamericano. Ya no surgido de la literatura sino existente en el espacio informativo hispanohablante latinoamericano.

Una ciudad es un lugar donde la gente conversa, difunde rumores, opiniones o busca aliados y seguidores para sus opiniones. Cada ciudad capital de América Latina, en mayor o menor grado, paralelo con el crecimiento de las ciudades capitales, registró la aparición o consolidación de conglomerados informativos y comunicacionales en idioma español.

Se pasó de ciudades lectoras de periódicos y de rumor popular transmitido por la radio o de vecino a vecino, a ciudades influidas por el noticiero de televisión de la mañana, por la conversación por celular y por la demanda de televisión y noticias a través de internet.

Por celular e internet se transmiten noticias de fútbol, pronósticos económicos y poemas de Benedetti o Jorge Luis Borges. Ilustra bien esta transformación de ciudades de rumores orales a ciudades atravesadas por frecuencias super altas y ultra altas electromagnéticas, el que el Canal 4 de televisa hizo de una noticia literaria como fue la ceremonia de despedida popular en el Teatro de Bellas Artes del D.F a las cenizas de García Márquez, un acontecimiento mediático de varios días.

La demanda urbana y masiva de historias y novedades en idioma español es apropiada desde un diseño de mercadotecnia informativa por sectores estatales y privados.

En las ciudades de América Latina la tecnología informativa creó un espacio cultural y económico nuevo para la expansión y

consolidación del idioma español como vehículo de orientación cotidiana en el heterogéneo mundo de los hechos políticos, económicos y culturales.

El proceso tiene que ver con lo que un informe de la UNESCO señala “*las industrias culturales constituyen actualmente los actores predominantes en la comunicación social y en la conformación de la esfera pública*” (Rapport Mondial sur la culture, Unesco Publishing, Paris, 2000).

Una realidad que marca de manera específica esta tendencia en América Latina es la emergencia de tales conglomerados comunicacionales y culturales en 17 Estados que tienen como lengua oficial el español. Sus productos narrativos e informativos sobrepasan las fronteras de las ciudades de origen y crean una cultura específica de cada ciudad que al mismo tiempo puede ser latinoamericana hispanohablante.

Han promovido a la creación de este espacio nuevo del idioma español los siguientes conglomerados mediáticos en América Latina:

1. En Buenos Aires, Argentina, el grupo Clarín (prensa escrita, TV, cable, radio, y provisión de servicios en internet) tiene dos millones de lectores diarios de su periódico Clarín y con su Canal 13 llega a doce millones de hogares. Lo que quiere decir que cubre prácticamente toda la población de Buenos Aires.

2. En Santiago de Chile lo que fuera una empresa periodística familiar es hoy un conglomerado de comunicaciones. El nombre del diario chileno Mercurio da su denominación al grupo mediático más importante del país. Le sigue el grupo COPESA.

3. En Bogotá, Colombia, el grupo de comunicaciones CARACOL Televisión, así mismo es dueño del segundo diario del país, EL Espectador. El conglomerado de comunicaciones CARACO, tiene el 58% de la cuota de la audiencia nacional y buena parte de la de la capital colombiana. Allí mismo en Bogotá está la sede de la Casa Editorial El Tiempo, propietaria del diario El Tiempo (976251 lectores) y de la publicación ADN, que leen 700000 personas en Bogotá. Su revista Motor, tiene 1309734

lectores. Informa sobre temas de automóviles. Un tema urbano y nuevo en Colombia de las dos últimas décadas.

4. En ciudad de México se encuentra la sede del grupo de información TELEVISA. Este conglomerado informativo tiene una particularidad que confirma la tesis de este trabajo, la expansión demográfica de las capitales ha estado acompañada de la consolidación del espacio informativo en idioma español y de conglomerados de industria cultural e informativos. En la capital más poblada de Latinoamérica se encuentra esta influyente institución de comunicaciones privada mexicana. Los servicios que presta son característicos del tipo de productos discursivos audiovisuales y semióticos que producen casi todos estos conglomerados de información latinoamericanos, tal como lo señalan en su sitio oficial <http://www.televisa.com> “*Producción y transmisión de programas de televisión, distribución de programas a nivel internacional, televisión por cable, televisión por satélite, publicación y distribución de revistas, producción y distribución de discos, producción y transmisión de programas de radio, promoción de espectáculos deportivos y eventos especiales, producción y distribución de películas, servicios de doblaje y actividad en internet.*” El volumen de producción de información, entretenimiento y noticias ha llevado que este conglomerado tenga en la México D.F. tres instalaciones. En Chapultepec donde se encuentra centro de producción de noticieros, programas deportivos y programas de espectáculo. En San Angel el centro de producción de telenovelas espectáculos y humor. En Santa Fé, las oficinas corporativas, en un edificio construido por el más prestigioso arquitecto mexicano vivo del momento, Ricardo Legorreta. Esto evidencia que el conglomerado mediático promueve la identificación entre esta industria cultural mexicana y la cultura del país. La influencia de estos programas en español de TELEVISA, se ha expandido junto con el crecimiento de la migración mexicana y latinoamericana a los EU. El conglomerado es accionista de Broadcasting Media Partners, Inc, la empresa norteamericana que controla a UNIVISIÓN, la más vista cadena informativa en idioma español de los EU.

5. En el Perú alrededor del diario El Comercio, fundado en 1839, se consolidó en los últimos veinticinco años en Lima el grupo Multimedia del Perú, El Comercio. El diario El Comercio escrito en idioma español es el más leído en la capital del Perú. El conglomerado El Comercio es socio mayoritario de Plural TV (América Televisión y Canal N). El hecho que el conglomerado El Comercio y sus actividades multimediáticas se hayan expandido en los últimas tres décadas corresponde a la tendencia latinoamericana mostrada en este trabajo del vínculo lingüístico, cultural y económico entre expansión demográfica de las capitales latinoamericanas y crecimiento del espacio informativo y comunicacional en lengua española.

La cultura urbana en idioma español en sus manifestaciones de entretenimiento, narrativas populares y curiosidad por saber qué ocurre en una megaciudad con sus fenómenos económicos, situación del transporte, movimientos políticos, tendencias culturales, delincuencia, utopías sociales, tensiones poblacionales, comportamientos atípicos, estado de la opinión colectiva ha conllevado a una demanda de historias y noticias así como de entretenimiento (es la definición dada por la gran mayoría de conglomerados a sus programas de telenovelas, música, humor y deporte, en una caracterización bastante ambigua que en parte proviene de la definición norteamericana de entertainment). Así que una cultura urbana, masiva propia de megaciudades como lo son buena parte de las ciudades latinoamericanas ha dado origen a un espacio cultural no ubicado en un territorio específico, por fuerza de la capacidad tecnológica de difundir más allá de su sitio de emisión contenidos, relatos, noticias y espectáculos.

Estos conglomerados mediáticos se ha beneficiado entonces del espacio cultural en español de las megaciudades latinoamericanas, de su expansión demográfica, del crecimiento de las demandas de productos simbólicos por parte de sus habitantes que aspiran a ver reflejada su manera de ser y sus demandas en los contenidos producidos por los conglomerados.

Así mismo esta extraterritorialidad del espacio informativo en español, producida por la misma capacidad tecnológica se

complemente con otro fenómeno, la migración de trabajadores latinoamericanos al mercado laboral de las ciudades norteamericanas que llevan su idioma, sus nexos sociales y sus identidades al nuevo lugar de trabajo y residencia.

Una cultura latinoamericana hispanohablante en el espacio informativo y lingüístico en español de América Latina:

El 28 de noviembre de 2014 murió en ciudad de México el libretista, humorista y actor de televisión Roberto Gómez Bolaños. Creó al Chavo del Ocho, un personaje picaresco, ingenioso que vivía en una vecindad de la populosa capital de México. Sus frases “*fue sin querer queriendo*”, “*se me chispotió*” “*primero muerto que perder la vida*”, “*se aprovechan de mi nobleza*” se convirtieron en frases de la cultura urbana popular de América Latina.

La solidaridad barrial, la fantasía absurda y divertida de los niños, las historias y los chismes diarios de un edificio donde conviven personas de oficios urbanos o simplemente desempleados. Sus amores y adversidades. Al mismo tiempo que el humor para salirle al frente a las situaciones descabelladas y tiernas de la precariedad social. Y por supuesto una particular dicción y uso del idioma español popular urbano de México que producía un efecto de verosimilitud con los usos discursivos cotidianos y de realismo imaginado, con las situaciones vividas en una gran ciudad, hicieron que este programa de televisión creara una comunidad latinoamericana de televidentes y diera un sentido de pertenencia a un espacio cultural desterritorializado. “*La difusión de la comunicación global no cancela el espacio sino que crea uno nuevo que es local y global al mismo tiempo*” (Figuroa Sarriera, Viento Sur. N. 117 U. de Puerto Rico, julio 2011)

La serie inventada por Roberto Gómez Bolaños se convirtió en un producto cultural latinoamericano. Si bien había surgido como espejo de situaciones y géneros de humor televisivas originadas en la capital mexicana. En Santo Domingo, en Ciudad de Panamá, en Santiago o en Bogotá esta figura de la ficción televisiva mexicana se convirtió en un personaje punto de referencia social, idiomática y emotiva para los habitantes de las

ciudades y los países hispanohablantes de América Latina, tan célebre como un personaje de carne y hueso. El chavo del ocho televisivo pareció un espejo de la realidad cotidiana latinoamericana.

Y fueron las situaciones urbanas tipificadas en los comportamientos de los personajes inventados por Bolaños, que supo captar el humor popular, y una mentalidad ingenua e ingeniosa, las que lograron dar representación al universo urbano hispanohablante y al mismo tiempo crear un espacio cultural en lengua española que hoy por hoy sigue haciendo reír a millones de latinos. Tal vez contradiciendo y tomando del pelo a Adorno y Horkheimer (La industria cultural. Iluminismo como mistificación de masas. Buenos Aires, Sudamericana, 1988) y su teoría sobre el primitivismo seriado y alienante de los productos de la industria cultural, Gómez Bolaños y su el Chavo del Ocho captaron una imagen sensible de los habitantes de la ciudad latinoamericana, su mentalidad, sus historias y sus conflictos vistos desde la óptica de un personaje que adopta la máscara humorística de graciosos gestos infantiles.

También otros productos de espacio audiovisual particular de los países hispanohablantes latinoamericanos contribuyeron a crear esta identificación colectiva con imágenes narrativas seriadas y a reforzar y expandir el idioma español como vehículo de identidades de comunidades internacionales latinas y medio de existencia y lucro de las tecnologías informativas.

Series colombianas de televisión como Café con aroma de mujer, Betty la Fea, o figuras como Maradona proveniente también del mundo del entretenimiento y el espectáculo produjeron una cultura urbana que sobrepasaba las fronteras geográficas y creaba un espacio cultural e informacional latinoamericano. *“La importancia de Betty la Fea, de su historia radica en que fuera de Colombia, se convirtió en un producto internacional que permitió que muchas culturas se identificaran con el personaje y la trama”* *“Esta historia fue un claro ejemplo de transnacionalización de un producto cultural”* (Circulación y adaptación de narrativas televisivas. Murillo Sandoval Sandra y Rabadán Luis Escala. En Cuadernos.Info N. 33. Santiago dic. 2013).

Este espacio de extraterritorialidad del idioma español en América Latina, gracias a las tecnologías informativas ha sido fomentado como espacio comunicacional de intercambios entre personas que han emigrado y se encuentran en condiciones de trabajadores en las ciudades de los EU., como escribe la profesora de la Universidad de Puerto Rico Heidi J. Figueroa Sarriera: *“Los teléfonos celulares permiten la comunicación entre inmigrantes y sus familias en el lugar de origen”, “A través de los medios de comunicación, email, radio, tv, celular, podemos transportar muchos de nuestros nexos sociales a otros lugares”*. Esto significa que los inmigrantes latinoamericanos en EU, continúan su relación social, cultural, idiomática con sus comunidades de origen a través del uso del celular.

Por cuenta de las migraciones de trabajadores latinoamericanos procedentes de México, Colombia, Centroamérica, Argentina, Perú, Puerto Rico, los EE.UU. albergan la mayor población de hispanohablantes en el Norteamérica después de México. La población hispanohablante de EE.UU., se estima en ochenta millones de personas, concentradas los estados de California, Florida, Texas y Nueva Jersey. La oficina del censo norteamericana informó en 2011, que la población de origen latino creció de 35.3 millones en 2000 a 50.5 millones en 2010. Cuatro millones de centroamericanos viven en los EE.UU. provenientes de El Salvador, Honduras y Guatemala. Los trabajadores mexicanos o de origen mexicano son la comunidad hispanohablante más numerosa en los EE.UU.

Las demandas de información, historias, entretenimiento e identidad son cubiertas en idioma español por la cadena UNIVISIÓN, la más difundida empresa de medios de habla hispana de los EU. Esta empresa es la cadena de televisión en español más grande en los EU, es muy cercana al universo cultural de las personas hispanohablantes que viven en los EU debido a que cuenta con un gran número de estaciones afiliadas presentes en las ciudades donde hay hispanohablantes. Emite en idioma español sus producciones, noticias, espectáculos y asuntos que atañen a la vida cotidiana de los hispanohablantes que residen en los EU. La ciudad

buffer del idioma español en los EU, es Miami donde se encuentra la sede de operaciones de UNIVISION. El español se convirtió en noticia ligada al debate político del país norteamericano pues como fuera informado el 17 de enero de 2015 por Huff post Media una cadena de internet en inglés:

“The Republican National Committee announced Friday which networks landed 2016 presidential debates- and Univision, the most-watched Spanish-language network, did not make the cut”, “There is the very simple political reality — Hispanics will decide the 2016 Presidential election”, said Zamora Univision spokesman.

Los noticieros de televisión de cadenas como UNIVISIÓN, los periódicos, el espacio informativo y cultural en lengua española, existentes en los EE.UU. *“contribuyen a que los hispanohablantes tengan conciencia de la importancia de su lengua y de su propia comunidad, como también de una visión del mundo que les es propia”,* afirmó la profesora Florencia Cortés Conde de la U, de Chicago, en una entrevista realizada por José Ignacio Covarrubio de Associated Press a profesores de español, literatura y lingüística en los EE.UU.

Este espacio demográfico, urbano informativo en lengua española de América Latina ha desarrollado una nueva modalidad que se manifiesta en la demanda de información científica especializada y en la consolidación de redes científicas universitarias internacionales que hacen uso de las tecnologías de comunicación. Las políticas estatales y universitarias de promoción de la incorporación de las revistas científicas universitarias a estas redes, han sido impulsadas en las dos últimas décadas.

En las ciudades latinoamericanas hispanohablantes las universidades han venido creando redes de información digital. Las revistas científicas de universidades en Colombia, Chile, México, Perú, Venezuela, Argentina, Costa Rica ante las demandas de visibilidad y aumento del número de lectores de los productos de investigación universitaria que establecen una comunicación extraterritorial liberada de las revistas impresas, se han integrado, igualmente por criterios de internacionalización (contacto con otros centros de investigadores, participación en proyectos de investi-

gación latinoamericanos, visibilidad y exigencia de mayor número de lectores, no confinamiento al país de origen productor de la información) a redes de publicación digital de las revistas científicas. Las más mencionadas son la plataforma ScIELO, <http://www.scielo.org.co/?lng=es> que es aceptada dentro de los convenios intergubernamentales de las instituciones universitarias y científicas de los Estados hispanohablantes de la región. Igualmente la plataforma REDALYC.

Estas plataformas han logrado el incremento del número de lectores internacionales para los artículos científicos producidos por las revistas de las universidades estatales y privadas concentradas en las capitales hispanohablantes de América Latina.

En conclusión puede afirmarse que condiciones demográficas de crecimiento interno de las capitales de los países hispanohablantes de América Latina, los considerables flujos migratorios y la extensión de las tecnologías de información, así como la demanda masiva, creciente y diferenciada de servicios culturales, informativos, identitarios, de entretenimiento, así como la expansión del mercado de las comunicaciones en idioma español han dado origen a un reposicionamiento en términos de valor cultural, social, económico y comunicacional del idioma español en América Latina.

Este fenómeno ha adquirido fuerza en las dos últimas décadas entre los finales del siglo XX y el siglo XXI. El asunto ha traído matices políticos como evidencia la reciente exclusión de la cadena en español UNIVISIÓN en los debates del 2016 por el Republican National Committee.

El idioma español como medio comunicativo de representación y construcción de las mentalidades de las sociedades urbanas latinoamericanas es un fenómeno sociolingüístico que ha adquirido un nuevo status internacional, al convertirse en espacio semiótico de acción social y comunicacional potenciado por el desarrollo urbano, la expansión demográfica de las ciudades latinoamericanas hispanohablantes y las tecnologías de comunicación actuales.

Bibliografía

Figuroa, Sarriera H. Telefonía celular: movilidad, inmovilidad en el contexto de la crisis global // Viento Sur. Madrid. 2011. Nº 117. P. 54-64.

Horkheimer, M., Adorno, T. La Industria cultural. Iluminismo como mistificación de masas. // Dialéctica del iluminismo. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1988. P. 146-200.

Castellanos, Th., Joseph, J., Ubillus, M. Lima: ciudad cada vez menos pretenciosa. Serie: Ciudad y Segregación. Nº 1. Preparado como parte del Programa Ciudad (Universidad de Texas – Universidad de Princeton). Lima: Alternativa – Centro de Investigación Social y Educación Popular, 2003 // <http://www.alter.org.pe/wp-content/uploads/2014/02/limamenos-pretenciosa.pdf>

Molina, H. Dinámica demográfica y estructura funcional de la Región Bogotá-Cundinamarca 1973-2020. Estudio para la MPRBC. Bogotá, 2003.

Murillo, Sandoval S., Escala, Rabadán L. De Betty la Fea a Ugly Betty. Circulación y adaptación de narrativas televisivas // Cuadernos.Info. Nº 33. Santiago: 2013 // <http://cuadernos.uc.cl/uc/index.php/CDI/article/view/531/pdf>

Sayre, S., King, C. Entertainment and society: Influences, Impacts and Innovations. N.Y. 2010. UNESCO. Rapport Mondial sur la culture. Unesco, Paris, 2000.

ИСПАНИЯ И ПРОЦЕССЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В ЕС: РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ФАКТОРА

Уважаемый директор Института Сервантеса в Москве, уважаемые коллеги!

Благодарю за возможность представить вашему вниманию доклад, который состоит из двух основных частей. Первое, на чем хотелось бы остановиться подробнее – это рассмотреть роль языкового фактора в ЕС, определив языковые предпочтения европейцев, и второе – через призму экономической роли языка рассмотреть позиции Испании в современных процессах интернационализации производства, происходящих в Евросоюзе.

Роль языкового фактора в ЕС и его экономическое значение

Основываясь на методологии, которой придерживаются европейские и испанские эксперты, в частности, в исследованиях, проводимых в «Fundación Telefónica», в которых принимают участие видные испанские ученые, экономическая ценность языка может рассматриваться в трех основных измерениях¹.

Первое – это язык в качестве «рынка». Здесь рассматривается рынок образовательных услуг по изучению языка, издание специальных пособий, создание информационных ресурсов, специальных обучающих программ, а также рынок языкового туризма, который сейчас набирает все большую популярность.

Второе – когда язык в своем экономическом измерении рассматривается в качестве «опоры» для коммуникации и создания нового в мировой экономике. Главным образом в связи с ростом «культурной индустрии» как отрасли народного хозяйства, в которую входит издательский бизнес, распространение книг и периодики, теле- и радиовещание, театр, кинопрокат, Интернет, музыка, научная и интеллектуальная продукция, мероприятия в сфере науки и культуры.

И третье измерение – это язык в качестве «фактора интернационализации», его значение в развитии международной торговли и инвестиций, а также язык как инструмент повышения конкурентоспособности бизнес-процессов. Культурная и языковая общность стимулирует рост торгово-экономических отношений и международных инвестиций, содействует процессам интернационализации производства. При этом языковой фактор является конкурентным преимуществом, так как он существенно сокращает издержки на проведение торговых операций и финансовых сделок (расходы на информационную поддержку, переговоры и пр.).

С первых двух позиций язык как экономический фактор уже был рассмотрен коллегами – участниками настоящего симпозиума. В своем докладе мне бы хотелось остановиться более подробно именно на третьем экономическом измерении языка как факторе углубления процессов интернационализации производства, факторе развития международной торговли и инвестиций, но в рамках ЕС, рассматривая более подробно современный опыт и стратегию Испании.

Надо особо отметить, что в своем экономическом значении язык может рассматриваться сегодня как предпринимательская ценность. Так, по оценке известного испанского экономиста Хосе Луиса Гарсия Дельгадо, зачастую язык представляет собой неизмеримую ценность в сфере экономического обеспечения компании². Долгое время интернационализация экономики связывалась с экспортом товаров и их адаптацией к языковым и культурным особенностям различных регионов. По мере развития торговых отношений под интернационализацией подразумевают подключение конкретной компании (фирмы) с помощью инвестиций к производственной и технологической активности в других странах путем открытия собственных филиалов или приобретения иностранных компаний. В этом случае речь идет уже об интернационализации производства – технологическом способе применения капитала посредством установления устойчивых производственных связей между предприятиями различных государств, вследствие

чего производственный процесс в одной стране становится частью процесса, протекающего в интернациональном или глобальном масштабе.

На общем европейском рынке, предусматривающем свободное перемещение рабочей силы, капиталов и услуг, интернационализация рассматривается как улица с двусторонним движением. Так, филиалы испанских компаний действуют не только в странах ЕС, но и за его пределами. В свою очередь и на испанском рынке активно работают европейские компании, а также присутствует капитал из других регионов. Например, одной из последних тенденций является выход на испанский рынок компаний из Латинской Америки – так называемых «мультилатинас» (исп. – multilatinas), для которых через сотрудничество с Испанией, где языковой фактор играет важную экономическую роль, открывается выход на единый европейский рынок товаров и услуг.

Языковые предпочтения европейцев

Надо отметить, что современные процессы экономической трансформации национальных европейских экономик, которые происходят в Евросоюзе, находят свое прямое отражение в языковых предпочтениях европейцев. Поэтому показательны некоторые результаты последнего специализированного и уникального исследования «Евробарометра»³, выполненного в форме опроса и посвященного европейцам и их языкам⁴. Для большинства европейцев их родной язык – это один из официальных языков страны, в которой они проживают и гражданами которой являются. Поэтому, учитывая численность населения Евросоюза, самым широко употребляемым языком в качестве родного является немецкий (на нем говорит 16% европейцев), далее следуют практически в равных пропорциях французский, английский и итальянский языки (на каждом из которых говорят по 12-13% населения ЕС), затем в качестве родного используются испанский и польский языки (по 8% населения ЕС). Важно, что более половины европейцев (54%) в состоянии объясниться по крайней мере на одном дополнительном языке,

четверть (25%) – на двух дополнительных языках и 10% – на трех языках, помимо родного.

Наиболее интересные результаты исследования «Евробарометра» о языковых предпочтениях европейцев целесообразно отразить в форме графиков. Так, к примеру, на рисунке 1 видно, что 2/3 (67%) опрошенных европейцев, кроме своего родного языка, из 38 предложенных для выбора по списку, рассматривают английский язык как один из двух самых важных языков для своего личного развития. Далее в качестве наиболее полезных дополнительных языков называют немецкий (17%), французский (16%) и испанский (14%). В числе выбранных присутствуют также китайский, итальянский и русский.

Рисунок 1

Какие языки*, по мнению европейцев, полезны для личного развития?

* - Два языка, кроме родного, на выбор, из 38 предложенных по списку.

Если рассматривать отдельные европейские страны, то, например, в Испании, предпочтения отдаются в пользу английского, немецкого, французского и китайского языков как наиболее полезных для изучения в качестве второго и третьего языка и способствующих, по мнению респондентов, личному развитию. В Германии предпочтения отдаются французскому, испанскому и русскому языкам; во Франции респонденты называют в первую очередь английский (79%) и испанский (33%)⁵. Предпочтения итальянцев складываются в пользу английского языка как дополнительного (70%), итальянского (14%) и французского (11%)⁶. Довольно высокий процент среди респондентов в Италии (13%) придерживается мнения о том, что изучение одного-двух дополнительных европейских языков вообще не является необходимым⁷.

По данным «Евробарометра», совсем другая картина языковых предпочтений складывается в странах Восточной Европы⁸. Так, в Чехии и Польше предпочтения отдаются английскому и немецкому языкам, при этом немецкий занимает довольно прочные позиции. Доля русского языка среди языковых предпочтений в регионе выше, чем во Франции, Италии или Испании. Если рассматривать данные относительно двух балканских стран, Болгарии и Греции, то мы видим, что в Греции 74% респондентов выбирают традиционно английский язык в качестве второго для изучения и личного развития. В Болгарии доля английского языка в предпочтениях ниже (57%), но высок процент респондентов, выбирающих русский язык (14%) в качестве дополнительного для изучения. При этом доля респондентов в странах Восточной Европы, а также на Балканах, выбирающих испанский язык в числе двух дополнительных, невелика (от 1% в Чехии до 7% в Болгарии)⁹.

Показательны результаты опроса, представленного на рисунке 2, о том, какие выгоды дает европейцам изучение нового языка. Надо отметить, что эти данные отражают те социально-экономические процессы, которые происходят в ЕС в настоящее время. Так, большинство респондентов (61%) считают основным преимуществом возможность работать в другой

стране, что служит важнейшей мотивацией для изучения дополнительных языков. Показательно, что на национальном уровне такой ответ дали большинство респондентов в Испании (79%, что объясняется высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи), Греции (73%), Литве (72%) и Венгрии (71%). Более половины участвующих в опросе европейцев (53%) назвали в числе преимуществ возможность использования дополнительного языка в работе (в командировках).

Рисунок 2

Какие преимущества дает изучение нового языка?
(выбор вариантов ответа из предложенного списка)¹⁰.

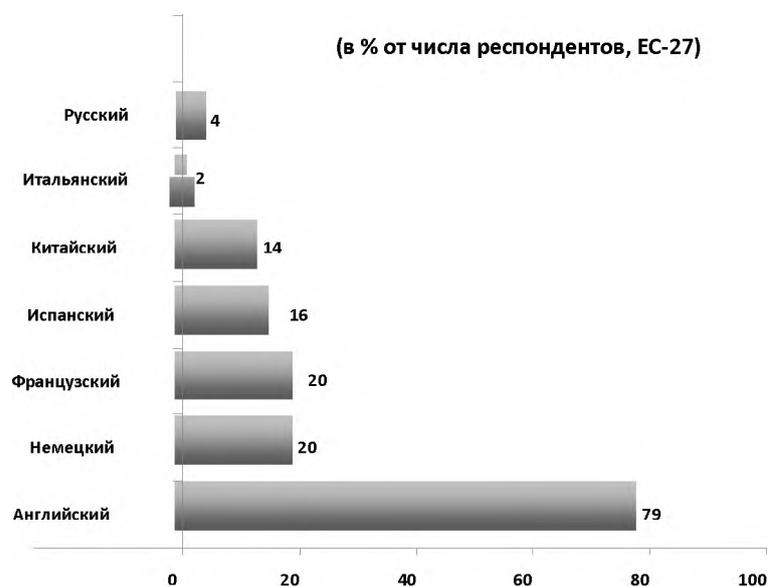
Таким образом, на первый план для европейцев выходит экономический фактор в мотивации к изучению другого языка: главным образом для повышения конкурентоспособности на рынке труда. Для получения лучшей работы в своей стране дополнительный язык как преимущество рассматривают 45% респондентов. Далее по значимости следуют возможность применения нового языка в туристических поездках, т.е. для

проведения комфортного отдыха (47%), а также возможность учиться в другой стране (43%). Всего около трети респондентов воспринимают знание еще одного языка как преимущество для личного общения и собственного удовольствия.

Показательны результаты опроса «Евробарометра» о том, знание каких двух дополнительных языков европейцы считают наиболее перспективным для будущего своих детей. Как показывает рисунок 3, традиционно это английский (79%), немецкий и французский (каждый выбран в равных долях – по 20% респондентов), а также испанский и китайский (16% и 14%, соответственно); кроме того, 4% европейцев выбрали русский¹¹.

Рисунок 3

**Какие языки*, по мнению европейцев,
полезно изучать детям для их будущего?**

* Два языка, кроме родного, на выбор из 38 предложенных по списку.

К примеру, жители Испании в числе двух дополнительных языков, полезных для будущего своих детей, выбирают главным образом английский язык (92%), далее предпочтения отдаются в пользу китайского языка (24%), французского (19%) и немецкого (15%)¹².

Какие выводы можно сделать? Во-первых, две трети европейцев рассматривают английский язык как один из двух наиболее полезных для своего личного развития (помимо родного языка). Во-вторых, чаще всего в качестве таковых называются также немецкий, французский, испанский и китайский. В-третьих, преимущества в изучении нового языка европейцы связывают в основном с возможностью работать в другой стране, устроиться на более перспективную работу на родине и использовать его в работе. Среди наиболее перспективных языков для будущего своих детей европейцы называют английский, немецкий, французский и китайский. По сравнению с исследованием «Евробарометра» за 2005 г.¹³, в новом десятилетии повысился спрос на испанский, китайский и русский языки, что связано с перспективными для бизнеса рынками Латинской Америки, Китая и России.

Испания и процессы интернационализации производства в ЕС

Переходя ко второй части исследования о развитии процессов интернационализации в Европе и позиций Испании, нужно отметить, что с момента интеграции испанской экономики в ЕС прошло уже практически три десятилетия (с 1 января 1986 г.), и за это время политическая и экономическая карта Европы претерпела значительные изменения. Произошла трансформация секторов экономики вследствие процессов глобализации и регионализации. Для Испании подключение к европейским структурам означало, прежде всего, перестройку национальных хозяйственных систем в соответствии с выдвинутыми критериями и нормами, что направило испанскую экономику на путь дальнейшей диверсификации и интернационализации.

Степень открытости испанской экономики (соотношение экспорта и импорта к ВВП) повысилась с 40% в 2000 г. до 60% в 2012 году¹⁴. Изменилась структура ВВП, в нем закрепились специализация на секторе услуг; расширились торговые связи, однако доли сельского хозяйства и промышленности снизились. Особую роль в процессе трансформации «по-европейски» сыграл иностранный капитал, либерализация государственного сектора и приватизация крупных государственных компаний. Подключение к европейской интеграции имело важнейшее значение для роста интернационализации испанской экономики.

Последствия мирового кризиса 2008-2009 гг. и долгового кризиса ряда экономик Юга еврозоны подчеркнули своеобразный рубеж, за которым режим участия Испании в ЕС существенно осложнился, и наряду с южноевропейскими экономикими страна столкнулась с необходимостью трансформации прежней парадигмы развития¹⁵. Наиболее болезненно кризис ударил по промышленным предприятиям, число которых сократилось, и при этом усилился процесс «деиндустриализации» испанской экономики.

Однако представляется, на наш взгляд, что в последние три года (начиная с 2010 г.) Испания вступила в новую прагматичную фазу: фазу *«переевропейзации»*, которая связана с реабилитацией национальной хозяйственной системы в соответствии с рекомендациями ЕС. Новые пути, которые избирает сегодня для себя Испания, тесно связаны с посткризисной трансформацией экономических и политических процессов, происходящих в самом Евросоюзе. В Испании ставка делается на новые регуляторы роста: углубление интернационализации бизнеса и наращивание экспортного потенциала экономики, используя снижение себестоимости производства товаров внутри страны (как конкурентное преимущество) за счет повышения производительности труда и удешевления стоимости рабочей силы.

Согласно исследованию Королевского Института «Элькано», итоги 2013 г. свидетельствовали об улучшении показателей внешнеэкономического сектора испанской экономики за

счет роста экспорта товаров и услуг, что компенсировало некоторый спад инвестиционной активности со стороны испанских мультинациональных корпораций на внешних рынках. При этом, несмотря на ощутимые бюджетные сокращения и растущий потенциал азиатских и латиноамериканских экономик, степень вовлеченности Испании в глобальные экономические процессы остается высокой¹⁶.

Далеко не последнюю роль в процессе интернационализации производства в ЕС играют экспортные потоки¹⁷. При этом ставка делается не только на традиционный европейский рынок, куда поставляется около 70% продукции, но и на растущие внерегиональные рынки. Речь идет об одном из важных элементов «переевропеизации» – перераспределении производственно-технологических цепочек внутри еврозоны и диверсификации в рамках ЕС торговых и производственных связей с учетом спроса и потребностей третьих стран – на внешних для Евросоюза рынках. Ключевую роль играет создание условий для инвестиционной привлекательности еврозоны и образование дополнительных стимулов к развитию внутреннего потребительского спроса, но решение задачи напрямую зависит от роста занятости и сокращения безработицы в ряде стран ЕС.

Представляется, что процесс интернационализации производства в рамках ЕС для Испании будет углубляться за счет более тесного взаимодействия с основными европейскими торговыми партнерами – Германией и Францией. Дело в том, что по производственной структуре и инновационному уровню развития национальная испанская экономика все еще уступает странам – лидерам ЕС (Германии, Франции, Великобритании). Надо отметить, что, начиная с 90-х годов прошлого века, зарубежный капитал сыграл существенную роль в современном экономическом развитии Испании. Иностранные компании в Испании по сравнению с местными предприятиями отличаются не только большими размерами, но и более высокой производительностью труда, существенными расходами на НИОКР, а также сравнительно более высокой экспортной и импортной составляющей выпускаемой продукции. К примеру, Германия

занимает сегодня весомое место в общем объеме прямых промышленных инвестиций, получаемых Испанией. На испанском рынке зарегистрировано свыше 1000 компаний с участием немецкого капитала, не только дочерних, но и развивающих самостоятельное производство¹⁸. При этом около 70% немецких дочерних компаний, работающих в Испании, исполняют роль «транспортных узлов» и распространяют свою деятельность на рынки Португалии, Латинской Америки и Северной Африки. Примечательно, что схема производства и внедрения технологических инноваций «по-немецки» рассматривается сегодня в качестве модели для повышения конкурентоспособности промышленных предприятий в Стране Басков¹⁹.

В свою очередь крупные испанские ТНК расширяют влияние и на европейских рынках (путем инвестиций и покупки контрольных пакетов акций ряда компаний во Франции, Италии). Идет процесс создания смешанных испано-португальских компаний для успешного позиционирования на иберийском пространстве, а также для выхода на рынки третьих стран (например, для продвижения на такой важный для Евросоюза рынок, как Бразилия). Одной из важнейших задач и серьезным вызовом для Испании является сегодня повышение конкурентоспособности национальных предприятий и статуса испанских технологий, учитывая, в частности, опыт партнеров страны по ЕС, и в этом вопросе языковой фактор играет решающую роль.

Однако такой путь для Испании сопряжен с определенными трудностями. Например, новая европейская система выдачи патентов на изобретения в области высоких технологий ставит своей целью сокращение расходов и сроков выдачи патентов странам – членам ЕС. Патентное бюро находится в Германии (г. Мюнхен), и запатентовать изобретение теперь можно лишь на одном из трех языков – немецком, французском и английском²⁰. Испания наряду с Италией выступает категорически против такого подхода, так как для нее крайне важны изобретения, запатентованные на испанском языке (для их признания на латиноамериканском рынке).

Другим серьезным вызовом для Испании и испанского языка являются трудности социально-экономического характера, вызванные высоким процентом нетрудоустроенной молодежи, так называемым поколением «*pi-pi*». Германия в свою очередь была готова расширять внутренний рынок труда для привлечения испанской молодежи с целью профобразования и дальнейшего трудоустройства в секторе услуг. На осуществление такой программы были выделены средства – 48 млн евро на 2014 год. На них претендовали 4 тыс. испанцев. Однако в апреле 2014 г. стало известно о перерасходе средств и временном замораживании финансирования²¹. Следует отметить, что сжатие европейского рынка и растущая на нем конкуренция не позволяют преодолеть сохраняющиеся риски в социальной сфере, особенно на юге Европы.

Будем оптимистами, тем более что для преодоления кризисных потрясений в Испании предпринимается ряд важных шагов. Так, был принят стратегический план интернационализации экономики на 2014-2015 гг., который включает меры по обеспечению занятости и государственную поддержку новых ориентированных на экспорт секторов испанской экономики²². Кроме того, запущен амбициозный проект «*Marca España*»²³, направленный на повышение инвестиционной привлекательности национальных компаний и повышение имиджа Испании в мире.

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что процесс интернационализации производства в ЕС, в частности в Испании, зависит от корректировки хозяйственных и финансовых связей внутри еврозоны, создания реальных условий для стимулирования экспортного спроса и развития конкурентных и высокотехнологичных отраслей. Не только для Испании, но и для России в современных условиях важно воспользоваться конкурентными преимуществами, основанными на общем языке, общей инфраструктуре и глубоком уровне кооперации между предприятиями, а также хороших наработках в сфере науки и образования, которые можно применить для успешной

конкуренции на мировых рынках и повышения уровня благосостояния граждан.

* * *

¹ García Delgado J.L., Alonso J. A., Jiménez J.C. Valor económico del español: una empresa multinacional. Madrid: Fundación Telefónica, 2012. P. 230

² García Delgado J.L., Alonso J.A. La potencia económica del idioma: una mirada desde España //Revista de Occidente. Madrid: Fundación Ortega y Gasset, 2001, Octubre (№ 245). P. 37-51.

³ Серия регулярных исследований общественного мнения в странах ЕС, проводимых с 1973 г., отчеты о которых публикуются Европейской комиссией // http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm

⁴ Special Eurobarometer 386. Europeans and their Languages. February-March 2012. P. 147 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf

⁵ Ibid. P. 70.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. P. 62.

¹¹ Ibid. P. 75.

¹² Ibid. P. 78.

¹³ Special Eurobarometer 234. Europeans and their Languages. November – December 2005. P. 176 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_243_en.pdf

¹⁴ Arahuetes A., Steinberg F. La internacionalización como palanca para salir de la crisis. 15.03.2013 // <http://www.realinstitutoelcano.org>

¹⁵ См. подробнее: Куда идет Испания? М.:ИЛА РАН, 2013. С. 168.

¹⁶ Molina I. (coord.). España en el mundo durante 2014: perspectivas y desafíos. Elcano Policy Paper 2/2014. Madrid: Real Instituto Elcano, 31.III.2014.

¹⁷ Ontiveros E., Balaña S. La internacionalización de la economía española //García Delgado J.L. (coord.). Empresas y empresario en la economía global. Colección Estudios Socioeconómicos «Mediterráneo Económico». Fundación Cajamar.V. 21. El Ejido (Almería): Escobar Impresores SL., 2012. P. 139-152.

¹⁸ Tayar V. España como parte de Europa: vector de la transformación económica // Iberoamérica. Moscú: ILA ACR, 2013. №4. P. 21-37.

¹⁹ См. подробнее: Тайар В.М. Факторы экономической трансформации Испании в рамках объединенной Европы //Латинская Америка. М. 2013. №12.

²⁰ Martinez de Rituerto R. La patente europea consume la postergación del español en la UE //El Pais. Madrid, 15.II.2011.

²¹ Müller E. Alemania recorta ayudas para solucionar el paro juvenil en Europa //El Pais. Madrid, 7.V.2014.

²² Rajoy anuncia un Plan para la Internacionalización de la Economía 2014-2015 //El Pais. Madrid, 25.II.2014.

²³Официальный сайт: <http://marcaespana.es>

PALABRAS DE CLAUSURA

Propongo que empecemos a hacer un balance de estos dos días de labores. Yo puedo comenzar.

Pienso que la mayoría de las inquietudes, la mayoría de las cuestiones y preguntas que se han planteado en este debate siguen aún sin respuestas. Pero no es esta una conclusión pesimista. Por el contrario, creo que señala un buen comienzo y un comienzo históricamente necesario, lo cual tiene su explicación. Pienso que el tema tratado –y aquí quiero comentar de paso lo expuesto por Borís Súbichus –, nuestro tema no era el idioma como tal en todos sus significados, sino la proyección internacional del mismo, las cualidades que adquiere el idioma en el marco de la internacionalización, cuando desborda las fronteras nacionales y empieza a desempeñar un papel mucho más amplio. En este sentido, viene muy bien al caso la célebre frase de aquel personaje que un buen día se entera de que en su quehacer cotidiano siempre ha hablado en prosa, y digo que viene al caso porque nosotros comenzamos a entender el sentido grandioso del idioma ya que la lengua que hablamos y en la que escribimos lo engloba todo. Por eso tiene muchas vertientes. Vertientes como son, en particular, las relaciones de interdependencia idioma-economía, idioma-tecnología, idioma-ciencia, idioma-educación, idioma-seguridad. Pienso que todas esas vertientes deben ser tomadas en consideración cuando se elabora una política estatal o, digamos, una conceptualización de la sociedad civil o de cierto *socium*. Á mi juicio, otra conclusión que podemos sacar a partir de las intervenciones en este simposio es que estos dos idiomas, ruso y español, constituyen un buen objeto de reflexión. Tienen coincidencias en su trayectoria de desarrollo, en su función nacional y social, encierran un gran potencial y al mismo tiempo requieren defensa, defensa sólida e intensa promoción. Y creo que enfrentamos también las mismas amenazas. Amenazas que provienen de un intento de monopolización del espacio lingüístico internacional. Puedo concretar esta afirmación, ya que tengo conocimiento de la actitud de científicos españoles y diversos

centros universitarios frente a las reformas de la educación, las últimas reformas e intentos de mostrar internacionalización – subrayémoslo: mostrar, no efectuar, sino mostrar, acatar cierta moda. Si nosotros seguimos ese camino vamos a perder nuestro futuro en muchos sentidos, vamos a perder, digamos, el contenido vivo de nuestros idiomas como idiomas de ciencia, de tecnologías, y esto es particularmente peligroso en lo que atañe a las ciencias sociales y humanísticas. ¿Por qué? Porque cuando nosotros tratamos de seguir esas nuevas normas o modas, de asentarnos en el espacio anglófono de revistas de prestigio, consciente o inconscientemente empobrecemos nuestro pensamiento tratando de adaptarnos a normas ajenas. Nos encontramos así con negativas a publicar artículos donde se argumenta la posición rusa frente a la crisis ucraniana, a título de ejemplo. Posiblemente sea éste un ejemplo extremo, pero hay otras miles de situaciones de ese tipo en las que tropezamos con filtros muy rígidos. De ahí la necesidad de contar con espacios independientes y en caso de que no dispongamos de tales, crearlos. Es grato constatar que Internet ya está hablando castellano y ruso, y que esta tendencia es ascendente. Esto sí requiere nuestro apoyo. Por supuesto, no podemos ser independientes de la estructuración internacional existente, independientes del hecho de que en esa palestra, a pesar de la multiplicación de los agentes, de los actores de actividad, el Estado-nación sigue siendo una estructura básica de las relaciones internacionales. Dicen que la composición de ese universo internacional está cambiando, que aparecen agentes no estatales. Bueno, sí, en cierta medida. Pero eso no quiere decir que antes –e incluso mucho antes– no existieran agentes no estatales. Tomemos, por ejemplo, la existencia y actuación de las religiones mundiales en ese espacio. ¿Qué tipo de actores internacionales representan? Desde luego, son actores totalmente internacionales, posiblemente mucho más internacionales o internacionalizados que algunos inmensos imperios que ha conocido la historia de la humanidad.

Para mí, repito, este es un comienzo y pienso que la ciencia puede sacar gran provecho dedicando creciente atención al tema del significado internacional del idioma.

Quiero agradecer a todo el público tan alto y cualificado que ha asistido a esta reunión. Para mí han sido días muy interesantes, cargados de nuevas impresiones. Quiero agradecer particularmente al Instituto Cervantes, su colaboración en la convocatoria y celebración de este simposio. Pienso que es una muestra de que se puede construir un espacio común hispano-ruso, lo cual a mi juicio se refiere también a la mentalidad, pues todo indica que nuestras esperanzas se conjuegan y armonizan perfectamente.

Yo quiero expresar agradecimiento a todos los oradores, a nuestros huéspedes de Atenas, de Belgrado, de Colombia, de España. Para nosotros su presencia e intervención en las labores de este encuentro ha sido un gran regalo. Muchísimas gracias.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГРОМЫКО АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ. Директор Института Европы РАН, доктор политических наук.

ДАВЫДОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ. Директор Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

ДЕ САГАРРА АНХЕЛЬ ЖУЗЕП МАРИЯ. Директор Института Сервантеса в Москве (Испания).

ИВАНОВСКИЙ ЗБИГНЕВ ВЛАДИСЛАВОВИЧ. Руководитель центра политических исследований ИЛА РАН, доктор политических наук, профессор.

ИОВЕНКО ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ. Заведующий Кафедрой испанского языка Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, доктор филологических наук, профессор.

КОСАЧЕВ КОНСТАНТИН ИОСИФОВИЧ. Руководитель Федерального агентства «Россотрудничество» и спецпредставитель Президента РФ по делам СНГ, кандидат юридических наук.

КУДЕЯРОВА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА. Ведущий научный сотрудник ИЛА РАН, кандидат исторических наук.

МИХАЙЛОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Координатор Американских программ Фонда «Русский мир».

МИХЕЕВА НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА. Заведующая Кафедрой иностранных языков Филологического факультета Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, доктор филологических наук, профессор.

МОИСЕЕНКО ЛИЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Заведующая Кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Факультета экономики и права Московского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, профессор.

НИКОНОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ. Председатель Правления фонда «Русский мир», Председатель Комитета по образованию Государственной Думы ФС РФ, доктор исторических наук.

НОВИКОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА. Редактор отдела Латинской Америки и Испании дирекции международных проектов «Российской газеты».

ОБОЛЕНСКАЯ ЮЛИЯ ЛЕОНАРДОВНА. Заведующая Кафедрой иберо-романского языкознания Филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор.

ПАЙОВИЧ СЛОБОДАН С. Ректор «Университета Мегатренд» (Сербия), имеет научную степень «доктора философии» (Ph.D.) в области истории и географии, профессор.

ПАНДИС ПАВЛАКИС ЭФИМИЯ. Руководитель кафедры испанского языка и литературы Афинского национального университета им. Каподистрии (Греция), имеет научную степень «доктора философии» (Ph.D.) в области испанского и португальского языков и литературы, профессор.

ПЕТРОВ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ. Представитель Федерального агентства «Роспечать», известный переводчик и преподаватель, руководитель программы «Полиглот» на телеканале «Культура».

РАЕВСКАЯ МАРИНА МИХАЙЛОВНА. Заведующая Кафедрой испанского языка Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор.

СОЛЕР ЭРРЕРОС ХОАКИН ЭЛИЗЕО. Специалист технического департамента Генерального секретариата Института Сервантеса в Москве.

СОРОКИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Проректор Финансовой академии при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

ТАЙАР ВИОЛЕТТА МАКАРИОСОВНА. Заместитель директора ИЛА РАН, кандидат экономических наук.

ФЛОРЕС РУБЕН ДАРИО. Министр-советник Посольства Республики Колумбия в РФ, профессор Национального университета Колумбии, кандидат исторических наук.

ЧЕРЕДОВ ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. Заведующий редакционно-издательским отделом Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

ШЕМЯКИН ЯКОВ ГЕОРГИЕВИЧ. Главный научный сотрудник ИЛА РАН, доктор исторических наук.

ЯКОВЛЕВ ПЕТР ПАВЛОВИЧ. Руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН, доктор экономических наук, профессор.

INFORMACIÓN SOBRE LOS AUTORES

CHEREDOV GRIGORY. Jefe del Departamento Editorial de la Biblioteca Estatal de Rusia de la Literatura Extranjera “M.I. Rudomino”.

DAVYDOV VLADIMIR. Director del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, miembro correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, doctor titular (Economía) y profesor catedrático.

DE SAGARRA ÁNGEL JOSEP MARIA. Director del Instituto Cervantes de Moscú.

FLÓREZ RUBÉN DARÍO. Ministro-consejero de la Embajada de la República de Colombia en la FR, Profesor Asociado de la Universidad Nacional de Colombia, Ph.D. (Historia).

GROMIKO ALEKSEY. Director del Instituto de Europa de la Academia de Ciencias de Rusia, doctor titular (Politología).

IOVÉNKO VALERY. Jefe del Departamento de Lengua Española del Instituto Estatal de Moscú de Relaciones Internacionales (Universidad) del MAE de la FR. Doctor titular (Filología), profesor catedrático.

IWANOWSKY ZBIGNIEW. Jefe del Centro de Estudios Políticos del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, doctor titular (Politología).

KOSACHEV KONSTANTIN. Jefe de la Agencia Federal “Rossotrudnichestvo”, Representante especial del Presidente de la FR encargado de los asuntos de CEI, Ph.D. (Derecho).

KUDEYÁROVA NADEZHDA. Investigadora titular del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Ph.D. (Historia).

MIKHAYLOV NIKOLAY. Coordinador de Programas Americanas de la Fundación “Russkiy mir”.

MIKHÉEVA NATALYA. Jefa del Departamento de Lenguas Extranjeras de la Facultad de Filología de la Universidad Rusa de Amistad de los Pueblos “P. Lumumba”, doctora titular (Filología), profesora catedrática.

MOISEYENKO LILIA. Jefa del Departamento de Lingüística y Comunicación Profesional en el campo de Derecho de la Facultad de Economía y Derecho de la Universidad Estatal Lingüística de Moscú, Ph.D. (Filología), profesora catedrática.

NIKONOV VIACHESLAV. Presidente de la Junta Directiva de la Fundación “Russkiy mir”, Presidente del Comité para la Educación de la Duma Estatal de la Asamblea Federal de la FR, doctor titular (Historia).

NÓVIKOVA ELENA. Redactor de la Sección de América Latina y España de la Dirección de Proyectos Internacionales de “Rossiyskaya Gazeta” (periódico diario y órgano oficial del Gobierno de la FR).

OBOLENSKAYA YULIA. Jefa del Departamento de Lingüística Ibero-Romana de la Facultad de Filología de la Universidad Estatal de Moscú “M.V. Lomonosov”, doctora titular (Filología), profesora catedrática.

PAJOVIC SLOBODAN. Rector de la Universidad “Megatrend” (República Serbia), Ph.D. (Historia y Geografía), profesor catedrático.

PANDÍS PAVLAKIS EFTHIMÍA. Jefa del Departamento de Lengua y Literatura Española de la Universidad Nacional y Kapodistriáca de Atenas (Grecia), Ph.D. (Lenguas y Literatura Española y Portuguesa), profesora catedrática.

PETROV DMITRIY. Colaborador de la Agencia Federal “Rospechat”, traductor famoso y profesor de lenguas extranjeras, dirigente y moderador del programa televisivo “Polígloto” (Canal televisivo estatal “Cultura”).

RAYEVSKAYA MARINA. Jefa del Departamento de Lengua Española de la Facultad de Lenguas Extranjeras y Estudios Regionales de la Universidad Estatal de Moscú “M.V. Lomonosov”, doctora titular (Filología), profesora catedrática.

SHEMIAKIN YAKOV. Investigador principal del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, doctor titular (Historia).

SOLER HERREROS JOAQUÍN ELISEO. Especialista del Gabinete Técnico de la Secretaría General del Instituto Gervantes.

SOROKIN DMITRIY. Vicerector de la Academia Financiera del Gobierno de la FR, miembro correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, doctor titular (Economía), profesor catedrático.

TAYAR VIOLETTA. Vice-directora del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Ph.D. (Economía).

YAKOVLEV PETR. Jefe del Centro de Estudios Ibericos del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, doctor titular (Economía).

ЯЗЫК КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Доклады международного симпозиума

Редактор – М.А. Воронина
Макет – Г.П. Колпинская
Обложка – Д.В. Разумовский

За аутентичность фактического материала и библиографии
ответственность несут авторы.

Подписано в печать 19.12.2014.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Физ.печ.л. 17,5 Уч.-изд.л. 11,7.
Тираж 200 экз. Заказ 6.

ПЛИЛА РАН. 115035 Москва, Б. Ордынка, 21.
Тел.: (495) 951-53-23. Факс: (495) 953-40-70.
E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Основанный в 1961 г., ИЛА РАН является ныне крупнейшим европейским центром, ведущим комплексные фундаментальные исследования экономических, социально-политических, международных и культурологических аспектов современного развития государств и народов Латино-Карибской Америки, а также стран Иберийского полуострова – Испании и Португалии.

Институт изучает актуальные проблемы сотрудничества России с указательными странами, разрабатывает перспективные направления оптимизации отношений с ними на двусторонней и многосторонней основе.

ИЛА занимается также консультационной работой по заказам государственных, общественных и частных организаций, культурно-просветительской, образовательной и издательской деятельностью.

За годы своего существования Институтом выпущено около 600 монографий и сборников статей. Ежегодно публикуется более 10 различных наименований. ИЛА издает ежемесячный журнал «Латинская Америка» и ежеквартальный журнал «Iberoamérica» на испанском языке. Периодически публикуется научный бюллетень «Аналитические тетради ИЛА РАН». Библиотека Института, насчитывающая около 100 тыс. томов, является одной из самых крупных в мире по современной проблематике Латино-Карибской Америки.

ИЛА РАН подтверждает связи с более чем 200 зарубежными научными центрами, осуществляет свыше 40 соглашений и программ о научном сотрудничестве с университетами и исследовательскими центрами Латино-Карибской Америки, США, Европы и Азии.

В Институте ежемесячно проводятся научные конференции, симпозиумы, круглые столы и семинары с участием российских и зарубежных ученых. Осуществляется подготовка специалистов высшей квалификации на уровне кандидата и доктора наук.

Адрес: Москва, 115035, Б. Ордынка, д. 21.
Тел.: (495) 951-5323, 953-4639, факс: (495) 953-4070.

E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

<http://www.ilaran.ru>

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

РЕАЛИЗУЕТ СВОИ КНИГИ ЧЕРЕЗ МЕЖИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДИСТРИБЬЮТЕРСКИЙ ЦЕНТР
ПРИ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ УРСС

ТЕЛ.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23 E-mail: urss@urss.ru <http://urss.ru>

- *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Давыдов В.М.* Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки.
- *Яковлев П.П.* Аргентинская экономика перед вызовами модернизации.
- *Холодков Н.Н.* Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы.
- *Мартынов Б.Ф.* Бразилия – гигант в глобализирующемся мире.
- *Давыдов В.М., Бобровников А.В.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении).
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. *Чумакова М.Л.*
- *Белякова Е.И.* «Русский» Амаду и бразильская литература в России.
- *Яковлев П.П.* Испания в мировой политике.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX – начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Испания на фоне мирового кризиса. Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- Индейский мир перед вызовами XXI века (сборник статей). Отв. ред. *Чумакова М.Л., Мартынов Б.Ф.*
- *Синельщикова И.Г.* Иммиграционная практика Испании: риски, масштабы, регламентации.
- Иберийские страны: трудный старт в XXI век. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Дьякова Л.В.* Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 24. Организованная преступность – вызов безопасности Латинской Америки. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Векторы развития региона в меняющемся мире (сборник докладов научной конференции).
- *Ермольева Э.Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иberoамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Мексика: реформа энергетического сектора. Отв. ред. *Давыдов В.М., Яковлев П.П.*
- *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. *Ивановский З.В.*

Уважаемые читатели!
Институт Латинской Америки РАН
планирует выпустить в свет в 2015 г. следующие книги:

- Транснациональная преступность – угроза безопасности Латинской Америки. Отв. ред. Б.Ф. Мартынов.
- Возможности и пределы инновационного развития стран Латинской Америки. Отв. ред. Л.Н. Симонова.

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки РАН
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, тел. (495) 951-5323, факс (495) 953-4070;
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-4423, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457)
«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
«Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206)
Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-5721)

**В магазинах торговой фирмы «Академкнига»
(адрес фирмы: 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7,
тел. (499) 124-55-00, E-mail: akadkniga@voxnet.ru)
можно приобрести следующие публикации ИЛА РАН**

- Энциклопедия. Латинская Америка. Гл. ред. *Давыдов В.М.*
- Латинская Америка в современной мировой политике. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Коваль Б.И.* Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса.
- Трансграничный терроризм: угроза безопасности и императивы международного сотрудничества (латиноамериканский вектор). Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности. Отв. ред. *Коваль Б.И.*

Латиноамериканская Америка

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

10
2003

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
ГПС "Моспочтамт"

АБОНЕМЕНТ на журнал
Латинская Америка

70497

(индекс издания)

(наименование издания)

Количество
экземпляров:

на 200 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка
на журнал 70497

(индекс издания)

ПВ место пер

Латинская Америка

(наименование издания)

Стои- мость	по каталогу	руб.	коп.	Кол. комм.
	доставку за	руб.	коп.	

на 200 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Уважаемый читатель!

Приглашаем Вас подписаться на наш журнал.
Подписка принимается в любом
отделении связи по Каталогу ФУПС. Индекс 70497.
В розницу журнал не распространяется.